

ПИОНЕР

МАЙ 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1963 г.

Вот каких больших, красивых уток вырастили эти девочки! Недаром о птицеводах Больше-Царевщинской школы Куйбышевской области идет добрая слава.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

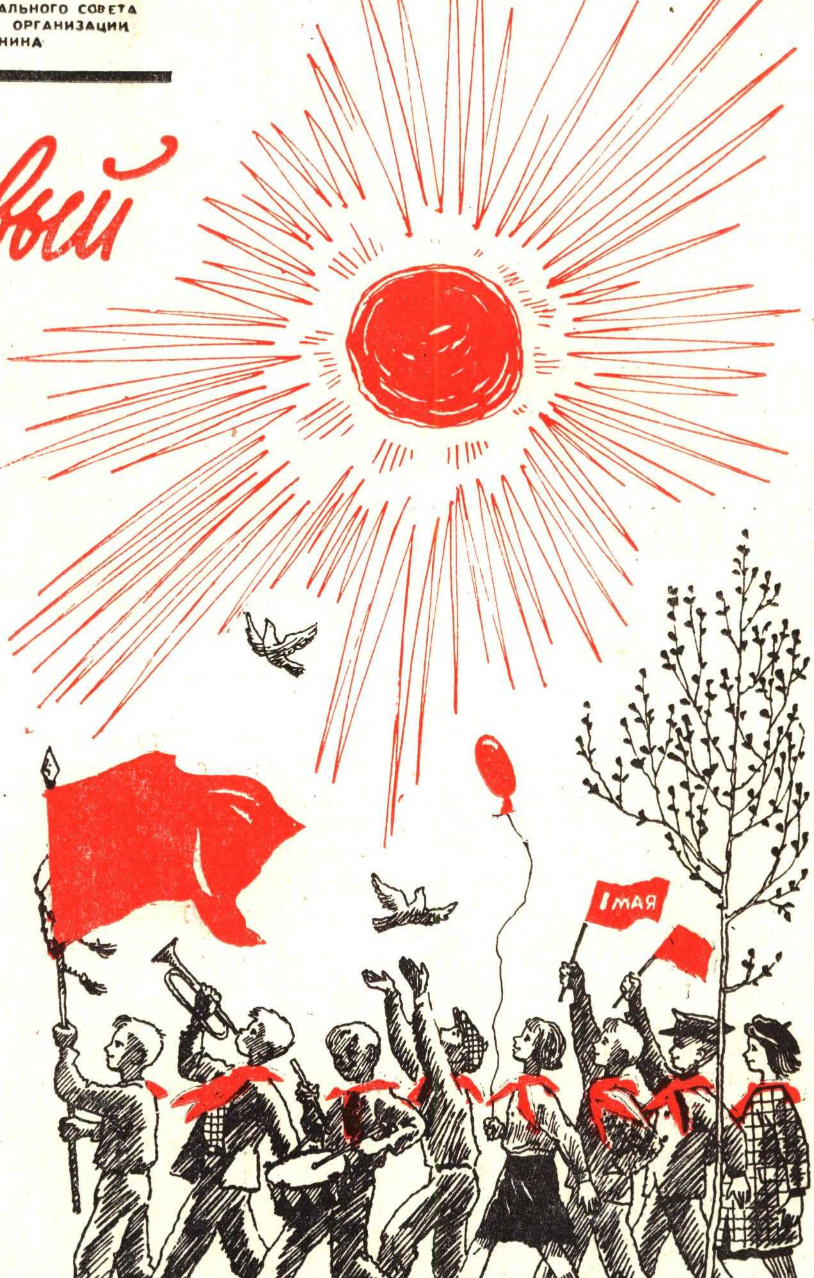
Год издания 40-й

Счастливый МАЙ

Г. САПГИР, И. ХОЛИН

Рисунки Г. Алимова.

Навстречу солнцу
И весне
И он,
И ты,
И я
Идем сегодня
По стране,
Как дружная
Семья.
Текут знамена
Алые.
И льется песнь
Чудесная
Про подвиги
Немалые —
Земные
И небесные.
И птичьим стаям
Нет конца
В лазурной
Вышине.
И молодые
Деревца
Шагают
По стране.
Бей, барабанщик,
В барабан!
Поднимем выше
Знамя!
Чтоб пионеры
Разных стран
Шагали
Рядом с нами.
Рабочий МАЙ,
Счастливый МАЙ,
Парад весенний
Принимай!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МАЙ 5 1963

«Человек украшает землю. Все прекрасное на земле создано руками тружеников. Любовь к земле, к труду хлебороба—это замечательная черта человека. Любите землю, умножайте ее славу».

Из приветствия Н. С. ХРУЩЕВА слету представителей ученических производственных бригад

СМОТРИТЕ, ЗАВИДУЙТЕ!

Посмотрите на снимки, и вы наверняка позавидуете этим ребятам: так ладно и красиво справляются они со своей нелегкой работой, так заражают бодростью и задором.

Глядя на этих ребят, невозможно остаться равнодушным. Хочется улыбнуться Вере Кулик, похожей больше на космического доктора, чем на доярку (верхний снимок), или встать рядом с «добрыми молодцами» в ковбойках и комбинезонах и уж, конечно, хочется пожить в палаточном лагере на краю колхозного поля.

Хорошие ребята, настоящая у них жизнь!

А называется эта жизнь простыми и, может быть, немного скучными словами: ученические производственные бригады.

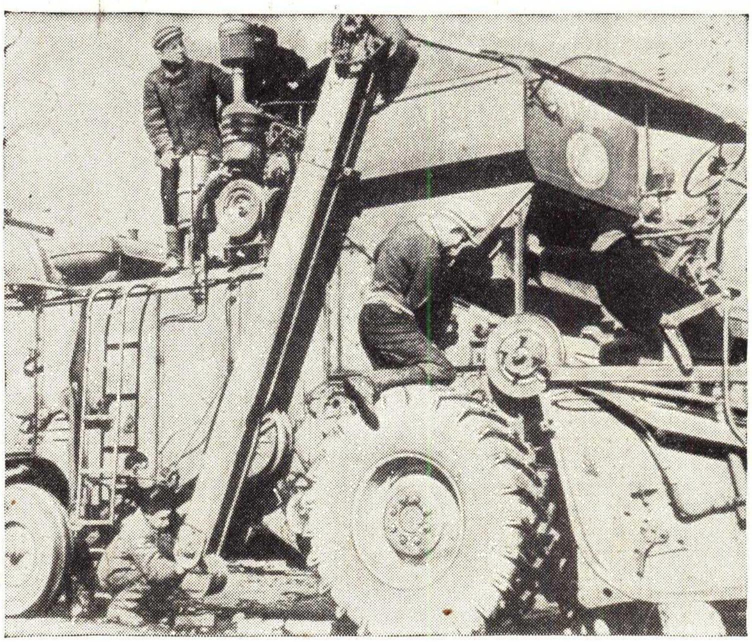
Это те самые бригады, которые родились восемь лет назад.

Бригады, в которых два миллиона школьников учатся всему самому новому, самому передовому в сельском хозяйстве, учатся экономично работать у лучших совхозов и колхозов.

Это те бригады, которые выводят новые сорта и продвигают новые культуры в края, где они никогда не росли.

Это те бригады, где выращивают и убирают урожай без применения ручного труда.

Это бригады, где растет и набирается сил будущее нашего сельского хозяйства.

Этот комбайн еще долго послужит ребятам. Видите, как заботливо выхаживают его механизаторы Березовской школы Красноярского края.

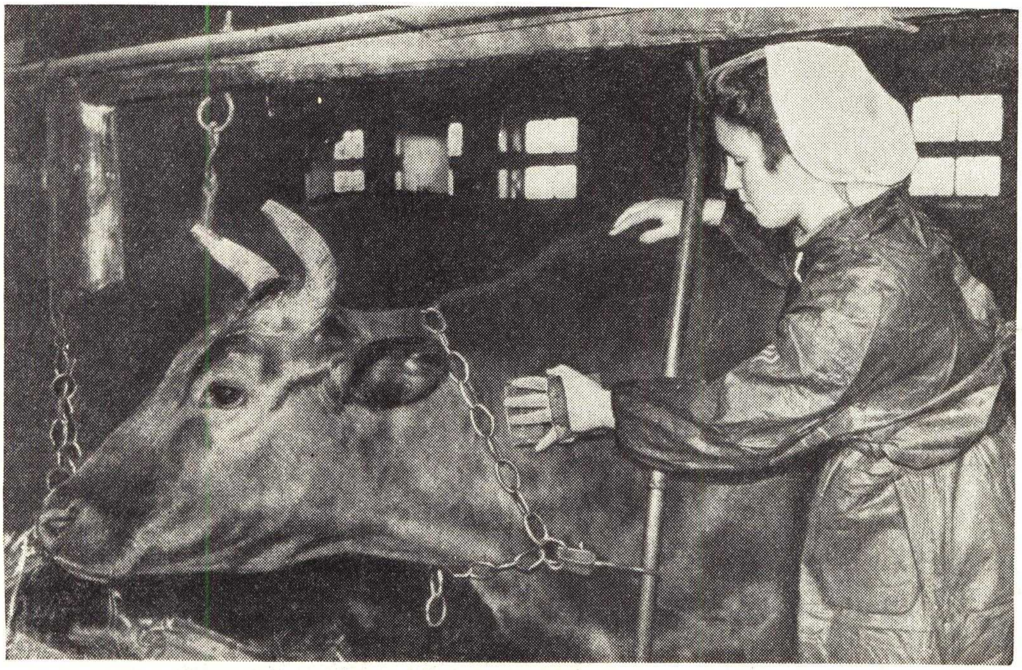
Вот они, «добрые молодцы», краса и гордость ученической бригады, механизаторы Кировоградской школы-интерната имени Гагарина.

БОЛЬШЕ И ДЕШЕВЛЕ

Есть в Целинном крае Арык-Балыкская школа. Из года в год члены ученической бригады получают урожаи выше, чем в совхозе: пшеницы — на 4,5 центнера больше, гороха — на 8,4 центнера.

Но ребята думают не только о том, чтобы собрать побольше центнеров с гектара. Они учатся подсчитывать затраты труда на каждый центнер, добиваются, чтобы урожай был и высокий и дешевый, — учатся быть настоящими хозяевами.

И результаты неплохие: центнер зерна совхозу стоит на полтора рубля дороже, чем ученической бригаде.

Этот снимок сделан на животноводческой ферме совхоза «Гигант», Ростовской области. По всем правилам ухаживают ребята из совхозной школы за своими подшефными.

«КОРОЛИ КВАДРАТОВ»

«Королями квадратов» называют в колхозах многих из тех, кто окончил школу юных гиталовцев. На своих машинах они делают такие ровные квадраты при посеве кукурузы, что, как сказал А. В. Гиталов, «лучше не нарисуешь на бумаге». «Королей квадратов» становится все больше — в этом году прибавится еще пять тысяч.

ЧЕМПИОНЫ РЕСПУБЛИКИ

А вот у ребят из Минжирской школы Молдавской ССР машин раньше не было. Но школьники не захотели работать по старинке, вручную, — сами отремонтировали старый комбайн и из двух негодных тракторов собрали один хороший. Свой участок убрали и колхозу помогли. За хорошую работу колхоз подарил бригаде самый настоящий трактор «Т-38» со всеми навесными орудиями.

Работали ребята не просто хорошо — замечательно! Никто в республике еще не получал такого урожая кукурузы, какой собрало звено семиклассников, — 115 центнеров с гектара! И вправду чемпионы республики!

НИКОГДА ТАКОГО НЕ БЫЛО

Три года назад ребята из Мильковской школы начали первые опыты по выращиванию сахарной свеклы, кукурузы, подсолнечника — культур, которых не было раньше на Камчатке. Сначала было трудно: кукуруза плохо развивалась. Только в этом году ребята получили первые початки молочно-восковой спелости. А зеленой массы с первого года собирали много — до двух метров вымахивали стебли кукурузы.

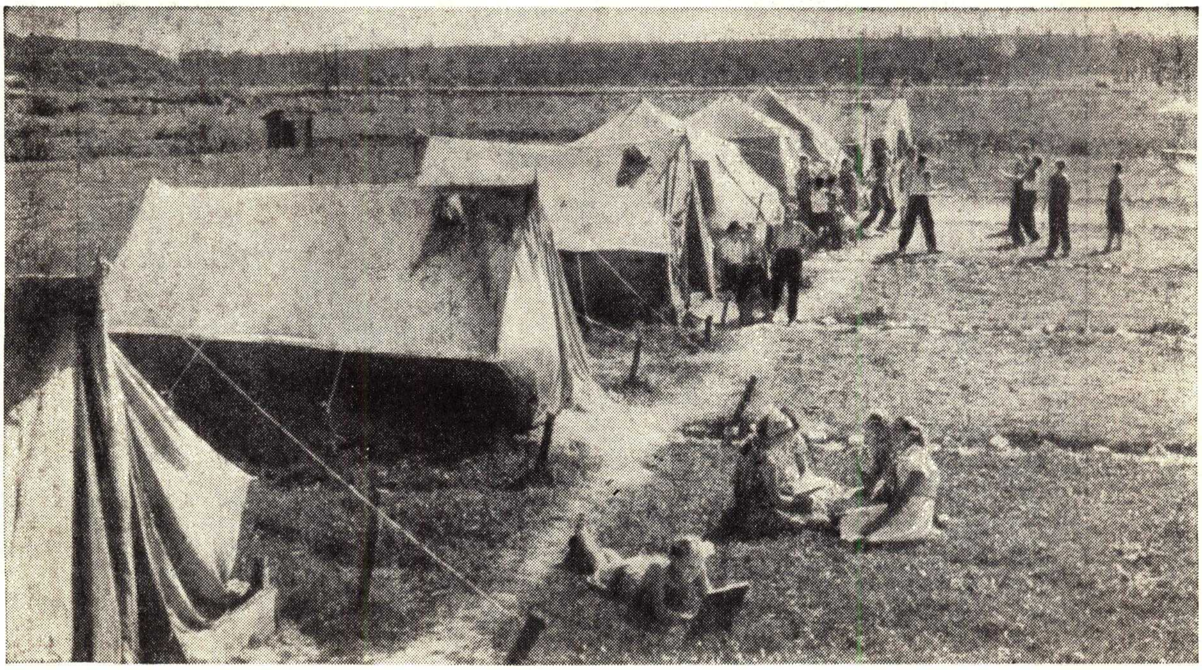
Но знаменитыми на всю страну мильковские ребята стали только после опытов с сахарной свеклой. Впервые в крае вырастили ее ребята и собрали большой урожай — 420 центнеров с гектара.

Опыт ребят повторил совхоз на больших площадях — урожай 320 центнеров, сахаристость тоже хорошая — 20%.

АГРОНОМЫ УДИВЛЯЮТСЯ

...С первых дней всходы привлекли внимание всех свекловодов колхоза. На участке побывали (и не по одному разу!) все агрономы и свекловоды района. И хотя свеклу здесь выращивали впервые, урожай ребята собрали лучший в районе — на 6 гектаров посева по 210 центнеров с гектара.

Не зря удивлялись агрономы такому урожаю! Ребята из Бутурлинской школы Горьковской области «подкормили» землю на своем участке особым удобрением — микроэлементами. Это малые доли металлов — марганца, цинка, алюминия и т. д. Микроудобрения и помогли ребятам вырастить лучший урожай в районе.

Сотни таких палаточных лагерей вырастают летом на полях колхозов и совхозов. В этом живут ребята из школы № 2 города Козельска, Калужской области.

А эти «красные девицы» тоже из школы-интерната имени Гагарина. Светлана Ксендзик и Наташа Караева ухаживают за телятами.

На следующий год опыт повторил колхоз на своих площадях. Урожай — 252 центнера.

УТЯТА ПРИНИМАЮТ АНТИБИОТИКИ

4 500 утят было у звена утководов Дубово-Уметской школы Куйбышевской области. Девочки сохранили почти всех питомцев.

И выросли они здоровыми и крепкими. По совету доктора биологических наук профессора Саркисова птенцам давали вместе с кормом антибиотики, витамины, рыбий жир.

Своими опытами ребята из Дубово-Уметской и других школ Куйбышевской области подтвердили, что антибиотики очень полезны и утятам, и цыплятам, и поросятам.

ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ ЛЕТ

22 гектара земли было у самой первой бригады — Григориполисской школы на Ставрополье. А сейчас, через восемь лет, ученические бригады разных краев и республик трудятся на поле в 900 тысяч гектаров!

На родине первой бригады тоже большие изменения. Сейчас на поле ученической бригады выходит колонна из тринадцати тракторов — настоящий школьный механизированный отряд.

Стихи И. ХОЛИНА

Май

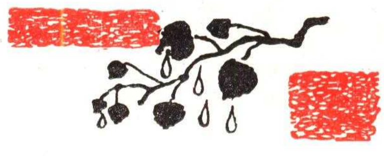

Чтоб солнце
Весною
Лучистей светило,
Мы вымоем
Небо
Мочалкой
И мылом.
И май,
Как парнишка,—
Душа нараспашку.
Пройдет
По стране
В кумачовой рубашке.

Первая гроза

Гроза прошла.
С ресниц
Берез
Стекают капли
Синих
Слез.
И воздух
Влагою струится,
И луг —
Кусок
Цветного ситца,
И радуга
Раскраской линий
Напоминает
Хвост павлиний.

Рисунки Э. Булатова.

Приказ

Ивам было
Велено,
Стали
Ивы зелены.
И цветам
Велели цвесть.
И цветы сказали:
— Есть!
И полям
Пришел приказ
Просыпаться
Тот же час!
Пашни солнцу
Улыбнулись:
— Мы давно
Уже проснулись!

Заплаканная девочка

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Заплаканная девочка
По улице прошла.
А день такой сверкающий,
А даль светлым-светла!

Прошла сторонкой девочка —
Откуда и куда!
Что душу ей встревожило —
Обида ли, беда!

Весны не видя, грустная,
Прошла и скрылась прочь...
Что ж не сказал я:
— Девочка,
Ну чем тебе помочь!

Наверно, недоверчиво
Взглянула бы она,
Взглянула — и увидела б:
Весна вокруг, весна!

Но не догонишь девочку,
Не сыщешь и следа.
Прошла она сторонкою —
Откуда и куда!..

Прошла...
А я все думаю
В тревожной тишине.
Заплаканная девочка
Смутила душу мне...

Весна

Г. САПГИР

За окном
Сияет утро.
За окном —
Зеленый дол.
Раскричались птицы,
Будто
Разыгрались
В волейбол.
Или это
Птичья школа!
За окном
Идет урок.
И спрягают вслух
Глаголы
Сорок галок
И сорок:
«Мы трещим!
Вы трещите!»
Все трещали страшно!
Но...
Строго
Мне сказал учитель:
— Воробьев,
Закрой окно.

Невероятное

Вот что было
На футболе.

Мяч
Катился
Через поле.
Кто-то стукнул
По мячу,
Засветил
«Свечу»,

Мячик
Ввысь
Ушел
Со свистом...
Эх, обидно
Футболистам!
До сих пор
Не кончен
Матч,
Где-то в небе
Кружит
Мяч.

Люди смотрят:
— Что же это!
— Верно, новая
Планета,
Словно Марс
Или Венера,
Только меньшего
Размера.

Стихи САПГИРА

Мы сажаем кусты

Мы сажаем кусты
Вот такой высоты.

Воробьи летят, галдят.
— К нам летите, птицы, в сад!

Воробьи кричат в ответ:
— Где же сад! Сада нет.

— Это просто пустяки —
Не кусты, а кустики!

Ну и что же, что кусты
Вот такой высоты!

Прутик этот голый —
Тополек веселый.

Веточки да лозы —
Вербы да березы.

А эта хворостина —
Красавица рябина.

Мы сажаем кусты
Вот такой высоты.

А как вымахнут они
Вот такой вышины.

Еще выше! Вот такой!
Не дотянешься рукой.

Тут и птицы прилетят
В наш зеленый школьный сад.

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Рисунки И. Незнайкина.

ВСТРЕЧА

Из повести о жизни Марии Александровны Ульяновой

Глава 5

ВСТРЕЧА

К утру началась легкая качка.

Мария Александровна проснулась.

Плескалась вода в умывальнике; из-под койки выезжал саквояж и снова исчезал; пальто, висевшее на вешалке, раскачивалось, как маятник; отчаянно скрипели деревянные переборки.

«А Маруся, наверно, чувствует себя, как в люльке, крепко спит».— Мария Александровна посмотрела на спящую дочь, оделась и вышла на палубу.

Пароход приближался к маленькому городку на скалистом острове, увенчанном темным силуэтом церкви. Среди густой зелени — ущелья улиц. Над морем колыхался предутренний туман и длинными серыми космами поднимался к белесому небу. У берегов качались тени парусных лодок. Матросы разматывали канаты.

— Что это за остановка? — спросила Мария Александровна по-немецки проходившего по палубе помощника капитана.

— Это Мариехамн, Аландские острова, мадам. Сдадим груз, примем почту и теперь уже без остановки до Стокгольма.

Мария Александровна села в кресло. Недалеко от нее в шезлонгах полулежали три женщины; видно, на них плохо действовала качка. Маленькая девочка в белом капоре вертелась возле одной и тормошила ее.

— Мама, смотри, птички! Мама, на домике мельница! — кричала в восторге девочка, указывая то на чаек, то на кормушки для птиц, сделанные в виде крошечных мельниц.

— Успокойся, душа моя, не шуми,— устало уговаривала ее мать.

Девочка чувствовала себя отлично, ее все интересовало, и сама качка забавляла. Мария Александровна вспомнила одно такое утро, когда они всей семьей путешествовали по Волге. Володе было тогда лет пять-шесть. Она сидела вот так же на палубе. Володя, надув щеки и делая руками кругообразные движения, подражал гудку парохода: «У-у-у! У-у-у!» — и стремительно мчался вперед. «Володя, подойди ко мне. Не кричи»,— подзывала его к себе мать.Сын подходил к матери, поднимал на нее глаза и спрашивал: «А почему нельзя кричать?» «Ты мешаешь людям отдыхать». «Пароход еще громче кричит и не мешает, а мне нельзя?» — И, не видя в глазах матери серьезного укора, он снова подражал гудку парохода, носясь по палубе.

Какой он теперь, Володя? В этом году ему исполнилось уже сорок лет. Не видела его почти четыре года. Да и раньше встречи были короткие — вырывался на час-другой.

Вспомнилось, как летом 1906 года Володя приехал в Саблино вместе с женой. Выкроил для отдыха целых восемь дней. Приехали в субботу вечером. За ужином Надя уговорила его торжественно объявить себя неграмотным на все дни отдыха — не заглядывать в газеты, не брать в руки пера, не раскрывать книжки. Купаться, гулять, собирать грибы и ягоды. Устал он тогда очень. За два месяца написал более сорока статей в газеты и журналы, большую брошюру и не меньше пятнадцати раз выступал с докладами и рефератами... Мать была счастлива: Маня, Володя и Надя спали с ней под одной крышей, в воскресенье весь день бродили по лесу, вернулись домой нагруженные цветами, грибами, туесками с земляникой. И понедельник обещал быть чудесным. Утро выдалось великолепное. Дети побежали купаться на Тосну, Мария Александровна накрыла стол к завтраку в беседке и предвкушала длительную прогулку с сыном в лес — в первый раз за многие годы. Но не утерпел Владимир Ильич, не сдержал слова, по дороге с реки завернул на станцию и купил газеты.

На дачу вернулся помрачневший, встревоженный.

«Дума разогнана, я так и предполагал,— заявил он матери, зайдя в беседку.— Сегодня же надо собрать товарищей, посоветоваться, выработать тактику партии».

После завтрака все трое уехали в Питер — организовывать совещание.

«Через несколько дней мы обязательно приедем с Надюшей отдыхать»,— пообещал он огорченной матери.

Но каждый день, раскрывая газеты, Мария Александровна видела, как осложнялась обстановка, царизм переходил в наступление на революцию, и мать понимала, что об отдыхе сына сейчас нельзя и говорить. А потом Владимиру Ильичу и вовсе нельзя было показываться в Питере, и всю работу он перенес в Финляндию.

В следующем году ему уже пришлось перебраться под Гельсингфорс, а в декабрьскую ночь 1907 года где-то здесь, в Ботническом заливе, он пробирался по шхерам, уходя во вторую эмиграцию. Едва не утонул. Но Мария Александровна узнала об этом много позже... Дети часто скрывали от нее свои болезни и преуменьшали опасности и трудности своей работы. Берегли мать. И не знали, как огорчали этим...

На палубе появился стюард. В левой руке он торжественно нес музыкальную шкатулку и крутил, как шарманку. Из шкатулки вырывались звуки вальса на «Сопках Маньчжурии», приглашая пассажиров к завтраку.

Мария Александровна прошлась по палубе.

Пароход отчалил. Ветер затих. Солнечный диск нырял в волнах, рассыпая золотые блики по серым волнам Балтики.

Мария Ильинична увидела мать, стоящую у барьера, и невольно залюбовалась ею. Легко облокотившись на деревянный брус, Мария Александровна, слегка прищурив глаза, вглядывалась в далекую линию горизонта. Порозовевшие от морского воздуха щеки молодили лицо, в карих глазах играли отсветы от волн. В каждой складке платья, в каждом движении—величавость и милое изящество, и вся ее по-девичьи стройная фигура с откинутой ветром полой тальмы казалась летящей над волнами.

«И в семьдесят пять лет мамочка все еще красива,— с нежностью подумала Мария Ильинична.— Нет, даже лучше, чем была в молодости. Сейчас ее украшает мудрость, добрая улыбка в уголках губ стала еще мягче, и все тот же четкий, тонкий профиль. И какой у нее сейчас счастливый и покойный вид!»

Мария Ильинична дотронулась до плеча матери.

— Мамочка, тебя здесь не продует? Пойдем вниз в столовую. Пароход опаздывает.

— А Володюшка, наверно, уже на пристани нас ждет,— отозвалась Мария Александровна.— Совсем-совсем скоро увидим его.

После завтрака обе женщины поднялись на палубу и уже не отрывали глаз от туманной голубоватой дали, где вот-вот должен был показаться Стокгольм.

Он возник неожиданно. На фоне молочного неба выплыли шпили церквей и островерхие крыши.

Швеция! Отсюда происходят предки Марии Александровны по линии матери.

Мелькнули в памяти рассказы двоюродной бабки Каролины о Швеции, не похожей ни на одну страну в мире...

Пароход втягивался между островами в город.

Сейчас уже ничто не привлекало внимания Марии Александровны. Обычная любознательность, интерес ко всему новому отступили перед единственным желанием — скорее увидеть сына. Все четыре года не были так томительны, как эти последние минуты.

На пристани много народу. Мария Александровна, надев очки, разыскивала среди нарядных зонтиков и черных котелков его, сына.

— Маня! — схватила она дочь за руку.— Я не вижу Володю. Уж не заболел ли он?

Мария Ильинична тоже ищет нетерпеливыми глазами брата среди толпы, среди мелькающих шляп и букетов.

— Ну вот же он, Володя! — вскрикнула Мария Ильинична.

— Где, где? Не вижу! — с отчаянием восклицает Мария Александровна и наконец облегченно вздыхает.— Да, да, конечно, это он. Размахивает обеими руками; в одной цветы, в другой шляпа.

И сразу исчезли все зонтики, котелки, опустела пристань, отодвинулся город,— на пристани стоял и по-юношески восторженно что-то кричал он, ее сын.

И вот уже сильные руки нежно обнимают мать.

Розы? Да, да, чудесные розы, но и они сегодня лишние.

Набережная? Улицы XIII века? Это потом, потом, а сейчас смотреть только на него, говорить, слушать, не потерять ни одной минуты.

Мать сидит в экипаже рядом с сыном, плечом к плечу. «Похудел очень,— думает она,— но весел, бодр, счастлив».

Владимир Ильич обнял мать за талию. «Вот она, моя мама, которой всегда так не хватает в жизни». Ком в горле, и горячая волна приливает к сердцу.

Мария Ильинична поглядывает на брата, тихо и задушевно смеется.

Ехали недолго. Со Страндвеген, у парапета которой ныряли в заливе жирные утки, поднялись в гору и свернули на тихую Каптенсгатан с тенистыми кленами у панели.

— Вот мы и дома! — звонко смеется Владимир Ильич, соскакивая с подножки и подавая матери руку.

У дверей квартиры их встречает полная, чистенькая шведка.

— Добро пожаловать,— приветствует гостей хозяйка.

— Познакомьтесь, фру Берг, моя мать Мария Ульянова, моя сестра, тоже Мария Ульянова.

Хозяйка предупредительно распахивает двери. Комната просторная, светлая, с двумя широкими кроватями. На круглом столе пестрые анемоны, на тумбочках у кроватей розы. Вторая смежная комната совсем маленькая — это для Владимира Ильича.

Мария Ильинична осматривает новое жилище. Обо всем позаботился брат: и о том, чтобы снять комнаты на тихой улице, на первом этаже, и чтобы недалеко от моря и от парка, и о пианино для мамочки подумал, и о цветах.

— Неужели встретились? И целую неделю будем вместе? За пятнадцать лет это будет первая такая длительная встреча,— говорит счастливая Мария Александровна.

— Не неделю, а целых десять дней я в полном вашем распоряжении, если не считать утренней работы в библиотеке, нескольких деловых встреч и одного-двух рефератов.

— А если это считать, что же останется для нас? — шутливо спрашивает Мария

Ильинична и звонко чмокает брата в щеку, кружит по комнате, вертит, осматривает со всех сторон.

— Похудел ты очень, Володя, с прошлого года.

— Мерси за комплимент. Это от велосипедной езды. Мы с Надюшей совершаем прогулки по шестьдесят — семьдесят километров в день. А ты, мамочка, ничуть не постарела, ничуть, даже еще лучше стала.

Усаживаются за стол. Хозяйка подает завтрак. Мария Ильинична выкладывает гостинцы: осетрину — в магазине уверяли, что с Волги, черный хлеб — такого за границей нет, московскую колбасу.

— До чего же хорошо дома, просто расчудесно! Жаль только, что нет Надюши.— Владимир Ильич с аппетитом принимается за еду.

О малом и большом идет беседа: о погоде и положении в России, о сестре Анне, ее муже Марке, брате Дмитрии, о Надюше, которая «иззавидовалась вся», провожая мужа в Копенгаген и зная, что он увидит Марию Александровну и Маняшу. Задушевный разговор затягивается до ночи.

Мария Александровна отмечает, с каким необычным аппетитом ест сын. «Нет, не от велосипеда он похудел, наверно, плохо питается».

— Как у вас с деньгами, Володя, на какие средства вы живете? — спрашивает мать.

— Источников дохода у нас много,— смеется Владимир Ильич.

Он переводит, пишет, Надежда Константиновна клеит конверты и надписывает адреса на рекламных проспектах. Это дает возможность существовать и заниматься партийными делами.

— Надюша, помимо большой партийной работы, серьезно изучает постановку народного образования в Швейцарии, во Франции. И, между нами говоря, собирается писать педагогическую энциклопедию. Очень нужное дело.

— И вашего заработка вам хватает? — продолжает настойчиво выяснять мать.

— Вполне! Ну, а когда совсем туго приходится, что бывает весьма и весьма редко, тогда я получаю свое партийное жалованье. Я ведь на службе у партии, и мне положено жалованье.

— Как вы питаетесь?

— Готовит мать Надюши Елизавета Васильевна. Правда, мы не позволяем ей тратить на это время и частенько обедаем в извозчичьей столовой. Кормят там сытно, дешево, просто прелесть! Просто прелесть!— подчеркивает Владимир Ильич и, чтобы переменить тему разговора, подробно рассказывает о том, что надо посмотреть в Стокгольме.

— По утрам я буду работать в библиотеке, а вы — осматривать музеи, побываете в магазинах.

— В общем, будем заниматься всем тем, до чего ты не охотник,— лукаво заметила Мария Ильинична.

— Нет, просто я плохой чичероне, не умею объясняться по-шведски. У меня здесь есть товарищ по Питеру, я попрошу его сопровождать вас, он прилично знает шведский язык. Завтра поедем к нему, а сегодня...

— Сегодня, если можно, посидим дома,— предлагает Мария Александровна.

— С превеликим удовольствием,— соглашается Владимир Ильич.

В комнату заползли сумерки. Владимир Ильич опустил деревянные жалюзи на окнах, зажег настольную лампу. Мария Александровна подошла к пианино, раскрыла папку с нотами. Сын подобрал ее и свои любимые произведения: Бетховен, Чайковский, Мусоргский.

— Мамочка, как давно я ждал этого! — восхищенно воскликнул Владимир Ильич, когда Мария Александровна села за пианино.

Слушать игру матери для Владимира Ильича было всегда огромным наслаждением. Все детство прошло в атмосфере музыки, которой Мария Александровна увлекалась со всей страстью художника и приохотила к ней всех своих детей.

«Третья патетическая»... Владимир Ильич обнял сестру за плечи. Оба стоят рядом, оба безмолвные, потрясенные. Кажется, никогда они еще не слышали такой тонкой и правдивой передачи мудрости и силы этого произведения. А может быть, это потому, что играет мать?

Мария Александровна играла весь вечер, как в те далекие дни в Симбирске, когда жив был отец, живы были Саша и Оля.

...Утром, когда сквозь прикрытые жалюзи на полу выстлались солнечные полосатые дорожки, Мария Александровна проснулась. Ей стало зябко. Она взяла со стула свою «теплышку» — шерстяной халат,— но вместо того, чтобы накинуть его поверх одеяла, надела на себя. «Детям, наверно, тоже холодно»,— подумала она. Прикрыла дочь теплым платком. «А Володю? Что накинуть на него?» Подошла к вешалке, сняла его пальто, осмотрела, взвесила на руке и вздохнула: потертое, легкое. Заглянула в полуоткрытую дверь смежной комнаты. Сын крепко спал, подложив под голову руку. Мать вошла в комнату и остановилась перед кроватью. Вот теперь он ничего не может утаить от нее. Глубокие складки залегли у рта, даже усы не скрывают их, бледное лицо, только ухо рдеет, и брови сдвинулись, словно в тяжелом раздумье. «Вовсе не от велосипеда ты так дурно выглядишь. Много сердца отдаешь своему делу. Трудно тебе? Иначе, наверно, нельзя. Иначе можно остановиться на полдороге, не дойти до цели. Ты избрал этот путь, взялся идти по нему стремительным шагом. Так иди же, иди. Лишь бы хватило сил. Только бы был здоров... Перенять бы на свое сердце твою ношу.— Мария Александровна осторожно накрыла сына пальто.— Присесть бы на кровать, натянуть сбившееся одеяло, положить ладонь под щеку, ощутить биение жилки на виске, утолить жажду матери. Но нет, не надо этого, разбудишь сына...»

Тихое утро... Спящие дети... Покой на сердце.

Мария Александровна вышла из комнаты.

Мария Ильинична тревожными блестящими глазами посмотрела на мать. Теплый платок лежал свернутый на кровати.

— Ну, раз проснулась, вставай, Маруся, многое надо успеть увидеть. Давай готовить завтрак и тогда разбудим Володю. И знаешь что,— Мария Александровна подошла к дочери,— я раздумала покупать себе зимнее пальто, мое еще совсем приличное, теплое, не сумею я с ним расстаться, новое все равно в шкафу висеть будет. А вот Володе надо купить пальто, у него совсем старенькое, ветром подбитое. Сделаем это красиво — подарим ему в честь сорокалетия.

Мария Ильинична присела на кровати.

— А два пальто — и тебе и ему — не выйдет?

— Нет, мне, право, не нужно. И еще я думаю купить примус. Будем готовить обед сами, это значительно дешевле.

— Ну, уж нет, я категорически против! — раздался веселый голос Владимира Ильича из соседней комнаты.

— Как не стыдно подслушивать! — погрозила пальцем в его сторону сестра.

— Нет, не имею такой дурной привычки, просто не затыкал ушей, когда вы разговаривали. Как ты себя чувствуешь, мамочка? Тебе было холодно?

— Давно не спала я так, как сегодня. Кровать роскошная, мягкая, даже ноги мои не ныли.

— Заходи, Володя, я оделась! — крикнула Мария Ильинична.

— Спасибо, мамочка, что накрыла меня, но, право, мне было тепло. Сегодня в библиотеку я не иду,— заявил Владимир Ильич.— Мы поедем с Маняшей к Якову Семеновичу, я передам вас под его опеку, а мамочка тем временем погуляет в парке.

Глава 6

В СТОКГОЛЬМЕ

Яков Семенович осторожно поднял с земли светло-зеленую плеть настурции, сквозь тонкую кожицу которой угадывалось движение соков, осторожно подвязал ее к колышку. Крохотный палисадник был обнесен низкой оградой и походил на большую корзину с цветами. Перешагнув через пышный куст анютиных глазок, Яков Семенович собрал распавшиеся в стороны стебли гвоздики и готовился уже связать их, как услышал шаги и какой-то очень знакомый голос:

— Яков Семенович, это вы?

— Да. Одну минутку,— ответил садовник, закрепляя узел. Он поднял голову, заслонил рукой глаза от солнца и охнул. Не разбирая тропинки, шагая прямо по цветам, поспешил к гостю.— Владимир Ильич! Какими судьбами?

— Здравствуйте, Яков Семенович. Теперь я вижу, что вы цветоводством занимаетесь для души, а не только ради конспирации. Знакомьтесь: моя сестра Мария Ильинична, в гости приехала вместе с моей мамой.

— Заходите в дом,— захлопотал хозяин.— Соня,— крикнул он в открытое окно,— смотри, кто к нам в гости пожаловал!

Владимир Ильич знал Якова Семеновича по Питеру еще с революции пятого года. Наборщик маленькой частной типографии Яков Семенович не раз выручал питерскую организацию, добывая шрифты для больше-

вистской типографии. А однажды ночью рабочие-дружинники сняли хозяйских наборщиков, заперли их, а за наборные кассы встали члены партии большевиков и с ними Яков Семенович, чтобы набрать срочный номер газеты. Свежие номера Яков Семенович сам отнес Владимиру Ильичу.

В 1906 году по указанию партии Яков Семенович эмигрировал в Швецию. Жена осталась в Питере: она ждала ребенка. Перед отъездом Яков закопал под окном своей хибары ящик со шрифтами; пригодится,— купил на рынке куст роз и посадил его под окном, чтобы была примета. Роза прижилась, весной покрылась бутонами и в июне полыхала под окном, как жаркий костер, и это было последним утешением Софьи, похоронившей своего новорожденного.

Люди подолгу стояли перед покосившимся забором палисадника и любовались на розовый куст, невесть как очутившийся здесь, в петербургских трущобах за Обводным каналом. Остановился как-то околоточный, глянул на розу и кликнул хозяйку.

— Эй ты, Сара! Уничтожь сейчас же эту погань! Ишь, красный цвет развели! Убрать немедля!

Соня поспешно оборвала головки роз и понесла в фартуке ворох душистых лепестков.

— Бутоны сорвать, а то завтра опять распустятся! — кричал ей вслед околоточный.— Перевешать вас не успели; забыли бы тогда, как цветы разводить. Придумали тоже: розы!

Соня срезала бутоны и остригла ветки, чтобы не появились новые цветы. Нужно было сберечь самый куст: под ним был клад, и этот клад принадлежал партии.

Осенью 1907 года Соне удалось перебраться к мужу в Швецию...

— Где работаете, как люди настроены, есть ли связь с Россией? — расспрашивал Владимир Ильич.

Яков Семенович работал теперь в типографии подсобным рабочим, надеялся получить работу наборщика, но мешало недостаточное знание шведского языка.

— Хорошо в Швеции, слов нет, но хорошо тому, кто думает о существовании, а не о жизни. Спокойно здесь, безопасно, но эмигрант всегда чужак, Владимир Ильич, тянет на родину, в Россию.

— Мы вернемся, вернемся в Питер, Яков Семенович, дайте только срок.

— А срок-то какой, Владимир Ильич?

— Ну, лет десять, не больше. Необходимо собраться с силами, организоваться. Срок уж не так велик, а успеть надо многое.

— Думаете, доживу?

— Безусловно, доживем.

Яков Семенович вздохнул и задумчиво постучал по столу искривленным указательным пальцем — пальцем наборщика.

— Вы не могли бы быть нашим проводником, показать нам Стокгольм? И большая просьба к Софье Михайловне — помочь моим гостьям сделать кое-какие покупки,— сказал Владимир Ильич.

— С большой радостью, с большим удовольствием, Владимир Ильич. Завтра мы оба совершенно свободны,— ответил Яков Семенович.— Соня, нарежь цветов для матушки Владимира Ильича.

...Красив и своеобразен Стокгольм. Океанские пароходы бросают якорь в центре города. На трех островах — Стадс-, Риддар- и Хельгеандсхольмен — расположился старый город с узкими улицами, где еле разъезжаются два экипажа. Новую часть полонили парки, скверы с фонтанами, мостовую от панели отделяют грядки ярких цветов. В детстве, по рассказам бабки Каролины, Стокгольм представлялся маленькой Машеньке городом из пушкинской сказки, островом Буяном с причудливыми дворцами и легкими кружевными мостами. Бабка Каролина по шведскому обычаю к пасхе красила гусиные перышки и делала из них яркие пушистые цветы, а Машенька с сестрами прикрепляла их к голым веткам вербы. На день рождения вокруг именинного пирога зажигались свечи.

Мария Александровна родилась в России, в Петербурге, провела почти всю жизнь на Волге и чувствовала себя в Швеции, как в музее.

Осмотрели королевский дворец. Яков Се-

менович рассказал, что по шведской конституции король не имеет права переступить порог парламента, чтобы «не нарушить демократии», поэтому новый состав парламента является во дворец, чтобы представиться королю.

— Это настоящий спектакль,— смеется Яков Семенович.— Членов парламента и правительства приветствуют с балкончиков троекратным реверансом принцессы в старинных нарядах, и члены парламента трижды кланяются им. Затем выходят драбанды в средневековых доспехах, в сопровождении свиты появляется король, усаживается на трон и зачитывает тронную речь. Забавно!

— И все же здесь нет такого общественного бедствия, как царское правительство,— замечает Владимир Ильич.

— А помнишь, Володя,— обратилась к брату Мария Ильинична,— в пятом году шведский народ поддержал требования Норвегии о выходе из унии, и правительство вынуждено было согласиться. Если бы это было в России!

— И, представь себе, обе стороны, и Швеция и Норвегия, от этого только выиграли. Отношения с Норвегией сейчас значительно лучше, чем тогда, когда она была насильственно привязана к Швеции. Шведы — цивилизованный народ, в стране вовсе нет неграмотных.

— Да, это не Россия,— согласился Яков Семенович,— у нас на каждые десять человек восемь неграмотных.

— Сколько талантов не раскрыто! — как бы про себя заметила Мария Александровна.

— Да, мамочка, сколько Ломоносовых загублено! — живо подхватил Владимир Ильич.— Даже американские негры, как ни придавлены они, все же счастливее русских крестьян. Среди них больше грамотных. В Америке на каждую тысячу жителей приходится вчетверо... вчетверо,— подчеркнул Владимир Ильич,— больше учащихся, чем в России. Какую гигантскую работу нужно проделать, чтобы Россия догнала Америку!..

Улицы города внезапно оживились. Наступил обеденный час, и Владимир Ильич предложил заглянуть в кафе. С трудом разыскали свободный столик.

— Как непохожи шведские кафе на парижские! — отметила Мария Ильинична. — В Париже что ни кафе, то политический клуб, диспуты, споры, а здесь чинно и тихо, как в церкви.

Рядом за столиком сидели две пожилые шведки. Одна из них что-то вполголоса рассказывала, другая, отпивая маленькими глотками кофе, ограничивалась междометиями «Я-гха!», «Я-гха!» и в особо патетические моменты восклицала: «Я-ссо!».

Владимир Ильич усмехнулся, вспомнил, как это «я-гха» повторял на разные лады финский рыбак, когда они пробирались ночью через ледяные торосы в Абоских шхерах.

Яков Семенович, прислушавшись, рассказал легенду, слышанную им от местных жителей.

Во время «крестовых походов» шведов против Новгородской земли вслед за войском в Россию тянулись купцы, ремесленники, знахарки. Знахарки врачевали травами, пахучими мазями. К ним приходили русские крестьяне, сетовали на свои недуги. Лекарки, не понимая их, кивали головами и, как заклинание, повторяли свою «я-гха», «я-гха»: понимаю, мол, понимаю — и снабжали за добрую мзду лекарственными снадобьями, которые редко помогали, а часто и вредили. Отсюда будто бы и происходит название «баба Яга»...

— Я что-то не помню, чтобы мне грандтанте Каролина рассказывала подобное,— посмеялась Мария Александровна.

Софья Михайловна отметила необыкновенную вышколенность шведов, их высокую бытовую культуру. Вряд ли на улице можно услышать брань, ссоры в магазинах, ругань в трамваях.

— Здесь муниципалитет даже ввел порядок, по каким дням жители города могут проветривать на балконах постели и по каким дням выбивать ковры, и шведы строго придерживаются этих правил.

— Помогают ли шведские рабочие своим собратьям по классу, руссим политическим эмигрантам? — поинтересовался Владимир Ильич.

— О, да,— ответил Яков Семенович,— мы ощущаем солидарность шведских рабочих. Некоторые профсоюзы оказывают материальную помощь вновь прибывающим эмигрантам. Пожаловаться нельзя.

Выйдя из кафе, продолжали прогулку по городу. Осмотрели здание Оперы, купили билеты на концерт.

На ступеньках театра сидели студенты и пожилые шведы и, подставив лицо солнцу, ловили его угасающие лучи. В Стокгольме, как и в Питере, белые летние ночи и темные зимние дни.

По дороге домой остановились у памятника Карлу XII. С непокрытой головой, в русском полушубке, пола которого отверну-

та морским ветром, Карл шпагой указывает на восток.

— Шведские студенты,— пояснил Яков Семенович,— объясняют этот жест Карла так: не забывайте, мол, моего опыта.

— И в самом деле, лучше торговать, чем воевать, лучше быть Меркурием, чем Марсом,— улыбнулся Владимир Ильич.— А теперь мне хочется угостить мамочку великолепными цветами, живописным пейзажем и музыкой одновременно. Поехали в Дьюгорден... Это зоологический парк,— пояснил он матери.

...На следующий день вечером Мария Александровна принялась за письмо Анне, Владимир Ильич и Мария Ильинична устроились за круглым столом.

Закончив письмо, Мария Александровна принялась за вязание,— не может она сидеть сложа руки. Поверх очков посматривает на детей. Маруся, сцепив пальцы и вся подавшись вперед, ловит каждое слово брата. Большие темные глаза ее стали совсем черными, над высоким ясным лбом распушились волосы. Маруся не блистает красотой, всегда старается остаться незамеченной, на людях как-то съеживается. А дома, где все ее любят такой, какая она есть, она делается прелестной и смешливой. Сейчас ее лицо, освещенное большой тревогой, глубоким раздумьем, кажется матери прекрасным.

Мать прислушивается к разговору, и ей становится понятно, какую напряженную борьбу ведет ее сын со своими противниками. Он верит, что под толщей реакции назревает новый родник революционного движения, и надо проложить для него русло. Надо смести преграды и вывести движение на широкий простор.

— Ты доволен своим свиданием с Горьким на Капри? — спрашивает Мария Александровна.

— Да, мамочка, поездка была и нужной и интересной. Спорили мы с Алексеем Максимовичем отчаянно. Он много сделал для пролетарской культуры и должен сделать еще больше. Огромный талант, огромный. Он должен принадлежать рабочему классу весь целиком... Какие прелестные прогулки мы с ним совершали! — мечтательно произносит Владимир Ильич.— Часто вместе любовались на восход солнца... А ребятишки там прелесть. Прозвали меня синьором Дринь-Дринь и каждый день у калитки дожидались, тащили меня в море рыбу ловить...

— Почему Дринь-Дринь? — удивилась Мария Ильинична.

Владимир Ильич рассказал, как один итальянский рыбак учил его ловить рыбу на леску с руки и, показывая, как надо подсекать, бормотал что-то похожее на «дринь-дринь». Владимир Ильич закинул леску и почувствовал, что клюет. «Дринь-дринь!» — весело воскликнул он, вытягивая рыбешку. «Дринь-дринь»,— повторил рыбак и рассмеялся. И, встречая затем Владимира Ильича на улице, приветствовал его: «Добрый день, синьор Дринь-Дринь».

Спать разошлись поздно. Мария Александровна видела полоску света под дверью комнаты сына. Владимир Ильич готовился к выступлению с рефератом на собрании местных социал-демократов. На реферат пойдет Мария Ильинична. Так было решено вечером. «Может быть, и мне пойти? — подумала Мария Александровна, но тотчас отогнала от себя эту мысль: — Нет, нет». Двадцать три года назад она слушала на судебном заседании последнее слово своего сына Александра. Не могла дослушать до конца: душили слезы, разрывалось сердце. Ушла. И с тех пор никогда не ходила на выступления своих детей. Дети знали это и не предлагали матери бывать на собраниях, где они выступают, даже в годы революции. Но эта мысль растревожила Марию Александровну, и она уснула только тогда, когда исчезла светлая полоска под дверью.

...Пальто выбирали долго. Услужливая фрекен в коричневом блестящем форменном платье продавщицы предлагала самые модные фасоны, а Марии Александровне хотелось купить пальто для сына легкое, теплое и не чересчур модное. Наконец, фрекен предложила серое драповое пальто. Мария Ильинична и Софья Михайловна одобрили этот выбор. Пальто было куплено.

— А теперь, мамочка, пойдем в магазин для дам, подберем тебе хорошее черное платье.

Мария Александровна улыбнулась.

— Опять что-нибудь модное будут предлагать. Нет уж, здешние платья мне вовсе не нравятся, а вот внизу я видела очень симпатичную вещь...

Этой симпатичной вещью оказался плед, с одной стороны гладкий коричневый, с другой — темно-вишневый, в белую и голубую клетку.

— Вместо платья ты решила купить себе плед? — разочарованно спросила Мария Ильинична.

— Да, мне он очень нравится. Я думаю, что Володе он тоже придется по вкусу. У них,

наверно, и теплого одеяла нет, а плед он и в дороге и дома пригодится.

— Ну, что с тобой поделаешь?— Мария Ильинична обняла мать.

В то утро Мария Ильинична говорила с хозяйкой дольше обычного. Фру Берг не знала другого языка, кроме родного, шведского, и русская гостья умудрялась договариваться с ней об обеде и всяких хозяйственных делах на какой-то смеси французского и немецкого, сопровождая свой разговор выразительной жестикуляцией. Из кухни слышался звонкий смех Марии Ильиничны.

— Маняша, видно, просит поджарить котлеты, а хозяйка понимает, что надо сварить картошку,— шутит Владимир Ильич.

— Сегодня у нас будет парадный ужин,— торжественно заявила Мария Ильинична, выходя из кухни и вытирая слезы.— Намучилась я ужасно. Насмеялась до слез.

— Могу себе представить, что этот лукуллов пир будет состоять из яичницы с колбасой,— заметил Владимир Ильич.— Но я предпочитаю яичницы, приготовленные Надюшей. Ах, какой она мастер их готовить! — смеется Владимир Ильич.— Итак, я иду в библиотеку, а у вас по программе концерт.

Мать и сестра проводили Владимира Ильича до Королевской библиотеки, расположенной в небольшом тенистом парке Хумлегорден.

Владимир Ильич, помахивая тетрадкой, поднялся по каменным ступенькам, Мария Александровна и Мария Ильинична пошли в филармонию.

Вечером Мария Ильинична попросила мать и брата посидеть у него в комнате, пока она будет накрывать с хозяйкой к ужину.

— Я покину тебя еще на один вечер,— сказал Владимир Ильич матери,— в субботу я читаю реферат «О положении дел в партии», а перед этим поработаю в библиотеке. Это архинеобходимо,—пояснил он, как бы оправдываясь.— Буду читать реферат для наших социал-демократов.

— Для социал-демократов? — повторила мать задумчиво.— Мне бы хотелось побывать на твоем реферате, если это возможно... если мне позволительно быть в кругу твоих единомышленников.— Мария Александровна посмотрела на сына.

Владимир Ильич ответил не сразу, только глаза его потемнели и стали теплыми-теплыми.

— Мамочка! Но ведь ты и есть наш единомышленник, самый верный и самый стойкий. Я буду рад... Я буду счастлив...

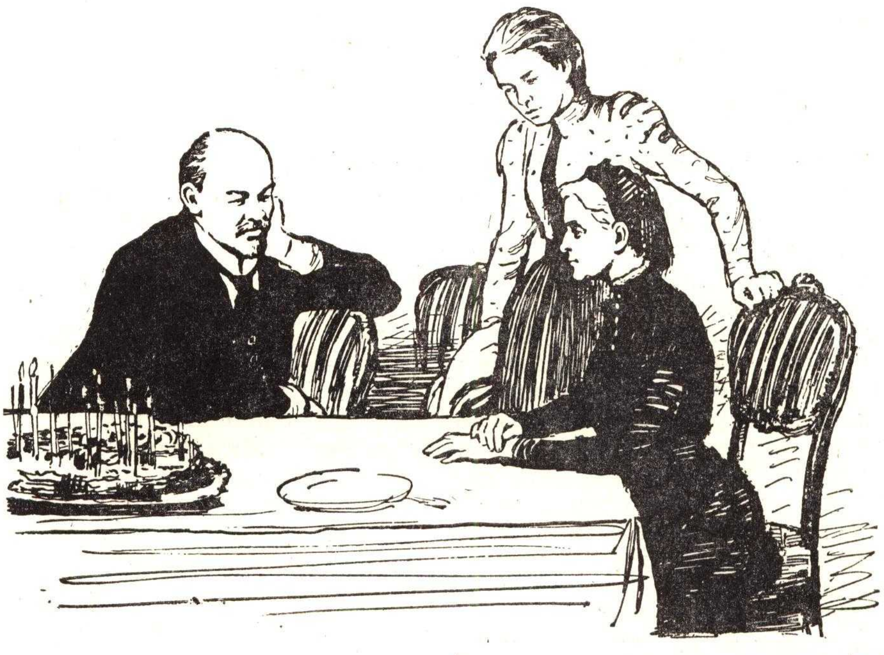
— Прошу к столу! — распахнула дверь Мария Ильинична.

Владимир Ильич взял под руку мать, и оба остановились в дверях.

На столе вокруг торта хороводом стояли свечи. Очень много тоненьких восковых свечей, и они мерцали в темной комнате, как Млечный Путь.

— Что это за иллюминация? — спросил озадаченный Владимир Ильич.

— В честь семидесятипятилетия нашей

мамочки. А свечи придумала милая фру Берг. По местному обычаю. Семьдесят пять свечей. Правда, красиво? И твои сорок, Володя, входят сюда.

— Очень красиво, очень торжественно, но мое семидесятипятилетие уже миновало несколько месяцев назад,— сказала растроганная Мария Александровна.

— А мы воспользуемся случаем и отпразднуем его сейчас.

Язычки пламени вытягивались все выше,

вот они соединились и образовали над тортом огненный шатер, свечи потрескивали, в комнате запахло теплым медом.

Мария Александровна села за стол и смотрела на гудящий костер.

Когда горит одна свеча или несколько — это трогательное и большей частью печальное зрелище, а когда огоньки вот так сливаются в гудящее пламя — это потрясает.

Владимир Ильич не отводил глаз от маленьких, изящных рук матери с тонкими пальцами, может быть, впервые в жизни находившихся в праздности.

Семьдесят пять лет! И каждый год зрелой жизни — год подвига, бескорыстного, чистого, светлого, как это пламя.

Все трое молчали. Мария Ильинична теребила скатерть и сжала губы, чтобы не расплакаться, Владимир Ильич побледнел и все глядел на руки матери с синеватыми прожилками под пергаментной кожей, на пальцы, чуть вздрагивающие на белой скатерти...

Глава 7

«ДОСУГ И ПОЛЬЗА»

Настя шла по Дроттнингсгатан — улице Королевы, шла быстро, желая прийти первой. Яркие огни витрин, свет уличных фонарей искрились в русых завитках волос, выбившихся из-под старенькой шляпки. Простенький жакет с пышными рукавами облегал тоненькую фигуру девушки. Она скользила между прохожими, задевая рукой прохладный шелк благоухающих платьев шведок, не задерживаясь у витрин и красочных реклам, занятая своими мыслями. Настя не успела после работы заехать домой переодеться и несла с табачной фабрики на волосах, одежде пряный запах сигар.

Шведы парами, целыми семьями чинно прогуливались, останавливались у витрин, вполголоса обсуждая выставленные в модных лавках парижские новинки. По мостовой плавно катили экипажи с нарядными, чопорными матронами и кавалерами. Иногда фаэтоны осторожно обгонял неуклюжий автомобиль, и шофер проигрывал на рожке веселую песенку, предостерегая извозчиков и пешеходов.

Массивный, как шкаф, полисмен время от времени вскидывал резиновую дубинку и, подхватив под руку престарелую шведку, не спеша переводил ее на другую сторону улицы. Извозчики натягивали вожжи, и лошади, уткнувшись мордой в грудь, покорно выжидали. На углу из-под крышки белого ларя, в котором томились сосиски, вырывался вкусный горячий пар.

По лицу девушки скользнула улыбка. Она вспомнила, как однажды отсиживалась в ларе, не таком, а в большом деревянном рундуке для дров, и чуть не замерзла. Настя глянула на горку золотистых булочек на стойке, на миску, полную сладкой горчицы, проглотила слюну, и каблучки ее высоких ботинок еще дробнее застучали по каменным плитам тротуара.

Настя спешила. Шведам спешить было некуда. И девушке вдруг стало жалко их, сытых, спокойных, благополучных. Она поняла, что богаче их, счастливее, хотя и была вдали от родины, и ей незачем было ходить в модные лавки, и сегодня за целый день она съела крохотную тминную булочку и выпила только чашку кофейного суррогата.

У дверей Народного дома, с трудом подбирая шведские слова, она спросила у швейцара, где собираются члены общества «Досуг и польза». Швейцар назвал номер комнаты. Настя протянула пригласительный билет и прошла в дом.

В небольшой комнате было уже шумно. Все пришли заранее, боясь опоздать; пришли прямо с работы, но настроены были по-праздничному, взволнованные предстоящей встречей. Запах табака смешался с запахом типографской краски, машинного масла, рыбы, олифы.

В этот субботний вечер в шведском Народном доме собрались русские социал-демократы, зарегистрированные в шведской полиции как общество «Досуг и польза».

Люди перекидывались шутками, расспрашивали друг друга о работе, о здоровье, но делали это так, между прочим, чтобы скоротать время до начала собрания.

В комнату вошел Яков Семенович и с ним две женщины. Одна пожилая, невысокая, по-юношески стройная, с тонким, прекрасного рисунка лицом, вторая молодая, черноволосая, с искрометными карими глазами.

— Прошу любить и жаловать,— обратился к присутствующим Яков Семенович,— мать Владимира Ильича — Мария Александровна, сестра — Мария Ильинична, член социал-демократической партии.

Все встали.

Настя протиснулась вперед и широко распахнутыми жадными глазами всматривалась в лицо Марии Александровны.

Мария Александровна и Мария Ильинична сели на предложенные стулья. Настя проворно подвинула свой стул поближе к ним.

Мария Александровна обвела глазами почему-то вдруг взгрустнувших людей и сердцем поняла их.

Высокий худой юноша с крутыми завитками черных волос, встретившись взглядом с ней, опустил глаза и стал хлопотать у волшебного фонаря, стоявшего на столе.

— Надо оправдать название нашего общества,— обратился он к товарищам.— Будем развлекаться туманными картинами. До начала собрания добрых четверть часа.

Он прикрепил большой лист бумаги к стене и распорядился:

— Кто там поближе, погасите свет, начинаем представление!

В комнате стало темно. В памяти Марии Александровны возникли своды мрачного зала судебного заседания, куда двадцать три года назад она пришла, чтобы выслушать последнее слово своего Саши. Заседание суда происходило при закрытых дверях, присутствовали только чиновники. Сколько холодной ненависти прочитала она в их глазах — ведь она была матерью государственного преступника, посягнувшего на жизнь царя! В полутемном зале ей посветила тогда только улыбка сына.

И вот сегодня, спустя почти четверть века, не устояла она против желания послушать своего другого сына — Владимира. Кто знает, может быть, и не придется его больше услышать? Семьдесят пять лет все чаще напоминают о себе... Здесь встретили ее хорошо, тепло, и вот девушка, что так прильнула к ней, наверно, стосковалась по своей матери. От ее волос пахнет табаком, как от волос Мани, когда она возвращается со своих занятий.

На белом листе трепетало светлое пятно от фонаря, затем появился квадрат и вырисовалась Адмиралтейская игла. Вот Невский проспект, нарядная публика, застывшие на лету лошади, вывески: «Торговый дом», «Промышленный банк».

— Питер! — вздохнул кто-то.

Питер... Россия...

Настя, как и каждый из сидящих в этой комнате, оставила Россию по велению партии. На родине ей угрожала в лучшем случае бессрочная каторга «за преступные деяния, направленные к лишению государя императора власти, к ниспровержению монархии в России, к установлению демократической республики».

Но когда она вступила на чужую землю, не чувство безопасности и свободы охватило ее, а щемящая тоска по России. Никогда, живя дома, Настя не задумывалась над тем, любит ли она родину. А вот здесь, в безмятежном, тихом Стокгольме, она поняла, что любит сильно, нежно и навек свою униженную и несчастную Россию, и, может быть, впервые ощутила полноту своей личной ответственности за ее счастье, за ее благополучие.

— Жаль, что нет такой трубы, чтобы посмотреть, что делается у наших, на Путиловском. Как они там? — раздался голос из темного угла.

— Глазком бы взглянуть на глуховцев! — В звенящем женском голосе слышались слезы.

Вид с царской яхтой «Штандарт» под распущенными парусами сменил уголок Летнего сада.

Летний сад!..

Мария Александровна шла тогда мимо этого сада, еще прозрачного, но уже обрызганного яркой зеленью едва распустившихся почек, шла и заставляла себя думать о том, что в такие весенние дни смерть не в силах состязаться с жизнью, должна отступить, и приговор о смертной казни казался нелепым и неправдоподобным. «Приговором хотят запугать, казнить не посмеют, не могут». Мария Александровна старалась заглянуть сквозь страх в сердце, чтобы оно подсказало хороший исход, укрепило надежду.

Вошла во двор Петропавловской крепости. Посыпанные ярким желтым песком дорожки, нарциссы во всей своей первозданной белизне, синие чашечки крокусов, изумрудная зелень травы радовали глаз. «Как красиво здесь!» — с чувством благодарности подумала она. Как успокаивают, наверно, узников даже короткие прогулки! А потом взглянула на это глазами Саши и обмерла, ужаснулась жестокости. Ведь сделано все это не из человеколюбия, а со злым умыслом. Показать, как хороша жизнь на воле. Можно бесконечно наслаждаться цветами, солнцем, воздухом, если отступишься от своих убеждений, если смиришься со злом на земле, показать в контрасте жизнь на воле и сырой каменный мешок в крепости. И Мария Александровна перестала видеть краски.

Через двойной ряд железных решеток на нее смотрели прекрасные горячие глаза сына. Он прижимался лбом к ржавому переплету, чтобы быть ближе к матери, и русая

прядь волос перевешивалась через железную перекладину. Побелевшие пальцы судорожно вцепились в решетку.

— Мужайся, Саша! Ты должен жить! Борись за жизнь! Человек все может, пока он жив.

— Бороться за то, чтобы влачить существование в этом каменном мешке? — горько усмехнулся Саша.

— Из каменного мешка можно вызволить, из могилы — никогда,— с отчаянием убеждала она.

«Мужайся!» — сказала она себе. И снова хождения по высоким судебным инстанциям, в департамент полиции, оскорбительные предложения охранки, бесстыдная спекуляция на чувствах матери.

«Мужайся!» — повторяла она и просила, требовала и разжигала в сердце своем искру надежды и не давала ей угаснуть, и она, эта искра, помогала ей бороться.

9 мая Мария Александровна ехала в конке, держала на коленях аккуратный узелок с бельем для Анны. Она ехала к ней на свидание в тюрьму.

Сидела и придумывала милые семейные мелочи, о которых расскажет Анне, чтобы та не чувствовала себя одинокой, расскажет, как мужественно держится Саша и что есть надежда, безусловно есть, даже не надежда, а полная уверенность, что Саша будет жить, и что все со временем уладится. Мария Александровна сама верила в такой исход.

В конку вошли студенты. Они были возбуждены, перекидывались какими-то междометиями, понятными только им. Рядом с Марией Александровной сел юноша, сунул в карман шинели листок бумаги, поставил локти на колени и закрыл лицо руками. Мария Александровна видела, как на сукне шинели, словно на промокашке, расплывались пятна. Студент плакал. «И у него тоже горе,— подумала она.— Не надо плакать, юноша, у молодости впереди много радости»,— хотелось сказать ей.

Конка остановилась.

Послышался веселый голос мальчишки, вскочившего на подножку:

— Государственные преступники казнены! Правительственное сообщение!

«Казнили! Каких людей казнили!» — проскрежетал зубами студент.

Сердце матери метнулось.

«Сашу повесили!.. Сашу казнили!.. Нет, не может быть!»

— Что это кричат мальчишки? — прошептала она и с мольбой посмотрела на студента, чтобы он не подтвердил страшную догадку.

Студент молча протянул ей измятый листок бумаги.

«Сегодня... в Шлиссельбургской крепости...— прыгали буквы и жгли сухим огнем глаза,— подвергнуты смертной казни государственные преступники Шевырев... Ульянов...»

— Ульянов!..

Мария Александровна разгладила на коленях листок, свернула его вчетверо и отдала юноше.

— Совсем казнили? — спросила она.

Студент отнял руки от лица, посмотрел на женщину тяжелым, недоумевающим взглядом, пожал плечами.

В конке стало душно.

Мария Александровна поднялась и пошла к выходу. Ей казалось, что ее горе может поранить других.

«Это ошибка,— подсказывал какой-то внутренний голос.— Иди бодрее... Аня ждет свидания... Не попади под лошадь! Не сгибайся! Опусти вуаль на лицо, чтобы людей не поражала смертельная бледность! Иди спокойнее, задохнешься! Горе придет позже. Только слабых оно сбивает одним ударом с ног, сильные несут его бремя долго, всю жизнь... Аня ждет в тюрьме... Какое счастье, что она в тюрьме, ограждена от мира, не узнает сразу! Ее можно подготовить... Вспомнила: Саша болел брюшным тифом, а она, мать, не была рядом с ним, не знала. Сердце матери должно было подсказать, что болен сын, должна была поехать к нему... Нет, упреки потом... Сашенька, мальчик мой родной!.. Нет, нежных слов не нужно, они разорвут сердце...»

По улице легко и стремительно шла пятидесятидвухлетняя женщина в траурной одежде. Вошла во двор тюрьмы. Молча, коротким движением протягивала пропуск, и двери раскрылись без обычных казенных расспросов.

Глаза у этой женщины темные, повелительные. «Не говорите дочери о казни»,— сказала она тюремной надзирательнице, и та послушно наклонила голову...

...Вернулась домой, в Симбирск, под утро. В саду цвели вишни. Матери почудилось, что они цветут черным цветом.

По скрипучей лесенке поднялась наверх, в комнату Саши, легла на его кровать, обхватила подушку руками, зарылась в нее лицом. «Смерть! Поскорее бы пришла смерть! Только она может вызволить, избавить от нечеловеческих страданий. Умереть

сразу, немедленно, дальше жить нельзя!.. Нет сил!..»

Мягкая рука обвила ее шею, прохладная щека прижалась к ее щеке.

— Мамочка, ты заболела? Повернись ко мне. Мамочка, встань, мне страшно, пойдем завтракать, я хочу есть. Все ждут тебя.

Мария Александровна села на кровати, провела руками по волосам, словно сбрасывая с себя что-то тяжелое. Уже зрячими глазами посмотрела на дочь. Маня стояла перед ней в смятом платье, бант едва держался на кончике черной косы.

«Как я смела! Как я смела думать о смерти, забыть о детях, забыть о восьмилетней дочке! Как я могла не подумать о живых!».

Мать поцеловала дочь в щеку, вытерла ее слезы и сказала так, как говорила обычно:

— Зови детей к столу.

...Яркий свет брызнул в глаза, нарушил тишину, вернул Марию Александровну к действительности.

— Ильич! Ленин! Владимир Ильич!

Разом сдвинулись с места стулья, большевики окружили Владимира Ильича. Крепкие рукопожатия, улыбки, радостные возгласы и жадные внимательные взгляды, какими обычно встречают доброго, близкого друга.

Владимир Ильич поздоровался с товарищами, подошел к столу и раскрыл папку.

— Я надеюсь, мы проведем досуг с пользой,— заметил он. Поискал глазами мать. Улыбнулся ей, дружески кивнул сестре.

Петропавловская крепость слабой тенью мерцала на стене. Юноша спохватился, выключил фонарь, и тень крепости исчезла. Председатель для порядка постучал карандашом по столу. Коричневые ногти на руках выдавали профессию кожевника.

— Слово для реферата о положении дел в партии имеет Владимир Ильич Ульянов-Ленин,— объявил он, и Владимир Ильич сразу приступил к докладу.

О тяжелом кризисе рабочего движения и социал-демократической партии говорил он. Многие организации разбиты, интеллигенция бежит из партии, уныние и апатия проникли в среду пролетариата.

Мария Александровна не ощутила пессимистических ноток в голосе Владимира Ильича. Ее внимание привлекло слово «кризис». Обычно этим словом врачи характеризуют перелом болезни.

— Кризис продолжается, но конец его близок.— Владимир Ильич вышел из-за стола.

Все, подавшись вперед, словно стараясь быть ближе к оратору, внимательно слушали. Нет, не просто слушали — вместе с ним думали, определяли свое место в нелегком партийном деле.

Сидевший неподалеку от Марии Александровны юноша в начале доклада готовился что-то записывать в блокнот, но так и застыл с карандашом в руке. Мария Александровна поняла, что записать кратко содержание реферата было трудно. В каждой фразе — большая мысль. Точный и строгий анализ положения и горячая вера в силы рабочего класса, в его революционную партию — вот ощущение от всех высказанных мыслей.

Голос Владимира Ильича становился громче, словно пламенел.

— Только упорная революционная борьба пролетариата, только совместная борьба миллионов может подорвать и уничтожить царскую власть.

В ушах матери прозвучали слова Саши на суде: «Я убежден в необходимости террора...» И она вспомнила его горячие слова о том, что в русском народе всегда найдется десяток людей, преданных своим идеалам. А вот другой ее сын убежден и убеждает, что это—дело рук миллионов. Как много изменилось за четверть века! Саша тоже шел к великой цели, но шел еще ощупью, многое тогда ему не было видно. Володя идет широким шагом, уверенно, словно в руках у него яркий фонарь, который далеко светит.

Мария Ильинична уже давно поглядывала на мать, она догадывалась, какие мысли ее тревожили.

Владимир Ильич кончил доклад, закрыл папку, так ни разу и не заглянув в нее.

Все поднялись и вполголоса запели, и Мария Александровна по-новому вдумывалась в слова песни:

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и не герой...

Владимир Ильич подошел к матери.

— Ты не устала? Я понятно говорил?

Мария Александровна молча кивнула, не в силах ответить.

Владимира Ильича окружили. Он увидел Настю и протянул ей руку.

— Вот где встретились! Мизинец зажил? — спросил он.

Настя покраснела.

— Неужели вы помните, Владимир Ильич?

— Конечно, не забыл и моченые яблоки помню.

Настя пытливо посмотрела на Владимира Ильича — не иронизирует ли он? Нет.

Четыре года назад это было, в 1906 году. Насте дали первое партийное поручение — поехать в Финляндию, в Куоккала, и взять для большевистской газеты статью у Владимира Ильича. Очень гордилась девушка этим поручением, чувствовала себя совсем взрослой и хотела выполнить его как можно лучше, но перестаралась. В каждом прохожем ей чудился шпик, враг. С большими предосторожностями пришла на дачу. Дверь в квартиру оказалась на замке. Настя топталась в сенях и повторяла про себя пароль: «Не нужно ли вам моченых яблок?». А тут, как на грех, появился подозрительный человек. Вот он приблизился к дому. Настя с перепугу забралась в большой рундук. Незнакомец вошел в сени и уселся на ларе. Вытащили Настю из рундука полузамерзшей. Она и сейчас без стыда не могла вспомнить, что партийного связного приняла за шпика, и какой у нее был жалкий вид, когда Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной оттирали и отогревали ее, и как она потом бессовестно заснула у них.

— Сколько вам лет теперь? — спросил Владимир Ильич.

— Двадцатый пошел,— ответила вконец смущенная Настя.

— А четыре года назад, помнится, вам шел восемнадцатый.

— Повзрослей хотелось быть, Владимир Ильич. Но и вы меня тогда обманули, сказали, что не успели дописать статью. Я только позже сообразила, что это была хитрость, чтобы я чаю напилась, отогрелась, выспалась. А тогда я поверила...

— Неужели обманул? — удивился Владимир Ильич.— Вот этого я не помню, Анастасия...

— Васильевна,— подсказала Настя.

— Анастасия Васильевна? — переспросила Мария Александровна, слушавшая этот разговор.

— Зовите меня просто Настей.

Владимира Ильича теребили со всех сторон, и он углубился в разговор с другими товарищами.

— Я вам, Настя привет привезла из Питера,— вполголоса сказала Мария Александровна,— от Романа Игнатьевича.

Настя вспыхнула.

— Он просил передать вам, что дела у него идут хорошо. Он много работает и... ждет вас.

Настя прильнула к Марии Александровне.

Пароход русско-финляндской компании «Буре» уходил в Россию рано утром. Тучи свинцовыми плитами нависли над заливом. Чайки летали низко над водой, чиркая по зыби крылом. На пристани кончилась погрузочная суматоха. Пассажиры выстроились в ряд на палубе и все разом переговаривались с провожающими, а Владимир Ильич никак не мог отпустить от себя мать.

«Береги себя, родная, ты нам очень нужна, очень»,— шептал он.

Мария Ильинична, не сдерживая слез, дергала потихоньку брата за рукав.

— Володечка, пора, милый, мы опоздаем.

Она крепко обняла его, взяла мать под руку, и они стали подниматься по сходням. Мария Александровна шла бодро, знала, что за каждым ее движением наблюдает сын. Она остановилась на крутой горке сходней, висящих над водой, и обернулась.

Владимир Ильич устремился к матери. Ступил на сходню и понял, что дальше идти не имеет права. Мария Александровна была уже на палубе.

«Я больше никогда не увижу ее,— обожгла мысль,— никогда. Я навсегда расстаюсь с ней. Еще бы раз почувствовать прикосновение ее рук... Меня отделяет от России этот трап»,—вздохнул Владимир Ильич.

Нет, нельзя ему на палубу. Пароход — это уже территория России, на которой действуют все ее жестокие законы, вступают в силу все распоряжения и циркуляры «об аресте и привлечении к судебной ответственности Владимира Ильича Ульянова-Ленина». На пристани он не подвластен русской жандармерии, здесь он на шведской территории.

Сходни убрали. Пароход отвалил. Владимир Ильич смотрел на мать, махавшую ему платком.

Пароход развернулся, дал прощальный гудок и стал удаляться. Чайки летели за ним следом, а Владимир Ильич видел только руку матери, трепетавшую, как крыло птицы. Он стоял на пристани и не чувствовал ни дождя, ни пронзительного ветра,— ему было тепло в сером пальто, подаренном матерью, и шарфе, связанном ее руками.

Глава 8
АПРЕЛЬ

Настя и Роман, взявшись за руки, чтобы не потерять друг друга в толпе, всю ночь провели на улице у дворца Кшесинской. Несколько раз в эту ночь они слушали Ленина.

С балкона затейливого особняка в эту апрельскую ночь летели яркие, как молнии, слова, которым суждено было положить начало преобразованию нашей планеты.

Ленин ушел из дворца, когда над Питером занялась утренняя заря. Люди видели его усталое и счастливое лицо, видели, как он помахал рукой товарищам, пробрался сквозь толпу, весело отвечая на приветствия, взял под руку Надежду Константиновну и пошел по улице, которую питерцы с этой ночи прозвали улицей Красных зорь. Все ушли из дворца, а толпа не редела. Промасленные рабочие куртки смешались с видавшими виды шинелями, красные платочки работниц, матросские бескозырки пестрели в толпе, как цветы. Слово «товарищ» произносилось в эту ночь как-то особенно веско, вдумчиво, со вкусом. «Товарищ, дай закурить», «Сделай одолжение, товарищ», «Ну, как, что скажешь, товарищ»,— кивал человек на балкон, и начиналась задушевная тихая беседа-думка. Табачок был общий, думы общие, цель единая.

Апрельский ветер с яростной радостью трепал над головами красное полотнище, на котором уверенной рукой было выведено: «Да здравствует социалистическая революция!» Долой войну!.. Да здравствует жизнь... мир!.. Вся власть Советам!.. Земля крестьянам!..— вот что это значит.

— Вот ведь штука какая,— говорил старый рабочий солдату,— скажет человек правильное слово — и отзовется оно эхом в сердцах миллионов и становится волей миллионов. Разве есть сила сокрушить такую волю?

За одну ночь похорошели души людей.

Настя и Роман вышли к Неве. По светло-серому небу плыли кучевые облака с подсвеченными краями, по светло-серой глади реки плыли нагромождения льдин, как отражение облаков.

— Ты счастлива, что снова в Питере? — спросил Роман свою подругу.

— Очень...

— Ты счастлив? — спросила Надежда Константиновна Владимира Ильича, когда они подходили к дому на Широкой улице.

— Очень!

Владимир Ильич нащупал в нагрудном кармане партийный билет, врученный ему на Финляндском вокзале большевиками Выборгской стороны.

Всего несколько часов назад они вступили на питерскую землю после десятилетней разлуки с ней. Революция встретила Ленина у самого Финляндского вокзала. Морским прибоем гудела площадь. Питерские пролетарии, мужики в шинелях, моряки Балтийского флота встретили своего вождя, чтобы спросить у него, куда идти дальше и как идти. Царь свергнут, а проклятущая война продолжается, капиталисты и помещики остались. Царь свергнут, а земли у крестьян нет, свободы нет, Питер голодает...

— Из этой войны, затеянной империалистами в интересах империалистов, нельзя выйти без свержения власти капитала, без перехода государственной власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Только эта власть может дать народу мир, хлеб, свободу.

Так ответил Ленин...

Эти мысли он высказал с броневика перед Финляндским вокзалом, с балкона дворца Кшесинской, на совещании в самом дворце. Через несколько часов он поедет в Таврический дворец — там ждут его большевики. Нельзя упустить ни одного часа, ни одной минуты.

Владимир Ильич вышел из Таврического дворца вместе с Надеждой Константиновной и Анной Ильиничной, вынул из жилетного кармашка часы.

— Через три часа я выступаю здесь снова на совместном собрании большевиков и меньшевиков. Будут не только аплодисменты, будут злобные выпады, будет тяжелая борьба... А сейчас... сейчас поедем... к маме.

Ехали на извозчике по Невскому проспекту. Владимир Ильич вглядывался в облик города. Те же вывески, те же магазины, но город уже не тот. Невский уже не проспект для прогулок праздных, его заполнили солдаты, матросы, рабочие. Банки закрыты. С витрин ювелирных магазинов исчезли бриллианты, драгоценности, остались лишь темные пятнышки на вишневом бархате. За толстыми зеркальными стеклами притаился, выжидает, насторожился, ощетинился враг, одряхлевший за одну ночь.

У Николаевского вокзала Владимир Ильич попросил извозчика остановиться. Он увидел девчонку с подснежниками. Купил у нее все цветы, аккуратно завернул корешки в газету.

Свернули на Лиговку. По обеим сторонам дома с заросшими за зиму непроглядными окнами. Но много окон уже распахнуто навстречу солнцу, и женщины наводят на стеклах блеск.

Обводный канал. Южные склоны очистились от снега, и под бурой прошлогодней травой угадывается молодая поросль.

Расстанная. Лиговский народный дом. Здесь Владимир Ильич выступал первый раз на открытом митинге в 1906 году, выступал под именем рабочего Карпова. Питерские пролетарии с энтузиазмом проголосовали тогда за предложенную им резолюцию, утверждающую, что пролетариат — главная сила в революции, хозяин своей судьбы. Сегодня ночью он выступал в Питере второй раз на открытом митинге, но выступал уже как Ленин, и рабочие выказали несокрушимую волю взяться за решение своей судьбы, судьбы всего народа.

Мимо дровяных складов, конюшен городской железной дороги, мимо сенных сараев, переваливаясь по грязным ухабам, подъехали к воротам кладбища.

Обогнули желтую каменную церковь, побуревшую от весенних дождей. Могилы покрыты чешуйчатым прокопченным снегом. Направо... снова налево... Вот знакомые березки. Они были совсем крохотные, когда хоронили Олю. За ними липа. А вот и новая, свежая могила возле Олиной. Простой деревянный крест. Над ним качает ветвями с серебряными сережками ива. К сухой прошлогодней листве примерзли цветы. Месяц назад, 6 марта, в день рождения Марии Александровны, здесь побывали Мария и Анна, освобожденная из тюрьмы.

Владимир Ильич снял кепку, опустился на колено и обнял ладонями маленький холм...

Мамочка!..

Ива обронила серебряную сережку.

Звенели ручьи, сбегая с высокого берега в реку Волковку, позвякивали жестяные венки на крестах... Ветер перебирал лепестки подснежников, рассыпанных на могиле.

На обратном пути Владимир Ильич молчал.

Над воротами цементного завода «Вестингауза», на железнодорожных мастерских полоскались по ветру красные полотнища с начертанными словами: «Да здравствует социалистическая революция!» Ветер революции разносил этот призыв по всей России.

— Не дожила мамочка! Как порадовалась бы вместе с нами! — вздохнул Владимир Ильич.

В квартире на Широкой улице прошел в комнату матери, остановился перед ее креслом.

Рядом, на столике,— портрет Марии Александровны. Она такая же, какой он видел ее в последний раз, шесть лет назад, в Стокгольме. Ласковые, мудрые глаза.

— Сохранились ли письма мамочки? — спросил он сестру.

Анна Ильинична достала из сундука шкатулку и протянула брату. Надежда Константиновна и Анна Ильинична вышли из комнаты, тихо прикрыли за собою дверь.

Вот они, письма матери.

Матовые, льдистого цвета листки почтовой бумаги с водяными линейками испи-

саны изящным, тонким, неповторимым родным почерком.

Письма, написанные детям в тюрьмы, покрыты ржавыми полосами и брызгами, словно исхлестаны. Это следы ядовитой кислоты, выявляющей тайнопись, химические чернила.

И видно, как злобствовала рука жандармского чиновника, тыча кистью в кружевную вязь слов, не веря, что спокойные, ласковые слова матери не содержат тайного смысла, не прикрывают невидимых чернил.

«Нагулялись досыта, набрали по большому букету полевых цветов,— писала Мария Александровна дочери Марии в тюрьму,— хотелось бы мне очень отвезти свой тебе, но, к сожалению, там не берут цветов...».

И неведомо жандармской душе, что букет, собранный рукой матери, незримо присутствует на столе в тюремной камере, раздвигает ее стены, приносит свежий запах полей, укрепляет уверенность в правоте своего дела.

«Проси, чтобы разрешили тебе вторую вечернюю прогулку. В последнее свидание я заметила сильную одутловатость на лице твоем»,— советует Мария Александровна дочери.

ЛЕНИН ПРИЕХАЛ! **Рисунок Е. Кибрика.**

«Ты делаешь хорошо, что пьешь молоко— непременно кипяченое — и обтираешься,— пишет она в ссылку.— Только при этом надо быть осторожнее, чтобы не простудиться, не сидеть после этого под открытой форточкой. Ты жалеешь, что не удалось закончить занятия с учениками, да, я слышала, что многие из них тоже жалеют очень об этом...

Крепко обнимаю и целую тебя, дорогая моя Маруся, будь здорова, родная моя, как желает горячо твоя мама М. Ульянова».

«Как идут твои занятия по языкам, нравится ли тебе английский роман? За вязанием не сиди слишком много. Хорошо маршировать по камере. Как велика она, сколько шагов?» — спрашивает мать.

О, она хорошо знала, что такое тюремное малокровие, сколько шагов надо сделать в день по камере, чтобы не стали дряблыми мышцы, не ослабла воля!

И ни одной жалобы в письмах, никакого подобия паники, ни одного слова про свои горести, переживания, про бессонные ночи...

Каждая весточка от Владимира Ильича и Надежды Константиновны немедленно сообщается другим детям:

«Вчера, вернувшись домой, застала письмо от Нади... Перебираются с 1 сентября на новую квартиру».

«Вчера получила открытку от Володи из Вены, куда поехал с Надей советоваться относительно болезни ее. Из Вены поедут в Берн. Жаль, что не пишет ничего... о том, что находят врачи».

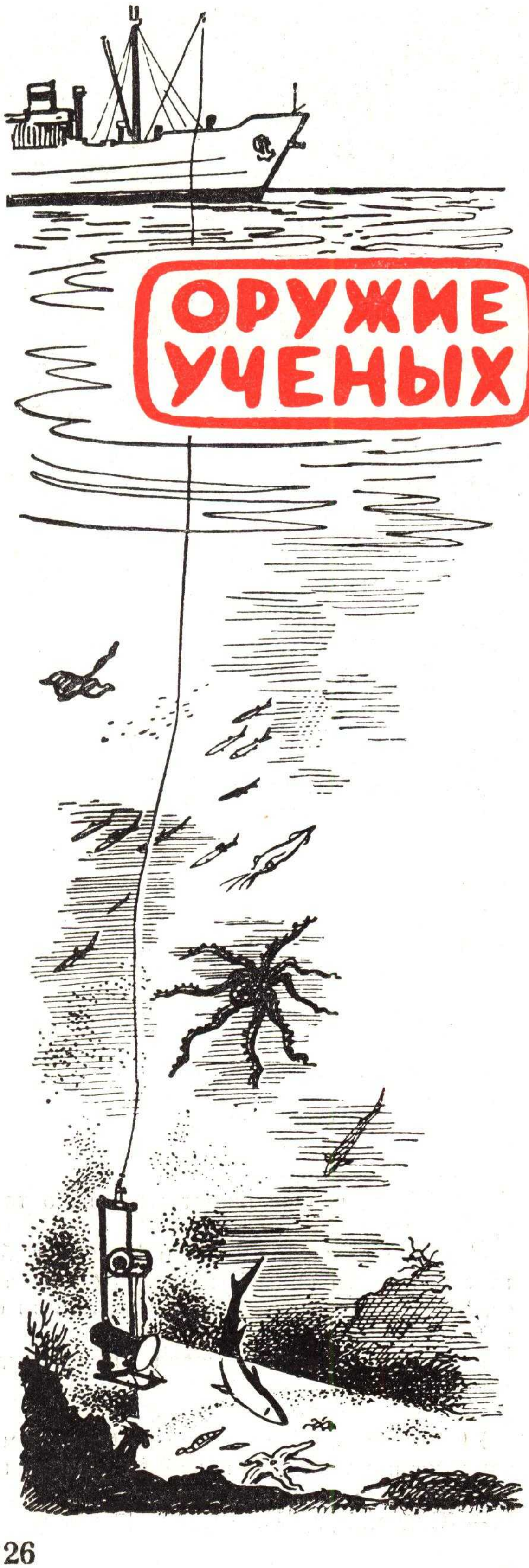
«Забыла сказать тебе, что Володя работает над новой книгой; хотелось бы издать ее, просит Аню поговорить с издателями об условиях и пр...».

Надежда Константиновна приоткрыла дверь.

— Володя, тебе пора ехать.

Владимир Ильич взглянул на портрет матери, на приподнятые в доброй улыбке губы, любящие и мудрые глаза.

— Сию минуту! Сию минуту!

ПОДВОДНЫЙ ГЛАЗ

Н. ЗЕНКЕВИЧ

Фото автора.

Пытливый ум человека давно уже стремился проникнуть в тайны океанских глубин. С появлением водолазных аппаратов стало возможным обследовать прибрежные участки морей и океанов. Но это всего только до глубины в 100—150 метров и не больше. Ну а как же заглянуть глубже, туда, куда не может опуститься водолаз?

С помощью эхолотов ученые узнали, что дно океана устроено очень сложно. Тут есть и горные хребты, и равнины, и много отдельных гор и вулканов. Дночерпателями и тралами удалось достать со дна океана образцы грунтов и некоторых представителей животного мира океанских глубин. Но как увидеть дно океана? Как прочесть летопись истории океана, записанную на поверхности его дна?

И тут на помощь ученым пришла фотография — специальные автоматические фотоаппараты, которые можно опускать на тросе в самые глубокие места океана, в царство вечной тьмы, и получать целые серии снимков поверхности дна. Ни одна морская экспедиция не обходится сейчас без таких фотоаппаратов. Взорам ученых открылся новый загадочный мир, полный тайн и неожиданностей.

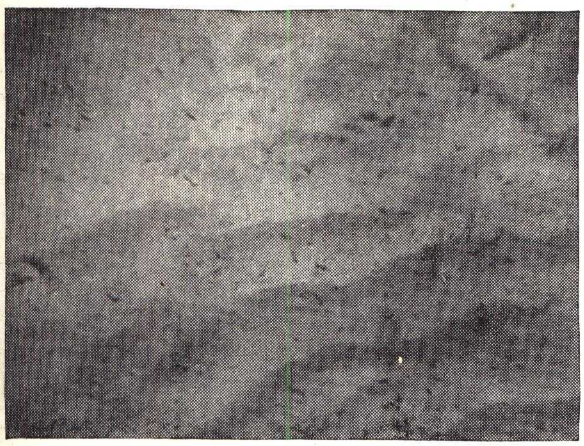
Как же устроены подводные фотоаппараты? Для съемки в глубинах океана используют обычные фотокамеры, только с большим запасом пленки. Поверхность дна во время съемки освещается мощными импульсными лампами. Затвором аппарата, протяжкой пленки и вспышкой лампы управляет не рука человека, а автоматическое устройство.

Самый страшный враг при глубоководной фотосъемке — это громадное давление воды на дне океана. Известно, что на каждые 10 метров глубины давление увеличивается на одну атмосферу. На глубине 100 метров давление равно 10 атмосферам, а на самой большой глубине — в 11 000 метров давление достигает 1 000 атмосфер — 1 000 килограммов на квадратный сантиметр! Здесь на каждый участочек поверхности прибора, равный по площади ногтю, вода давит с силой в одну тонну. Чтобы побороть это колоссальное давление, фотокамера и импульсная лампа помещаются в цилиндры с толстыми стенка-

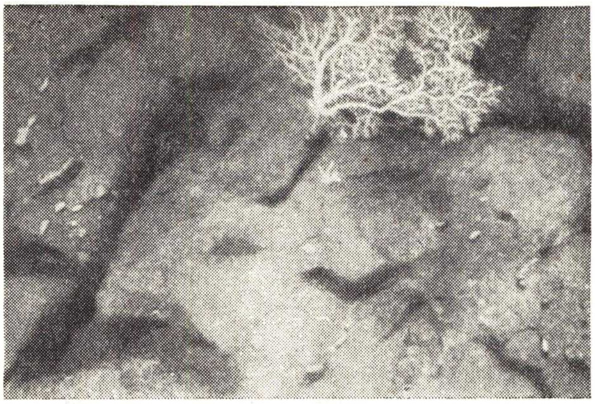
ми, изготовленные из очень прочной стали. Все щели закрываются резиновыми кольцами. Иллюминаторы для съемки и освещения делают либо из прочных сортов стекла, либо из плексигласа. Цилиндры укрепляются на стальной вертикальной раме. Вверху крепится фотокамера, внизу импульсная лампа.

И вот подводный фотоаппарат опускается на дно. Когда грузик, свисающий на тросе под рамой, коснется поверхности дна, начинает работать автомат — вспыхивает ярким светом лампа, и первый снимок готов. Приподняв фотоаппарат немного над дном и поставив его снова на дно, можно получить следующий снимок. И так много раз подряд. Запаса пленки в современных подводных фотоаппаратах хватает на несколько сот снимков.

В последние годы советскими и иностранными экспедициями были получены тысячи фотографий дна океана в самых различных его районах. Вот некоторые из этих фотографий, сделанные с борта нашего прославленного корабля «Витязь».

Здесь отчетливо видны так называемые знаки ряби, которые удалось сфотографировать на глубине около двух километров в районе островов Токелау в Тихом океане. Это такая же рябь, какую вы не раз, наверное, видели на песке в прибрежных частях моря или реки. Так и считали еще совсем недавно ученые, что знаки ряби могут встречаться только на мелководье. И вот подводные фотографии показали, что эти знаки существуют и в открытом океане, на глубинах в два, три и даже четыре километра. В чем же тут дело? Как могли возникнуть знаки ряби на такой большой глубине? Возможно, что они образуются под действием сильных придонных течений или так называемых внутренних волн.

А вот вершина подводной горы, открытая «Витязем» в Тихом океане. Эта вершина находится на глубине почти в километр. Кружевное растение на черных камнях — совсем не растение, а целая колония живых существ. Это дом глубоководных коралловых полипов. Хорошо им тут живется! Сильное течение приносит много пищи.

Внизу — участок дна в центральной части Тихого океана. Глубина — около трех километров. Видите странный извилистый след, похожий на отпечаток велосипедного колеса? Это, по-видимому, след какого-то животного. Но какого? Загадочный след заинтересовал ученых многих стран. Одни считают, что это след крупного десятиногого рака, другие приписывают след древнему ископаемому ящеру, а третьи просто разводят руками. О древности этого следа заговорили не случайно. Известно, что в центральных районах Тихого океана скорость накопления осадков очень мала: за тысячелетие на дно осаждается всего один-два миллиметра ила, а в некоторых местах и того меньше. Таким образом, следы на поверхности дна океана могут сохраняться незахороненными очень долго, и вполне возможно, что этот удивительный след оставлен давно вымершим животным.

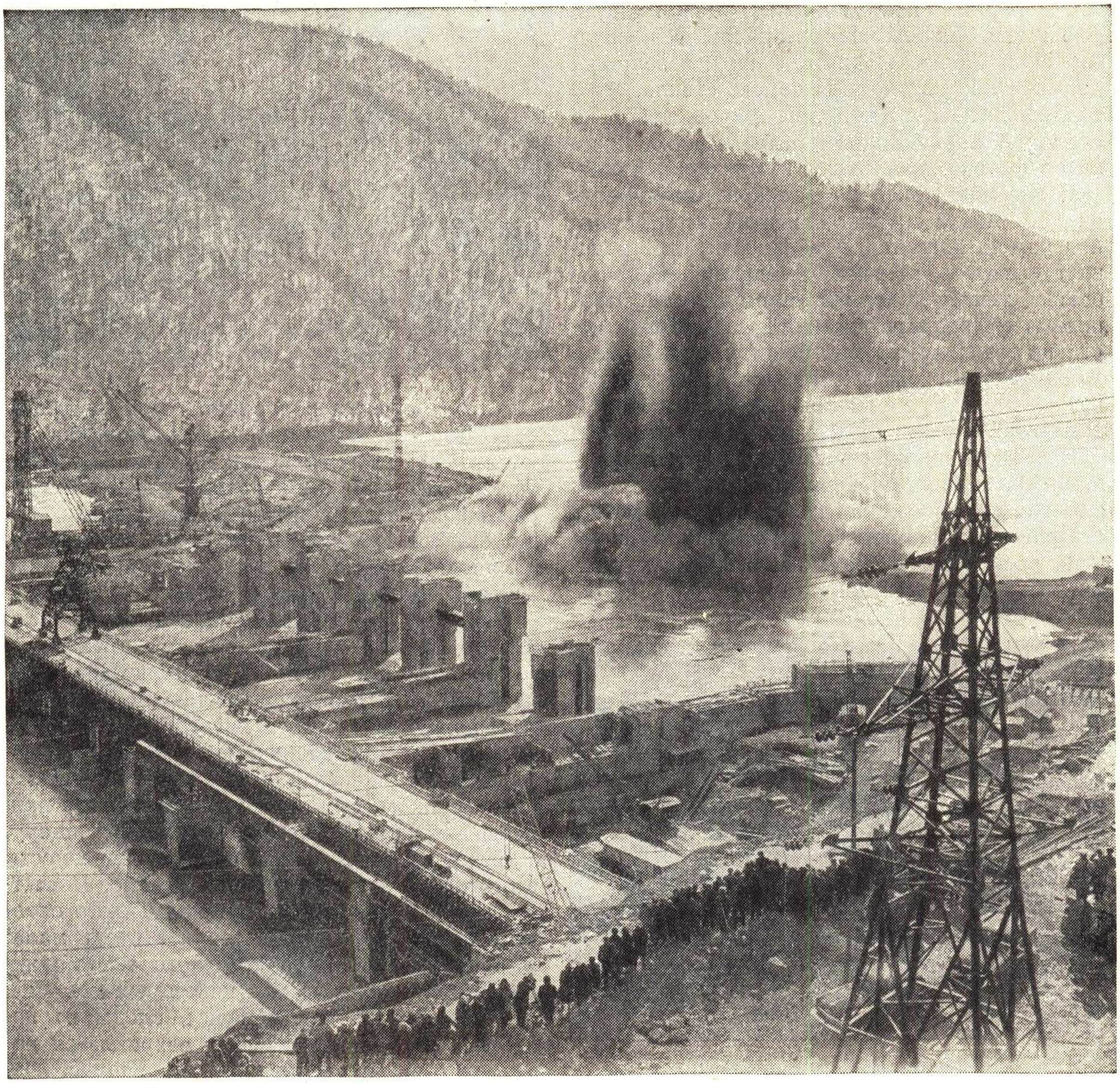

Фото Дм. Бальтерманца.

Пока на дне котлована, обнесенного валом, возводили плотину самой крупной в мире гидроэлектростанции, Енисею пришлось потесниться: его воды бежали по узкому руслу между гористым берегом и валом котлована.

Весной 1963 года основные работы были закончены. Пришло время закрыть енисейской воде и этот узкий путь. Но прежде чем начинать засыпку русла, нужно было вернуть Енисей на старую дорогу.

И вот могучий взрыв, прогремевший в горах, стал первым сигналом к последнему штурму реки. Тысячи тонн земли, поднятые в воздух, открыли воде путь в котлован. Енисей вернули на старую дорогу, но это уже не тот Енисей. Прежде он был свободной, своенравной рекой. Теперь советские люди заставят его работать на коммунизм.

РЕБЯТА спрашивают о КОММУНИЗМЕ

В ОТВЕТЕ ЗА ВСЕ

«Пожалуйста, объясните, что значит трудиться по-коммунистически».

Из письма Люды Ершовой, г. Вологда.

ГРЯЗНАЯ ЛЕСТНИЦА

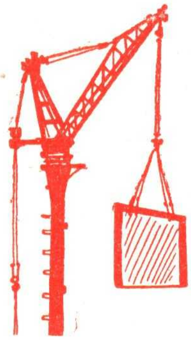
Я строитель и свою работу очень люблю. Каждый раз, когда мы сдаем дом, на душе праздник. Все думаешь, как в этот хороший, новый, красивый дом приедут жить хорошие люди. Но вот однажды я зашел в новый дом спустя полгода. Смотрю: на лестнице грязь, стены в царапинах, исписаны углем и мелом, окно разбито. Открываю лифт — кабина такая, будто в ней десять лет ящики возили. В квартире, куда меня пригласили в гости, было уютно и чисто. Хозяйка даже тапочки мне дала, чтоб я не испачкал блестящий паркет. Только никакой радости я в гостях не испытывал: все настроение испортила лестница.

Вы, наверно, удивляетесь: зачем я об этом говорю? Попросили меня объяснить, что значит трудиться по-коммунистически, а я вдруг вспомнил грязную лестницу. Какая тут может быть связь? Но не торопитесь с выводом. Послушайте сначала, что я вам расскажу о себе.

Сегодня нашу беседу проводит бригадир строителей Иван Новиков. Вы видите его на снимке (справа) вместе с новой бригадой.

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

Было время, когда вопрос, который задала Люда Ершова, казался мне очень простым. Я рассуждал так: мы строим коммунизм. А для коммунизма нужно полное изобилие всего: и квартир, и машин, и одежды, и разных продуктов. Страна наша богатая, людей много, и если каждый будет работать честно и хорошо, мы этого изобилия добьемся. Работать по-коммунистически — это работать хорошо.

В ту пору я уже был бригадиром сантехников. Мы устанавливали в новых домах радиаторы, ванны, проводили водопровод. Бригада была передовой. Мы получали грамоты, премии, наши портреты висели на доске почета. Зарабатывали много денег. А когда началось движение ударников и коллективов коммунистического труда, бригада дала слово бороться за это славное звание. Сам я решил вступить в партию.

Тут нам пришлось по-серьезному заняться тем, на что прежде не обращали особого внимания. Как ведет себя член бригады дома, в семье? Учится ли? Какую цель поставил перед собой в будущем? Ведь член коммунистической бригады должен быть хорошим не только в труде. Стыдно вспомнить, а было у нас такое безобразие — выпивка после получки. С этим надо было сразу покончить. И еще — грубость. Без всякого повода, по привычке, мы то и дело награждали друг друга грязными словами. На это тоже наложили запрет. Нашлись, правда, «адвокаты», которые спорили: дескать, выпивка — дело «законное», а без брани плана не выполнишь. Но «адвокатов» тут же вразумили.

Не скоро, не легко, но добились мы, что каждый в бригаде стал примером и на стройке и дома. Принялись за учебу: кто поступил в вечерний техникум, кто в школу рабочей молодежи. Годовой план выполнили за девять месяцев, и всю работу сдали с гарантийным паспортом, то есть высокого качества, с гарантией.

АВРАЛ У СОСЕДЕЙ

Как же работать по-коммунистически? Этот вопрос занял главное место в нашей жизни, и он уже не казался мне простым. Я все больше убеждался, что не понимаю его как следует, до конца. Подолгу беседовал об этом с парторгом. Помню, зашла у нас речь о соседней бригаде. Там случился аврал. Были простои, а теперь вдруг столько работы привалило, что не управишься. «Что делать?» — спросил меня парторг. Я стал говорить, как могли бы соседи лучше организовать работу. «Это хорошо,— согласился Лев Исаевич,— но ты, Иван, о другом подумай...» А о чем, промолчал. Всю дорогу домой я размышлял над словами парторга и наконец догадался.

Через день, в выходной, вся наша бригада пришла на участок соседей. Те встретили нас в штыки: «Выскочки!», «За чужим рублем полезли!» Как ни обидно было это услышать, мы спокойно сказали, что пришли по-товарищески помочь, а за славой и деньгами не гонимся. Работать будем бесплатно. Те сразу притихли: устыдились. Потом мы стали большими друзьями, и не только с этими, но и другими рабочими на стройке.

Нам присвоили звание бригады коммунистического труда. Жили мы как одна семья. Много придумали такого, что еще больше сблизило, породнило нас. Например, один выходной день в месяц работали «на копилку». Деньги из «копилки» расходовали на коллективные подарки кому-нибудь из членов бригады: по случаю окончания школы, в день рождения, новоселья. Зарплату мы распределяли сами: тому, кто ленился или допустил брак, снижали на месяц разряд и, наоборот, особенно добросовестным повышали. Назвали это «принципом строгой справедливости».

Иван Степанович Новиков и «комиссар» бригады Александр Бедрединов.

ПРО ЛЮСТРУ И СОВЕСТЬ

Днем я был занят на стройке. Вечером — учеба. И все-таки находил время заехать в контору, где работал парторг,— посоветоваться. Поговорим с ним о работе, он похвалит нас, а потом вдруг спросит о буфетчице: «Обсчитывает она народ?» «Обсчитывает,— говорю,— и обвешивает». «Что же вы?» «Да ну ее, с такой связаться!..» Говорю, а сам чувствую, что краснею, получилось, будто моя хата с краю. А то говорим о бракоделах-халтурщиках. Попадаются еще такие. Кое-как проконопатит швы между бетонными плитами, сверху ляжет штукатурка, и брака не видно. Зато при первом дождике стена течет. Как с халтурщиками поступать? Или оставят строители под открытым небом цемент, паркетные плитки... Машины привозят на стройплощадку готовые стены с застекленными окнами. А сколько у нас стекол выбито!

Нет мне покоя после таких разговоров. Надо крепче бороться, думаю, за сознательность воевать! Видел ли кто, чтобы человек купил в магазине люстру, а потом ее на тротуар бросил? Да он ее на голове через весь город понесет, только б не повредить. А стекла в недостроенном доме, по мнению иного, «ничьи», их можно бить! И почему-то мне вдруг показалось, что родная наша бригада для меня вроде... той люстры. Сравнение, пожалуй, неудачное, потому что бригада не личная собственность. Только я еще давно понял, что коммуниста все дела вокруг него одинаково касаются. Особенно те, которые не идут гладко, нормально. И бракоделы на чужом объекте, и буфетчица.

Коммунизм не скоро построишь, если все мы будем, как те жильцы в новом доме, о котором я вам вначале рассказывал: своя квартира чистая, а общая лестница грязная. Конечно, наша бригада очень много помогала другим строителям и советом и делом. В общежитии мы тоже порядок навели. Но руководить такой бригадой было легко, и я решил сделать то, что мне подсказывала партийная совесть.

НОВАЯ БРИГАДА

Каждый год к нам на стройку приходит молодежь из ремесленных и технических училищ. В большинстве они хорошие ребята. Но есть такие, что сразу отбиваются от рук. Плохо их, видно, раньше воспитывали. Нет у них интереса к работе, то и дело прогулы. Они мешали выполнять план, и квалифицированные рабочие старались избавиться от такого балласта. Правильно ли это? Конечно, нет! Ребят надо воспитывать. Им по 16—17 лет, вся жизнь впереди.

Я заявил на собрании, что ухожу из бригады коммунистического труда: там бригадиром можно любого поставить,— а себе беру со всего стройуправления прогульщиков. Товарищи меня горячо поддержали, хотя некоторые сомневались, что из этой затеи что-нибудь получится. В помощники ко мне пошел один комсомолец из старой бригады — Бедрединов. Было это в декабре прошлого года.

Как мы с ним выводили прогульщиков «в люди», говорить не буду. В списке новой бригады значилось пятнадцать человек. В первый день пришел только один. Поработал с восьми до десяти и удрал в кино. На другой день явилось трое. А через месяц ребята выполнили план на 145 процентов. Качество работы у нас признали самым лучшим.

Сделаны пока первые шаги, до бригады коммунистического труда нам еще очень далеко, но завоевать это звание мы решили твердо.

* * *

Так что же это значит — трудиться по-коммунистически? Думаю, я вам ответил на этот вопрос.

И. НОВИКОВ,
бригадир строителей.

«ЗА РАБОЧЕЕ ДЕЛО»

Перед вами — характерные герои первых лет революции. Красноармеец, готовый грудью защитить завоевания Октября. Матрос. Рабочий... На переднем плане — совсем молоденький паренек, по всей видимости, с городской окраины. Парня провожает старуха — мать.

Серое, мглистое небо, холодные серые воды. Красная рубаха паренька перекликается по цвету с красным знаменем, с повязкой на руке красноармейца, шагающего впереди. Красный цвет — цвет революционного Питера.

И еще есть в картине ветер. Ветер треплет ленточку бескозырки, пытается загасить огонек в руке матроса. Ветер, ветер на всем белом свете!.. Он хорошо описан Александром Блоком в поэме «Двенадцать». Ветром революции, суровой романтикой тех лет дышит картина «За рабочее дело».

Вот что рассказал нам **Владимир Ильич Некрасов**— художник, написавший эту картину:

— Героика первых лет революции волновала меня давно. С особым интересом вслушивался я в рассказы очевидцев — старых большевиков, участников гражданской войны. Мне посчастливилось также беседовать с людьми, лично знавшими Ленина... Из книг, из устных рассказов, подсказывавших детали, которых не найти ни в одной книге, я мысленно воссоздавал атмосферу тех лет, образы героев...

И все же первая картина, которую я стал писать на эту тему,— «Окопная правда»,— так и осталась незаконченной. Видимо, чего-то я еще не додумал, не прочувствовал так, как надо. Замысел не созрел.

Позднее я много ездил, дважды побывал на целине... Конечно, юноши и девушки — целинники — сильно отличаются от героев прошлого и живут совсем в иных условиях. И все же их энтузиазм, романтическая настроенность кое-что подсказали мне в работе над картиной, которую вы видите.

Почувствовать пафос и обстановку того времени помогли мне также замечательные революционные фильмы: «Броненосец «Потемкин», «Ленин в Октябре», «Депутат Балтики», «Мы из Кронштадта».

Кроме темы революции, мне хотелось воплотить в картине еще одну большую, вечную тему материнства. Образ матери, полной грусти и опасений,— кто знает, удастся ли ей еще раз увидеть сына? — образ рабочей женщины, сознающей, что сын прав и не может поступить иначе, отчасти навеян Горьким... Примешивались здесь и личные воспоминания. Перед глазами вставало лицо моей матери и других матерей, провожавших нас на фронт в дни Отечественной войны...

Удалось ли воплотить мой замысел так, как мечталось,— судить не мне. Очень хотелось бы знать: понравилась ли картина юным читателям журнала «Пионер», так ли представляют они себе героев гражданской войны?..

Могу еще добавить, что для меня эта тема не исчерпана — да и не может быть исчерпана! — одной картиной. Новую мою работу я опять хочу посвятить молодежи революционных лет.

ЗА РАБОЧЕЕ ДЕЛО

В. Некрасов

НА ОХОТУ

И. Бруни

ЗНАТНЫЙ ОХОТНИК Ак МЫРЛА

И. Бруни

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТУВУ

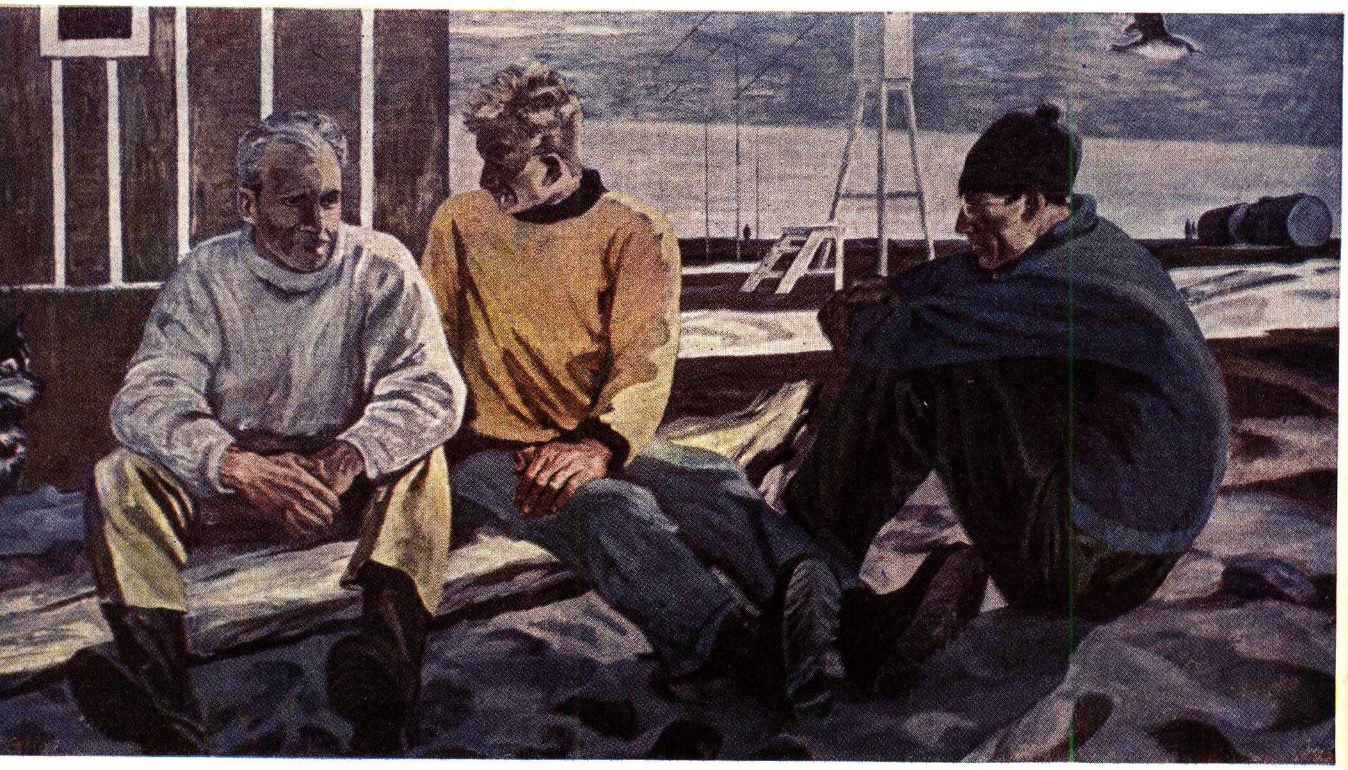
НА РЕКЕ ХАМСАРА М. Митурич

В АРКТИКЕ

А. Снегирев

ПОЛЯРНИКИ

А. Смолин, П. Смолин

Научное открытие

Ю. АЛЕШКОВСКИЙ

Рисунки Ю. Узбякова.

В воскресенье мой отец купил книжку «Внушение на расстоянии». Он читал ее весь день, то и дело говорил:

— Странно... странно...— и на все мои вопросы отвечал: — Отстань... возьмись за уроки...

Тогда я попросил его помочь мне решить задачку. Он понял, что просто так от меня не отвязаться, и рассказал, как на американской подводной лодке один человек почти без ошибок делал рисунки, которые ему диктовали через воду и на большом расстоянии другие люди. Еще он рассказал про нашего профессора. Профессор, сидя в изолированной будке, тоже на расстоянии усыплял, а потом успешно будил девушку.

— В общем,— сказал мой отец,— ученые сейчас спорят, они сами еще ничего не понимают и продолжают делать опыты... А ты решай задачку.

Но я уже не мог успокоиться. Я сразу размечтался, как я проведу серию опытов, совершу научные открытия и открою какой-нибудь закон... Закон Вовки Рыжикова! Главное, меня очень обрадовало, что для опытов передачи мыслей на расстоянии не нужно ни проволоки, ни стеклянных трубочек, ни разных прожигающих брюки жидкостей. Я сказал:

— Пап! Пойду к Ленче. Проверю задачку по арифметике. Все равно в учебнике нет ответа.

Мой отец только махнул рукой, и я пошел к Ленче. Так мы звали мою одноклассницу и соседку по подъезду Лену Котенкову. В третьей четверти ей не повезло. Она увлеклась книжками и нахватала плохих отметок почти по всем предметам.

Дверь мне открыла Ленчина мама. Я прошел в маленькую Ленчину комнату и нарочно громко сказал:

— Давай решать задачку!

Ленчина мама вздохнула за дверью.

— Давай! — тоже нарочно громко сказала Ленча. Она поняла, что я пришел с чем-то интересным.

Под шелест тетрадей и учебников я шепотом рассказал ей все, что услышал от отца о передаче мыслей на расстоянии.

— Это все неправда,— сказала Ленча,— как о снежном человеке. Говорили... говорили...

— Нет, правда! Надо нам сделать опыт, и не один, а штук десять, и все проверить! Представляешь, что тогда будет?.. Один пешеход А вышел из пункта Б... (Это на цыпочках вошла Ленчина мама, улыбнулась, взяла кофточку и ушла.) Знаешь что будет? Все по-другому! — Я собрал в кулак весь свой ум, чтобы сразу поразить Ленчу сильным примером.— Вот смотри. Сидим мы и решаем задачку, а ответа в учебнике нет. Что делать?

— Позвонить любому отличнику,— сказала Ленча.

— Не надо нам звонить и попрошайничать. Мы лучше подойдем к окошку и скажем про себя: «Эй... товарищ... вы почему ответа не дали на задачку? Жалко стало? Говорите нам ответ! Говорите! Говорите!» А он вдруг за письменным столом спохватится: «Ай-я-яй! Ответа не дал на 235-ю задачку!» — и подумает: «А и Б встретятся через 8 часов»,— а его мысль перелетит к нам вместе с ответом.

Вдруг я замолчал и замер. Мне показалось, что кто-то в моей голове говорит: «Через 8 часов... 8 часов... 8 часов».

Я, заикаясь, спросил Ленчу:

— У тебя какой ответ?

— А увидит Б через 1 467 часов.

Я бросился за стол.

— Так долго они не могли ходить. У меня через 29 часов.

Мы заново решили задачку и остолбенело уставились на цифру ответа «8», которую я вывел дрожащей рукой.

Ленча побежала звонить, а я просунул голову в форточку, чтобы немного остыть.

— Ой! Вовка! — крикнула Ленча в коридоре и повесила трубку.

Я взял себя в руки и встретил ее спокойно.

— Ну, что? А ты — «снежный человек... говорили... говорили...». Будешь делать опыты?

— А уроки? — сказала Ленча.— Завтра география, русский, история. У меня по ним двойки! Я же две недели собрание сочинений Чехова читала. Ну и... вот.

— Ха! — Меня осенило.— Самый опыт! Ты и не учи уроков. Совсем. А завтра, только начнется урок, поднимай руку. Они же любят, когда мы сами вызываемся. Только не бойся. Выходи к доске и смотри на меня. Я сегодня все выучу назубок, отцовскую книжку почитаю и передам тебе на расстояние домашние уроки.

— А вдруг?

— Ты же видела! — Я сжал Ленчину руку.— Ничего не учи. Посмотришь, пятерка будет.

Но Ленча продолжала сомневаться.

— Давай лучше ты сначала ничего не выучишь...

— Кто сильней? Я? Я! Вдруг у тебя силы не хватит переслать мысль от парты до доски? И потом тебе же лучше. Не будешь сегодня учить уроки, а пятерку все равно получишь.

— Ну ладно,— сказала Ленча, вздохнув,— так и так ничего не успею выучить.

Я обрадовался, что мы успели договориться, потому что за мной пришла моя мама. Она погладила меня по голове и сказала:

— Кажется, мой взялся за ум. Я им довольна вот уже двадцать пять дней.

— А моя невыносима,— вздохнула Ленчина мама,— ее вызывают отвечать, а она молчит. Недавно мне стало ясно, почему. Вместо занятий Лена буквально глотает книгу за книгой. Я была вынуждена вынести из дому всю художественную литературу. И не верну, пока не исправит отметки. Пусть ваш Вовочка почаще заходит. Он так хорошо влияет на Лену. А ты,— Ленчина мама чуть не заплакала,— если бы ты у доски хоть на секунду вспомнила о своей маме!..

Я заторопился и напоследок пронзил Ленчу твердым взглядом: «Не учи уроки!» Ленча молча кивнула.

Дома за обедом я рассказал моему отцу, как мне и Ленче удалось получить правильный ответ на расстоянии. Мой отец буркнул, не отрываясь от книжки:

— Случайное совпадение.

Спорить с ним было бесполезно. Вместо того, чтобы пойти к Петьке, я засел за уроки, выучил их как следует, а вечером, когда мой отец уснул, взял у него книжку «Внушение на расстоянии» и читал ее под одеялом, пока не разрядилась батарейка ручного фонарика...

Утром по дороге в школу я сказал Ленче:

— Только не бойся. После опытов будет легче. Домашние уроки начнем учить через день. День — ты, день — я. Времени свободного — во! Отметки — во! Между прочим, сегодня я называюсь телепат, а ты еще как-то. Завтра поменяемся...

Мы уже подходили к школе. Я постарался создать в себе большой заряд воли и напряжения, как ученые в книжке моего отца.

На первом уроке у нас была география. Пока Матвей Иванович отмечал присутствующих, я написал на новой общей тетради: «Дневник опытов» и посмотрел на Ленчу. Она трусила, но подняла руку. Матвей Иванович удивился.

— Котенкова? Отвечать? Приятное событие. Прошу.

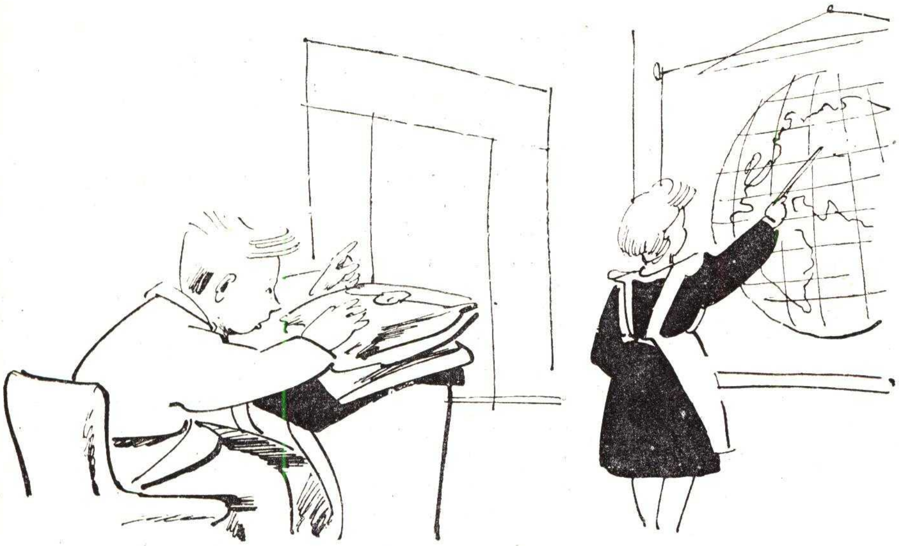
Ленча вышла к доске. Я, волнуясь, сказал про себя: «Начали!» — и стал про себя рассказывать урок географии. При этом я глаз не сводил с Ленчи. Она все повторяла за мной почти слово в слово и не тыкала вслепую в карту указкой. Матвей Иванович прямо расцвел. Я не выдержал и крикнул:

— Ура-а!

Матвей Иванович сказал:

— Рыжиков! Дневник. Котенкова, пятерка. Больше не читай на уроках.— Он отдал Ленче «Трех мушкетеров», а в моем дневнике написал: «Крикнул «ура» на уроке».

Я ни капли не обиделся, потому что мне хотелось заплясать на парте от радости.

— Рыжиков, вылезь из-под парты!— Я засунул «Дневник опытов» за пазуху и вылез. — Что ты там делал?

Я хотел промолчать, но почему-то гордо заявил:

— Научное открытие!

Все, кроме Веры Адамовны, засмеялись.

— Дай дневник. Продолжай, Котенкова.

Я положил дневник на стол и, когда Вера Адамовна отвернулась, снова залез под парту.

Я записал в «Дневник опытов:» «ВЫШЛА. ОТВЕТИЛА. ПЯТЕРКА. РАССТОЯНИЕ — ЧЕТЫРЕ ШАГА».

На русском я решил усложнить опыт и, когда Ленча сама вызвалась отвечать, изолировался от нее учебниками.

Игорь Павлович задал вопрос по грамматике. Я сразу про себя ответил, а Ленча без запинки повторила. Тогда я пригнулся, поставил перед головой два портфеля, свой и Петькин, и послал Ленче ответы на несколько вопросов Игоря Павловича. Мне было жарко, и заболела шея. Наконец Игорь Павлович сказал:

— Видишь, Лена, все очень просто.— И опять я не выдержал и рассмеялся от радости.— А за тобой, Рыжиков, я давно и терпеливо наблюдаю. Положи портфели на место.

Я покраснел, но зато записал в «Дневнике опытов»: «РУССКИЙ. ВЫШЛА. УРОКИ ПРОШЛИ ЧЕРЕЗ ДВА ПОРТФЕЛЯ. КОЖА И ДЕРМАТИН».

На переменке я пожал Ленче руку.

— Только т-с-с! — Мне хотелось сказать ей что-нибудь хорошее. Ведь любой мальчишка струсил бы на ее месте. И я сказал: — У старших классов есть какой-то закон Джоуля — Ленца. Я тебя возьму в свой закон. Рыжикова — Котенковой он будет. Продержись еще на истории.

На истории Вера Адамовна сама вызвала Ленчу. Я с «Дневником опытов» залез под парту и стал оттуда пересылать Ленче все, что выучил. Она отвечала не совсем уверенно, но и не путалась в датах.

Вдруг Ленча замолчала. Я продолжал передавать, а Ленча все молчала. Тогда я снова вылез, и Ленча заговорила. Я вздохнул с облегчением. Ей поставили четверку, а мне в дневник записали: «Вел себя вызывающе. Сидел под партой». Но я подумал, что Галилея тоже преследовали. Я даже решил, что, раз опыты удались, можно рассказать о них Петьке и на что-нибудь поспорить. Петька, конечно, не поверил, и мы поспорили. Я — на его японский значок, а он — на мои бамбуковые лыжные палки.

После уроков на школьном дворе я спросил Ленчу:

— Ты почему замолчала? Все могло рухнуть.

Ленча была веселой-веселой. Она сказала:

— Я на секунду вспомнила у доски о своей маме. Помнишь она просила?

Я стал ругать Ленчу, но занес в «Дневник опытов»: «МОЛЧАЛА, ПОТОМУ ЧТО НА СЕКУНДУ ВСПОМНИЛА У ДОСКИ О СВОЕЙ МАМЕ. ЧУТЬ ВСЕ НЕ ИСПОРТИЛА».

Ленча нагнулась и стала гладить нянечкину кошку. Я подкинул портфель в воздух, крикнул Ленче:

— Завтра я! Учи ботанику с французским! — И побежал на стадион, где уже тренировались футболисты «Торпедо».

На следующий день, когда начался урок французского, я даже не волновался. Меня вызвали третьим читать наизусть стихотворение.

Я выставил вперед левую ногу, отвел в сторону руку, выпятил грудь и раскрыл рот, как Пушкин в лицее перед Державиным, но ни одной строчки в моей голове не появилось, хотя Ленча смотрела на меня так, как я ее учил,— в упор и даже слегка шевелила губами. Я стоял в торжественной позе под смех всего класса, пока Нелли Петровна не сказала:

— Садись, двойка.

Я сидел, ничего не понимая, всю переменку кричал на Ленчу и велел ей сократить расстояние. Она пересела на первую парту и испуганно сказала:

— Это... как снежный человек... Я говорила!..

На ботанике я мучительно искал ошибку в опыте и подумал, что если Ленче не хватает напряжения ума, значит, надо его усилить у себя. Я обрадовался, вспомнив заметку в «Технике — молодежи». Там говорилось, что в наших мозгах иногда водятся биотоки.

На подоконнике рядом со мной стоял аквариум. За ним горела лампа, согревавшая рыбок. Я вывернул лампу, помочил палец в воде, зажмурился и всунул его в патрон. Меня трясануло так, что я чуть не вылетел из-за парты.

— Вот ты чем на уроках занимаешься, Рыжиков! Сейчас же иди отвечать!

Набравшись тока, я смело вышел к доске. Ленча усиленно зашевелила губами. Я молчал, уставившись на нее, и наконец уныло сказал:

— Мичурин...

— Ну, ну, продолжай... Положи лампу на стол.

— Мичурин... он,— в голове моей опять-таки не появилось ни одной мысли даже на тройку,— он... сначала родился... в Мичуринске...

— Допустим. Дальше.

— Он очень любил яблоки и многие другие фрукты и овощи... Он потом захотел помочь...

— Кому?

— Народу, конечно.— Я разозлился и выпалил:— Кандиль с китайкой он скрещивал... Сам товарищ Калинин за опыты орден Ленина ему вручил. За научные открытия тоже.

Ленча схватилась за голову.

— Садись. Очень плохо. Это не удивительно при такой дисциплине.

Я пошел на место, согнувшись от горя. За два дня нахватал замечаний и двоек, проиграл Петьке бамбуковые палки, а опыт не вышел.

Я с надеждой написал Ленче записку: «Может, ты все выучила тогда? Вова». Ленча ответила мне на промокашке:

«Я на всякий случай выучила. Лена».

Я, выходя из себя от ярости, написал:

«Марковь пареная!!! Что же ты не сказала!!!»

Ленча ответила:

«Не марковь, а морковь! Ты и не спрашивал».

Я застонал про себя, а Петька сказал:

— Это открытие я еще в первом классе открыл.

— Ну?

— Вот тебе и «ну». Подсказка хорошо действует, когда сам чего-нибудь знаешь. Отдашь палки?

— Отдам...— сказал я и подумал: «А что дома будет?!»

Путешествие в Туву

Г. СНЕГИРЕВ

Рисунки И. Бруни и М. Митурича.

В детстве я собирал марки и больше всего любил марки Тувы. На них были медведи, верблюды, олени, соболи, яки. Я всегда удивлялся: почему в такой маленькой стране живут такие разные звери?

В прошлом году художники Май Митурич, Иван Бруни и я приехали в Тувинскую автономную область и узнали, что в Туве есть тайга, есть знойные песчаные пустыни, где ходят караваны верблюдов, горы с вечно снежными вершинами, где ездят верхом на яках, степи, где растет трава чий, такая высокая, что в ней не видно всадника.

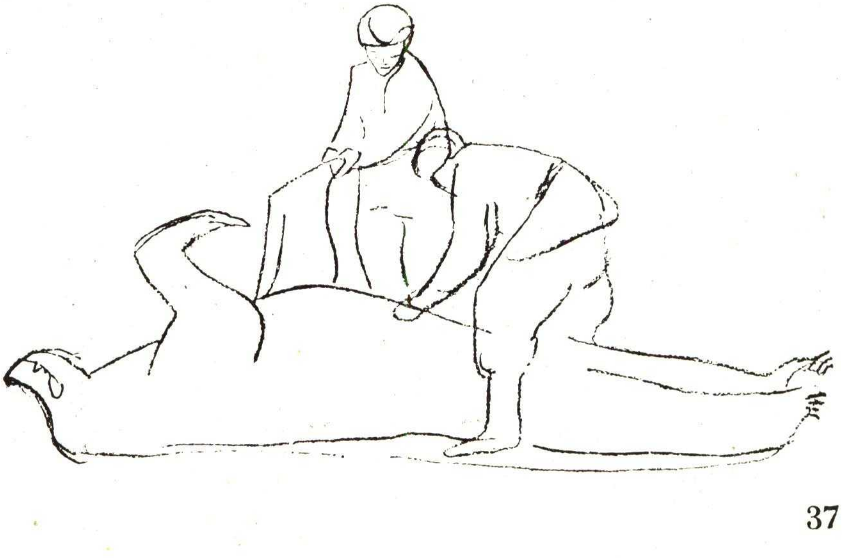

В Кызыле мы узнали, что в тайге в этом году неурожай кедровых орехов и медведи не накопили жиру на зиму. Поэтому они ходят по тайге голодные, нападают на охотников, приходят в поселки.

У нас были ружья и лайка Чуна, и мы поехали в самый большой таежный район Центральных Саян — Тоджу. Там мы путешествовали верхом на лошадях, на оленях и на лодке по быстрой реке Хамсаре, которая впадает в Большой Енисей. Мы ловили рыбу и охотились на медведей на озере Азас, побывали у оленеводов высоко в горах, а главное, познакомились со смелыми и благородными охотниками-тувинцами, которые подпускают медведя на пять шагов, и стреляют точно в сердце, и делят свою добычу пополам с первым встречным.

Тувинцы часто называют свою родину «танна Тува», что значит по-русски «голубая Тува». И действительно, это страна голубых озер и голубой тайги, потому что хвоя на лиственницах голубоватая.

Художники Май Митурич и Иван Бруни сделали в Туве много рисунков. Часть из них напечатана в этом номере, я расскажу вам о том, что они рисовали.

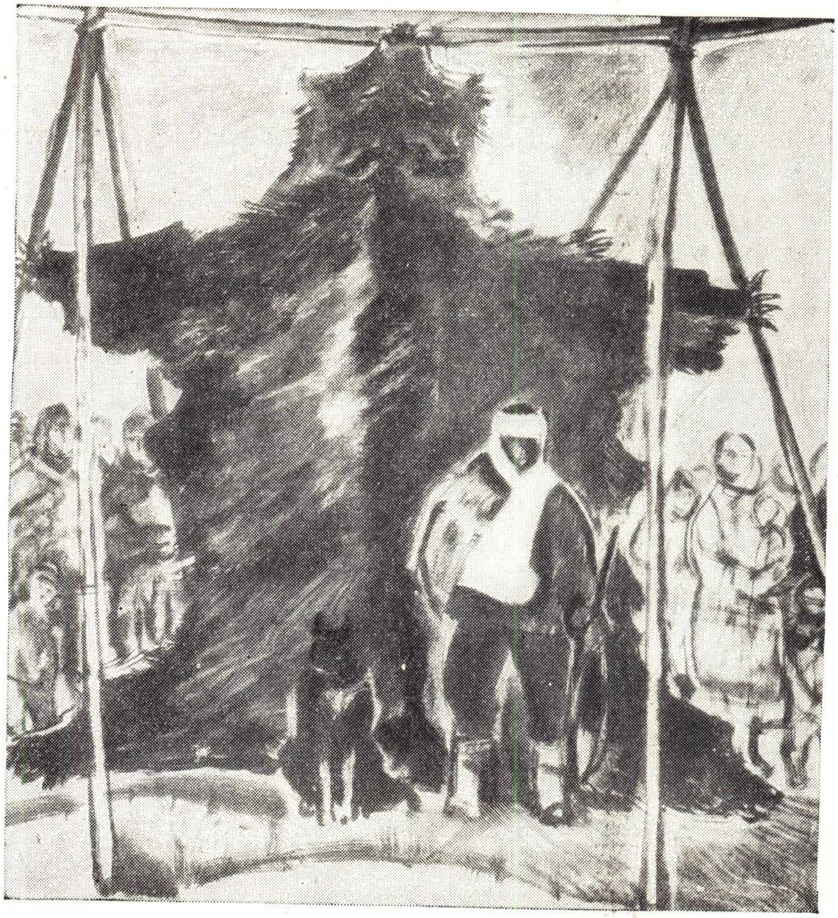

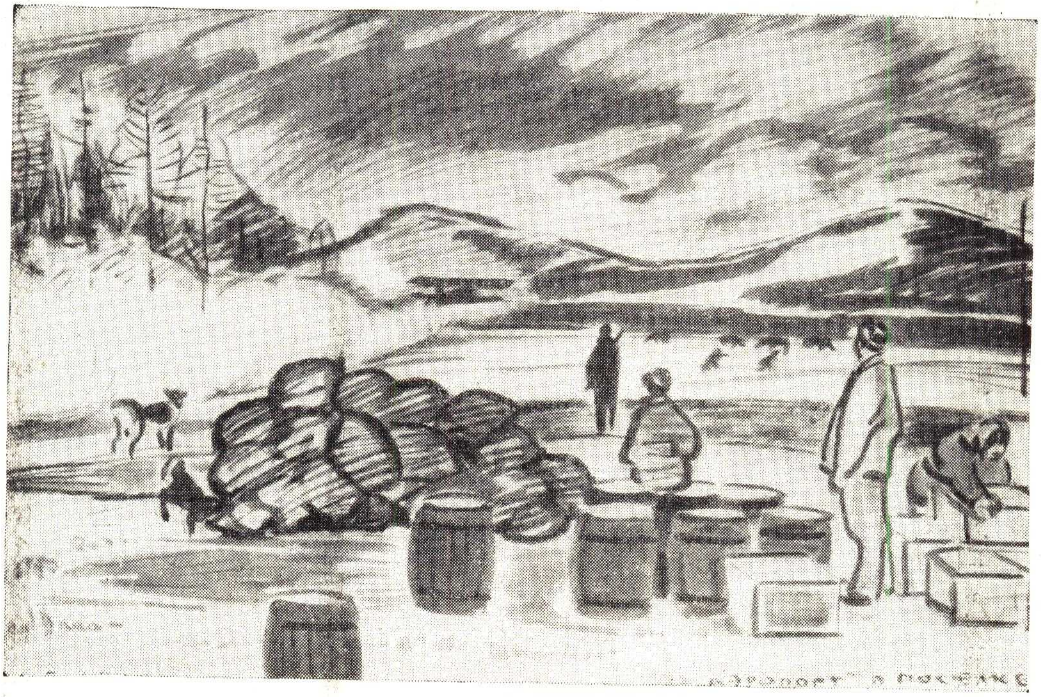
Этого медведя убили днем в поселке Ий; он скребся в дверь избы, а дома была одна женщина, она стала греметь тазом. Медведь испугался и залез в свинарник. Он успел задрать двух свиней, а остальные свиньи выпрыгнули в окна и с визгом разбежались. На этом рисунке вы видите, как с медведя снимают шкуру. Наверху стадо оленей.

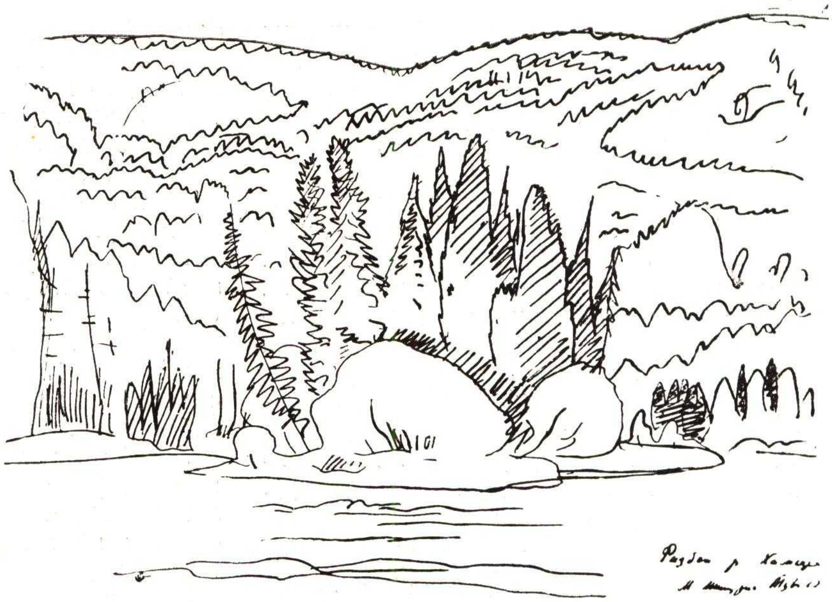
Оба рисунка сделал художник М. Митурич.

А это свежая медвежья шкура. Медведь приходил каждый день на оленью ферму, и пришлось вызывать опытного охотника Шынгалая. Ночью он дежурил с карабином у костра. Но недаром тувинцы говорят, что «медведь», как человек, только ружья нет». Медведь бросился на Шынгалая и хотел выбить ружье из его рук, но Шынгалай успел убить его, хотя и сильно пострадал от медвежьих когтей. Внизу—аэропорт в поселке Хамсара. Летная погода. Самолет привез грузы для охотников. Вокруг тайга, и коровы всегда пасутся на аэродромном поле. Когда слышно, что летит самолет, коров прогоняют с поля.

Рисунки на этой странице сделаны И. Бруни.

«Разбой» на реке Хамсаре. Хамсара — очень быстрая река, с водопадами и перекатами. Острова, поросшие темными елями, называются «разбоями». Они подстерегают плот, который сплавляют вниз, и если плотовщики зазеваются или не сумеют обогнуть остров, то до устья реки доплывают только отдельные бревна.

Рисунок М. Митурича.

ПРО ОЛЕНЕЙ

Г. СНЕГИРЕВ

Много дней мы ехали по тайге на лошадях. То они вязли в болоте, то спотыкались на камнях и падали, с трудом продираясь сквозь чащу, а один раз, когда переправлялись через горную речку, лошадь повалило течением, и я чуть не утонул...

И каждый раз наш проводник, тувинец Чоду, говорил:

— На оленях мы бы уже в горах были!

И мне хотелось поскорее увидеть оленей, что это за звери такие удивительные: без тропы, по болоту бегом бегут и не вязнут, и реки переплывают, не останавливаясь.

ПРИЕХАЛИ

Перевалили через одну гору, через вторую, а на третьей уже не елки росли, а огромные кедры с обломанными верхушками. Медведи их обломали, добираясь до кедровых шишек.

Впереди еще гора. На ней ничего не растет: всю землю сдуло ветром, остались одни камни.

Я хотел спросить Чоду, скоро ли мы доедем, да не успел. Внизу, под горой, я увидел белые мхи... и во мхах, как лодки на волнах, покачивались оленьи спины и рога.

Мы спустились к чуму на берегу ручья. За чумом... я сначала подумал, что это целый лес обгорелых кустов, а когда пригляделся, оказалось, стадо оленей лежит, и не кусты это, а рога. Каких только рогов тут нет! И высокие длинные и ветвистые широкие, а у одного оленя столько отростков, что они загибаются вниз, за уши.

На земле лежат рядами бревна, и к бревнам привязаны оленята-пыжики. Вместе с большими оленями их не пускают. Большой олень убежит от медведя, а пыжик еще слабый, и рожки у него, как два кустика, поросших мягким, черным мхом. Глаза у всех оленей добрые и печальные.

БЕЛАЯ СОБАКА

Собаки залаяли и побежали к нам, я думал, они кусаться будут, такие большие и свирепые. Мы слезли с лошадей, собаки бросились и... стали на нас прыгать и облизывать руки, а одна белая собака от радости визжала и покусывала мне ногу. Я спросил Чоду: чего они так радуются?

— Скучно им, вот и рады, что мы приехали!

Чоду закричал на белую собаку, она поджала хвост и отошла. Мне стало ее жалко, а Чоду говорит:

— Беда с этой белой, ее олени издалека видят и не поймут, что за зверь. Пугаются, бегут... потом их ищи!

Мне все равно эту собаку было жалко: чем она виновата, что такая белая?

ГОЛОДНЫЕ МЕДВЕДИ

В чуме жена Чоду стала рассказывать, как ночью приходил голодный медведь, утащил оленью шкуру, разорвал ее и съел.

Шкура сушилась совсем близко от чума, и жена Чоду очень напугалась, потому что медведь громко рычал и совсем не боялся собак.

— Хорошо, что оленей не тронул, голодный был медведь, очень голодный!

Чоду стал ругать бурундуков. Я ничего не понимал: голодный медведь съел шкуру, а виноваты бурундуки.

Оказывается, в этом году мало кедровых шишек поспело, да и те «бурундук вниз спустил» и припрятал в свои кладовки. Медведям скоро на зиму надо ложиться в берлогу, а они жир не накопили, голодные бродят по тайге.

И опять Чоду стал ругать бурундуков, и я узнал, что бурундук сделал себе запасы на три года, значит, три года не будет кедровых шишек.

Бурундуки набивали кедровые орешки за обе щеки и тащили в свои кладовки. В каждой килограммов по десять орехов, а таких кладовок у бурундука несколько.

И я тоже разозлился на жадных бурундуков за то, что они столько орехов запасли, а о других зверях не подумали.

КНЯЗЕК

Всю ночь за чумом трещали сучья в костре, треск то удалялся, то приближался, и вдруг у самого чума как затрещит! Я думал, огонь добрался до чума, и выскочил на улицу... а это совсем не огонь, это оленьи копыта так потрескивают при каждом шаге! Я спокойно уснул. Утром меня разбудили олени. Они стукали рогами в стенку чума, просили соли. Олени очень любят соль. Если олень полудикий, ему дают понемножку соль с ладони, и он приручается.

Днем все олени бегали вокруг костра-дымокура. Ветер сваливал дым в одну сторону, к земле, и олени по очереди вбегали в дым и отгоняли от себя мошек и комаров. Огромное стадо молча бегало вокруг огня, только слышно, как копыта потрескивают да рога стукаются друг о друга.

В стаде был один совсем белый, как снег, олень. Его называют князек. Он очень гордый, как настоящий князь. И рога у него, как будто корона на голове растет. Я насчитал шестьдесят четыре отростка.

Около чума сушился мешочек с мокрой солью, и земля стала немножко соленая. Князек все время вылизывал соленую землю, а других оленей прогонял.

Только не бил рогами, а поднимал переднее копыто и пугал. И все олени слушались его.

Однажды олени прибежали к чуму, а князька нет! Чоду поехал разыскивать его и далеко в горах нашел рога и клочки белой шерсти.

Князька съел медведь. Он притаился за кедром, убил князька, схватил передними лапами и унес в горы. Чоду узнал это по следам: на земле белой шерсти не было, только медвежьи следы от задних лап.

Князек погиб, потому что уходил один к горным озерам.

Вода в горных озерах синяя, и холодный ветер с горных вершин звенит в одиноких кедрах.

Кедр. *И. Бруни.*

МЕДВЕДЬ

Всю ночь около чума горел большой костер. Чоду сидел у огня с карабином и прислушивался.

Я думал, что медведь уже не придет, и уснул.

Вдруг залаяли собаки. Они кидались в темноту. Чоду подложил в костер большое полено и...

— Уагг... уагг!..

Заревел медведь.

Глаза медвежьи от огня горели красными угольками.

Чоду выстрелил из карабина.

— Уагг... уагг... уагг!..

Медведь повалился набок и ревел, ревел, а сам все полз, полз к костру. Медведь поднял голову. Чоду опять выстрелил.

— Уагг...

Последний раз зарычал, голова упала, огоньки погасли, и Чоду стал отгонять собак от мертвого медведя.

МЕДВЕЖЬЯ ШКУРА

Шкуру с медведя сняли и повесили сушиться. На боках у медведя шерсть была совсем вытерта. Чоду сказал, что в берлоге был камень, и, когда медведь зимой во сне ворочался, он стер с боков шерсть.

Олени издалека смотрели на шкуру, нюхали воздух, испуганно косились и не подходили.

Первым к шкуре подошел коричневый пыжик, понюхал ее и боднул черными рожками. За ним подошел олененок постарше, и все олени подходили и бодали рогами шкуру медведя. Они мстили за своего белоснежного князька.

«ЗВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ»

Я каждый день взбирался на горку и смотрел оттуда, как пасутся олени. Они щиплют мох, а сами все время вскидывают головы и оглядываются, нюхают воздух — не подкрадывается ли медведь?

Я увидел у одного оленя царапину от медвежьего когтя.

Медведь кинулся на оленя, да не успел схватить, только оцарапал. Прошел уже год, а рана все не заживает, такая глубокая.

Поэтому олени ходят стадом. Один олень почует опасность, зафыркает, и все олени насторожатся и убегут.

Однажды я смотрел, как кружится орел, и когда он скрылся за высокой горой, на горе я увидел белую точку. Она ползла высоко-высоко, по самому краю обрыва.

Я взял у Чоду бинокль: оказалось, олень щиплет мох, а хвост свой белый задрал кверху.

Ноги у него стройные и длинные.

Я побежал к Чоду и сказал, что дикий олень бродит высоко на горе. Чоду посмотрел в бинокль и покачал головой.

— Это не дикий, его мать к диким убегала, а потом родился он от дикого «зверного оленя» — вот его и зовут «зверный олень».

И Чоду рассказал, что «зверный олень» всегда держится один, подальше от остальных оленей, и не дается под седло.

Зимой его поймали и отдали охотникам. Они привели его назад без глаза.

Он хотел сбросить вьюки и так помчался по тайге, что выколол сучком себе глаз.

Белый хвост у диких оленей всегда больше, чем у домашних. Когда они бегут по тайге, белый хвост мелькает в чаще, олененятам показывает дорогу.

И еще я узнал, что «зверный олень» вдруг исчезает, и охотники рассказывают, что видели его на озере Найон-холь, за двести километров отсюда.

Потом «зверный олень» опять появляется, и сделать с ним ничего не могут, потому что он наполовину дикий и любит один мчаться по тайге и встречать восход солнца в снежных горах.

ХАРИУСЫ

Среди карликовых березок бежал холодный ручей. В жаркий день снега на вершинах гор растаяли, и ночью я никак не мог уснуть, слушал, как речка шумит водопадами, гремит камнями.

К утру речка затихла, и только за чумом под высокими кедрами звенел струйками водопад.

Над водопадом висела радуга, а под радугой, в речке, сверкали перья жар-птицы.

Я подошел, и перья исчезли. Я сидел на берегу очень тихо, и перья снова зажглись, задрожали в ледяных струйках. Это хариусы. Они плывут против течения, все выше и выше в горы. И там, где самая чистая и холодная вода, они выметывают икринки.

Плавник на спине хариуса красный и широкий, как парус. Он режет водяные струи водопадов и помогает плыть против течения.

Медведь стережет хариусов на перекатах.

Орел-рыболов кружится в небе над речкой — не сверкнет ли перо жар-птицы?

Выдра караулит хариусов под водой, за поворотом ручья.

А хариусы плывут в своем брачном наряде все выше и выше. На перекатах ползут на брюхе, перепрыгивают через водопады.

Все выше и выше, чтобы выметать икринки в чистую воду горных снегов.

ПЫЖИКИ

Днем олени бродят вокруг чума, ждут вечера. Вечером они убегут на всю ночь поближе к горам, где растет много белого мха — ягеля. Ночью там настоящий мороз, и на рассвете можно полизать иней на камнях.

Взрослые олени бродят вокруг чума, а пыжики бегают к ручью. Один пыжик встал посреди ручья и замер. Ушки кверху, стоит, вслушивается в тишину. Ветер налетел, скрипнула ветка на кедре.

Пыжик бросился бежать и исчез в карликовых березках, только рожки-огарки мелькнули.

Подошел другой пыжик, напился, поднял голову и тоже замер, вода капает с мордочки.

Пыжики. *М. Митурич.*

Я хлопнул в ладоши, он прыгнул через ручей да прямо в воду: ножки у него еще слабые, не может допрыгнуть до берега.

Вечером около чума пыжики меня совсем не боятся. Подойдут и руки лижут, просят соли.

Днем к пыжикам не подойдешь. Они бегают, бодаются, прыгают через ручей, тревожно следят за пролетающим вороном...

В это время пыжики играют в диких оленей, они готовятся стать взрослыми.

БЕЛЫЙ ПЫЖИК

Наступила осень. Однажды ночью подул ветер со снегом, и утром солнце хотя и растопило снег, но листики на карликовых березках покраснели.

Дикие олени спустились с гор в тайгу за грибами. Олени очень любят грибы. Медведи знают это и подкарауливают их ночью на тропах. Пыжиков к вечеру привязывали к бревнам, а днем они гуляли с уздечкой — монгуем. На мордочку надевается кольцо из дерева, в кольце торчит палочка из оленьего рога, и за палочку привязывают переднюю ногу пыжика — на трех ногах он далеко не убежит!

Каждый день мы пересчитывали пыжиков, но все равно не уследили. Ночью белый пыжик отвязался от бревна и убежал за взрослыми оленями в тайгу, за грибами.

Утром мы с Чоду зарядили ружья пулями и пошли разыскивать белого пыжика.

В тайге было много звериных троп. Маралы и дикие козы протоптали из чащи широкую тропу к водопою и на солонцы под кедром, где земля соленая.

Мы нашли узкую заячью тропку. Она была короткая и привела нас из чащи на поляну, где трава была зеленая и росла заячья капуста и молодые осинки. Но нигде не было следов от маленьких копыт белого пыжика. Только маральи следы да лосиные, а поверх них медвежьи с глубокими дырками от когтей. По маральей тропе мы пошли в горы. По сторонам от тропы валялись вывороченные камни. Это медведи разрывали бурундучьи норы, чтобы добраться до их запасов, и вместе с землей выбрасывали камни. На одной лиственнице вся кора была содрана медвежьими когтями. Чоду сказал, что медведи это дерево знают и всегда меряются, кто выше обдерет кору зубами или когтями. И если медведь не достанет до самой высокой метки, он поскорей уходит из этой тайги, потому что есть медведь еще больше его и он мешает ему охотиться.

Я спросил Чоду, почему медведи на лиственнице меряются, а не на кедре, ведь в горах больше кедров. Чоду сказал, что у лиственницы кора мягче.

Я посмотрел на самую верхнюю метку и сказал Чоду, что надо поскорей найти пыжика.

В горах очень тихо. Чоду все время кричал:

— Оо-оо-оо!

Так зовут оленей, когда дают им соль, но пыжика нигде не было.

Мы хотели уже возвращаться, как услышали: где-то далеко закричал ворон. Над нами пролетел к нему второй, только слышно, как крылья шумят в воздухе.

Мы пошли в ту сторону и увидели огромные стволы мертвых кедров, они лежали друг на друге, старые и почерневшие. Живые кедры росли высоко на вершине горы, вцепившись корнями в землю, а старые во время бури валились вниз с кручи. Это было кладбище кедров.

Три ворона сидели на черных ветках. Мы спугнули их и стали перелезать через стволы.

В самом буреломе мы увидели белого пыжика. Он забился под сучья и тихонько стоял. На мордочке у него болтался обрывок уздечки.

Мы спускались вниз с гор. Чоду нес на руках пыжика и рассказывал, что, если бы мы опоздали, на крик воронов пришел бы медведь.

Чоду рассказывал, как много надо учить белого пыжика, чтоб он стал взрослым оленем. Надо приучить его не бояться, когда рябчики с треском выпорхнут из-под ног зимой. Потом белый пыжик научится узнавать под глубоким снегом родник и будет обходить его. И еще приучится к выстрелам, потому что, когда с медведем встретишься, надо стрелять с оленя.

— Только никогда,— сказал Чоду,— олень не приучится к совиному крику в темноте, да и не нужно, потому что когда олени разбредутся, стоит закричать, как сова,— уууx! — и все стадо соберется вместе.

Снег утром таял все медленней, и жена Чоду стала готовить вьючные сумки для оленей из камуса. Камус — это кожа с лосиных ног. Она не боится ни дождя, ни снега. Капли воды скатываются по лосиной шерсти вниз, и сумки всегда сухие.

Оленей собирались перегонять ближе к поселку. Скоро наступит настоящая зима, и охотники верхом на оленях поедут в тайгу за белкой и соболем.

Я простился с женой Чоду, и белая собака долго бежала за нами, никак не хотела расставаться.

По дороге, когда я видел красивую долину или озеро, то всегда представлял себе в этой долине или на берегах озера оленей, как они щиплют мох, вскидывают головы, прислушиваются...

По реке, через которую мы переправлялись, плыли белые льдинки, и я представил, как стадо оленей переплывает через эту реку и только головы и огромные рога, как кусты, плывут среди белых льдин.

Чоду мне подарил уздечку для белого пыжика. Она сплетена из конского волоса, и, когда я писал про оленей, уздечка лежала передо мной на столе.

Сборы на промысел. *И. Бруни.*

Лазарь КАРЕЛИН

Рисунки О. Коровина.

ДЕВОЧКА

ПОВЕСТЬ

1

В тот год лето в Ключевом запаздывало. Долго, почти до середины июня, ходили по городу холодные ветры, солнце все пряталось, дождь по-осеннему не радовал. И даже птицы, которым давно бы пора прилететь в эти края, еще не прилетели.

В дождь, в непогодь городок становился сереньким, скучным. Только в центре, перед зданием городского Совета, и на площади, исстари называвшейся Торговой, было многолюдно. Чуть позеленевшие с первым солнцем тополя, окаймлявшие площадь, как бы замерли в своем пробуждении. Огромные стволы, не даваясь ветру, стояли недвижно, но ветви их шумели глухо, недовольно, роняя на землю холодные крупные брызги. Кое-где занялись зеленью огороды. И тоже замерли, не зная, как быть им дальше без солнца, на холодном ветру.

Нынешней весной Тане Васильевой исполнилось двенадцать лет, а спустя месяц классная руководительница прочитала по тетрадке всех ребят, которые перешли в шестой класс, потом поздравила прилежных и поругала лентяев. Про Таню сказала: «Ни то ни се».

«Ни то ни се» вышла на улицу, как и все ребята, сразу продрогла и вприпрыжку побежала домой шестиклассницей.

Таня уже привыкла думать о себе: «Мне тринадцатый год»,— а теперь стала привыкать к мысли, что она шестиклассница. Думать об этом было приятно. Вот, собственно, и все события.

На углу своей улицы Таня увидела старика Черепанова, нелюдима соседа, которого всегда боялась. Он занимался своим обычным делом: по-птичьи смешно вскидывал голову и затем быстро касался кисточкой холста. Таня задержалась, разглядывая почти законченную картину. Ей стало интересно. Еще вчера она равнодушно прошла мимо старика, а сегодня остановилась. И вдруг увидела то, чего не видела прежде. Влажно разлившиеся краски на картине слагались перед ней в тот самый неясный, тревожно волнующий мир, который минуту раньше она не умела разглядеть. Вот и дождь и пасмурно, а лето все-таки наступило. Ну, конечно же, лето пришло! Вот даже и солнце, вот за этой тучей...

По-птичьи смешно, совсем как Черепанов, вскинув голову, Таня всмотрелась в тот краешек неба, который показался ей на картине солнечным. И сразу же согласилась и не согласилась с художником. Верно, в небе, в том же, что и на картине, углу, светило солнце, но не так, не совсем так, ну будто бы тише, осторожнее, чем на картине.

И Таня принялась удивленно оглядываться по сторонам. Оказывается, нынешнее хмурое начало лета было совсем не хмурым. Серое! Да откуда вы это взяли! Посмотрите, как зелено все вокруг, как черна только что вскопанная земля огородов, как празднично умылись стены и крыши домов. Лето — да вот же оно, здесь, с нами! Чудаки, чего это вы мерзнете!

Таня больше не мерзла. Правда, руки и голые коленки у нее посинели, в носу нет-нет да и хлюпало, глаза смаргивали остуженные ветром слезинки, но Таня не мерзла. Жарче самого жаркого солнца согрел ее диковинный, неведомый доселе огонек. Он даже становился все ярче, все рос и звал, звал к своему свету. Вокруг было пасмурно, накрапывал дождь, налетал холодный ветер, а Таня только поспевала смотреть: вокруг было зелено, просторно, радостно, будто вот сейчас грянет солнце.

Дмитрий Иванович Черепанов, художник-любитель, «самоука», как называл он себя, привык к жадному любопытству ребятишек и даже любил, когда работал «на натуре», слышать у себя за спиной почтительное перешептывание.

— Похоже! — спрашивал он порой у какого-нибудь паренька, если и сам бывал доволен своей работой.

— Здорово! — изо всех сил кивал головой паренек.

И верно: увидеть собственный дом или свою улицу во влажном разливе красок на крохотном лоскуте материи — это, конечно, было здорово.

Но мир вокруг был все-таки интереснее, чем то маленькое и очень медленное чудо, которое творил своими кисточками старик. На реке слышались голоса приятелей, где-то бабахнул выстрел, за углом, тарахтя, катился мотоцикл. Куда ни глянь, везде интересно, везде чудеса. И вот уже не слышно за спиной шепота, обернется старик, а паренька и след простыл.

С Таней получилось иначе. И час и другой стояла она возле старика, терпеливая, тихая, сосредоточенная.

— Здорово! — наконец и ее в одну из счастливых своих минут, когда почудилось, что картина удалась, спросил Черепанов. Он посторонился, откры-

С КРАСКАМИ

вая глазам девочки холст, на котором была изображена ее родная улица, если смотреть на нее с бугра у перекрестка.

— Здорово, — помедлив, отозвалась Таня.— Только почему эта береза у вас такая белая! Разве она совсем белая! Посмотрите! — И девочка, подбежав к березе, которую писал на переднем плане в своей картине старик, быстро провела по ее глянцевитому стволу ладонью.

— А какая же она!— недовольно спросил Черепанов.

— Она грустная, — сказала Таня. И еще добавила: — Она тихая. — Помолчала, подумала.— Она тут одна, других берез нет, вот ей и грустно.

— Толкуй! — внезапно рассердился старик.— Ты мне про цвет скажи, а не про всякие там звуки. «Тихая»! А ну-ка, сыщи у меня на палитре такой цвет! Ну-ка!

— Я не умею,— сказала Таня.— Вы меня научите. Научите!

— Это чему же! Как звуки писать! — все так же сердясь, спросил Черепанов.— Я не композитор.

— Я вас обидела! — кротко спросила Таня.— Простите меня, я не хотела. Мне очень нравится, как вы рисуете. Очень! Только я подумала, что береза не такая белая, не совсем такая белая. Вы не сердитесь!

— Нет,— хмуровато улыбнулся старик. Его всерьез обрадовало, что эта молчаливая большеглазая девочка похвалила его работу. И вот не отходит который уже час. Да и про березу, пожалуй, верно. Может, поджелтить ее малость! Или нет — подсинить! Тучи, проходя, так часто меняют освещение, то даря, то отнимая у березы солнце, что и не поймешь, какая она, теплая ли, холодная. Вот девочка сказала: «Грустная». А ведь верно! Одна стоит тут. И верно, запечалишься, когда близких никого. Старику ли это не понять! А вот не понял, поняла девочка. Откуда она взялась! Вчера еще будто возили в коляске, а сегодня, глядь, стоит перед тобой, длинноногая, худющая, и знай себе спорит со стариком.

— Ладно, буду тебя учить,— неожиданно и для самого себя сказал Черепанов.— Серьезно надумала или так, для баловства!

— Серьезно...

— Ну, тогда держись. Я ведь злющий, придира, нетерпеливый.

— Я знаю.

— Откуда это!— Старик бранил себя так, на всякий случай, и его неприятно удивило, что девочка согласилась с ним.— Кто это тебе обо мне наговорил!

— Так ведь я же соседка ваша,— просто ответила Таня.— Меня Таней зовут. Таня Васильева. Не знаете!

— Знаю, озорница, неслух,—решил не остаться в долгу Черепанов.— Хуже иного мальчишки. Наслышан! Не пойму только, чего это ты со мной-то тихоней прикидываешься.

— А я разная,— сказала Таня.— Мне так интереснее. И потом, ведь вы рисуете. Разве можно шуметь, когда человек рисует!

— Не рисую, а пишу,— смягчился старик.— Маслом. Понятно!

— Нет, но я пойму, я обязательно пойму,— поспешно проговорила Таня.— Смотрите, береза-то!

— Или улетела!

— Не улетела, а только ветер подул — и ей стало веселее. Теперь правильно, она белая. Только теперь листья совсем иначе у нее. Будете перерисовывать! — И тотчас поправилась: — Переписывать! Ох, как это трудно — рисовать!

И вдруг, решившись, она взяла из ящика маленькую испятнанную краской кисточку и зачем-то быстро поднесла ее к лицу, точно понюхала или поцеловала — старик не разглядел.

2

Домой Таня пришла уже в сумерки. Распахнула дверь из сеней и переступила порог — одна нога в комнате, другая в сенях. Огляделась. Два окна еще сверкали закатным, вдруг объявившимся к вечеру

солнцем, но в комнате все же было темновато. Свет в комнате лежал золотыми полосами лишь на одном-единственном стуле, на столе, на одной-единственной половице. И еще чуть-чуть на бабушкиной иконе. Это была совсем маленькая медная картинка, вся очень тусклая. Сейчас ей повезло: солнце, проглянув, тронуло и ее.

Как все-таки замечательно смотреть на все, чего касается солнце! Ведь вот даже эта половица в глубоких, старческих трещинах-морщинах, какая она сейчас веселая! Она будто подмигивает Тане всеми своими проглянувшими сучками. И стол, старый-престарый, даже издали знакомо пахнущий клеенкой, даже он просветлел, стал гладким, сытно дохнул свежим хлебом.

Это все из-за солнца.

И вот еще шаткий стул. Он показался Тане легким, ладным, с напрягшейся, как парус, спинкой. Сесть бы на него, поднять ноги и полететь!

Таня наконец переступила порог. Золотистые полосы тронулись с места, сузились, заколебались, растворясь в воздухе. Из соседней комнаты прозвучал звонкий и молодой голос:

— Таня, ты!

— Я, мамуся.

— Ну, перешла!

— Перешла.

— И ладно. Умница. Садись-ка поешь: второе в печке, а суп, знаешь, весь прикончили. Дядя Гриша заходил.

В комнате теперь прочно утвердились сумерки. Пол в трещинах, стул старый, иконы не видать и вовсе. Вошла мать.

Таня часто слышала от взрослых, что мама у нее красивая. Даже красавица. Но Тане в матери нравилось совсем не то, что взрослым. Они восхищались Мусиным лицом — маму все знакомые называли Мусей,— Мусиной, как у девушки, пышной косой, которую она то укладывала вокруг головы туго заплетенным кольцом, то вовсе не заплетала, закалывая в небрежный пучок. Знакомые восхищались маминым голосом: она действительно замечательно пела, не громко, не звонко, как некоторые, а будто задумавшись, будто сама себе, голосом глуховатым и мягким. И все-таки главным для Тани в матери было то, чего другие, кажется, не замечали. Главным было то, что была ее мама удивительно молодой. Будто и не мамой совсем, а старшей подружкой. Должно быть, поэтому Таня и звала ее мамусей, сложив это имя из двух слов: мамы и Муси.

Добрые, мягкие руки обняли девочку, смеющиеся, темные в сумерках глаза приблизились, залучились совсем рядом, и Тане стало вдруг так радостно, что нежданно захотелось плакать. Но что это! От маминых волос пахнуло на Таню чужим. То был запах табака, горький запах. Так пахло в доме всегда после ухода дяди Гриши. И дом сразу становился чужим. Дом — это и стены, и вещи, и мама, и сама Таня. Дом — это то, что очень легко разрушить и очень трудно сложить (Таня помнила это еще с тех лет, когда с помощью отца часами складывала из кубиков дворцы). Складывать трудно, а повела рукой — и нет ничего.

Таня всхлипнула и отодвинулась от матери.

— Что же ты, глупенькая! Радоваться надо. Вот ты и шестиклассница.

— Я и начала было радоваться,— сказала Таня.— А теперь не радуюсь.

— Почему это! — спросила мать, пытливо вглядываясь в лицо дочери. И первая же отвела глаза.— Ладно, садись ешь. Где пропадала весь день!

— Училась рисовать. Я буду художницей!

Мать испуганно вгляделась в лицо дочери.

— Кем!

— Художницей. Меня наш сосед Черепанов взялся учить.

— И не думай! Что еще за выдумки! Нашла учителя!

— Мамуся, купи мне кисточки,— сказала дочь,— и краски. Только не игрушечные, а настоящие, в тюбиках. Купишь!

— Что еще за выдумки! — повторила мать, странно тревожным голосом.— Танька, пожалуйста, не мудри.

— Я не мудрю,— упрямо наклонила голову Таня.— Это ты мудришь. Ты почему в нарядном платье! Разве сегодня воскресенье! И почему он тут курит всегда! Я его не люблю. Слышишь!

Вот Таня и сказала вслух то, что давно уже жило в ней и давно уже мешало, тяжко мешало ее дружбе с матерью. Отчего вдруг сегодня решилась Таня на это! Ведь сказать о взрослом и добром и внимательном к тебе человеке: «Я его не люблю» — совсем не просто. И вот решилась. Не оттого ли, что все нынче у Тани вдруг! Весь день вспыхивает в ней это «вдруг», оборачиваясь то солнечным лучиком в сером небе, то правдой, подсказанной шире глянувшими на мир глазами, то самой себе дико-

винно весомым словом, то вот точно изнутри вытолкнутым: «Я его не люблю».

Мать долго и удивленно разглядывала дочь. Потом непривычным Тане тихим, усталым голосом сказала:

— Оставь меня и не смей меня ни о чем спрашивать. Ты еще мала. Садись и ешь. Сил моих больше нет от твоих причуд да капризов.

Это было явной несправедливостью. Таня была хорошей дочерью, совсем не капризной. Таня умела целыми днями обходиться без матери. Сама и обед готовила и дом прибирала — мама же первая об этом всем рассказывает: «Танька у меня самостоятельная». За что же теперь так!

Запрокинув голову, Таня глубоко заглянула в синие мамины глаза и огорчилась еще больше. Мамины глаза показались ей холодными, скрытными.

— Бабушка на меня и за дело никогда не кричала, а ты вот кричишь, хотя сама знаешь, что я права.

— Разве я кричу!

— Голосом, может, и не кричишь, но я все равно вижу, что ты на меня кричишь.

— Нет, доченька, не кричу.

— Ну, сердишься.

Мать отошла от Тани, присела на диван у окна, невидящими глазами посмотрела за окно на улицу.

— Нет, доченька, не сержусь.

В прошлом году у Тани умерла бабушка, мамина мама. Она и не болела вовсе. В самый день смерти еще ходила по дому, готовила обед, как всегда, вслух объявляя кастрюлям и сковородкам, что она с ними собирается делать: «А вот я вас сейчас на огонек... А вот и будет с вас...» И только отчего-то все останавливалась и, присев к столу, грустно и пристально смотрела на Таню.

А Таня ничего не понимала и не чувствовала. Она сидела за обеденным столом лицом к печке и делала уроки. Задачка, которую она решала, не давалась ей. Да Таня и не очень билась над задачкой. Она смотрела в глубокое нутро печки, где дотлевали, собранные в горку, сине-желто-красные угольки. Удивительно интересно было смотреть на них. Угольки все время менялись, тускнея и вспыхивая, точно кто-то оттирал их до блеска, а кто-то другой, наоборот, закидывал золой. Глазам было жарко и как-то сонно. И почти как во сне чудились Тане неясные картины: вспыхнет уголек — одно, угаснет — другое. Помнится, бабушка все время отвлекала Таню странными и непонятными речами.

— Вот помру, и некому будет за тобой присмотреть,— говорила она.

— Вот еще! — сонно возражала Таня, не придавая значения словам бабушки. С чего бы это ей помирать!

— Мать у тебя все в бегах, все в бегах и часа дома не посидит.

— Она ведь у нас теперь судья, сама знаешь,— досадливо бормотала Таня, вот-вот было разглядевшая над угольками туманную картину.

Бабушка опять ее спугнула.

— Не мешай, пожалуйста, мне решать задачу.

— Отца-молодца и след простыл,— подождав немного, снова заговорила бабушка.— Как ты без меня будешь! Ума не приложу.

Снова помеха. То вот вырос над углями целый большой город с вечерними мерцающими огнями, с извилистой темной рекой, а то и нет ничего. Кучка дотлевших углей — и только.

— Бабушка не мешай же мне решать задачу!

— Не буду, не буду, Танюша. Много еще этих задач у тебя будет в жизни. Ох, как много!..

А часом позже она умерла. Вдруг села на кровать, неловко привалилась плечом к стене и закрыла глаза. Заснула! Нет.

Уж больно тихо стало в комнате.

Всю Танину жизнь бабушка дышала где-то совсем рядом, и где-то совсем рядом слышался ее голос. А тут все стихло, оборвалось.

Такого одиночества Таня не смогла выдержать. Она выбежала на улицу.

Пришли соседи, кто-то сбегал за матерью.

Через два дня бабушку хоронили. Тане запомнился этот день, зимний, снежный, чуть-чуть уже пахнущий весной. Никогда прежде не бывала Таня на кладбище зимой. Летом — другое дело, летом она частенько забегала сюда с ребятами. Здесь было интересно, было много цветов и росли самые большие в городе березы. Летом здесь было обыкновенно: много людей, иногда играла музыка. Как в городском парке. Но зимой, в этот снежный, безморозный день, все здесь показалось Тане необычным. Могилы почти скрылись под снегом, кресты на них были как домики под снежной шапкой, как избушки на курьих ножках из сказок. И узенькие тропинки едва виднелись между деревьями, странно вдруг обрываясь у какого-нибудь снежного бугра. Березы за снегом не белели, а чернели. И было так тихо и так грустно, что звонким казался снежный скрип под ногами и больно было вслушиваться в собственный голос. Наверное, поэтому все, кто провожал бабушку, почти не разговаривали между собой, а если говорили, то шепотом.

К могиле шли гуськом, оскальзываясь, забредая по колени в снег. И каждый шел, как за белым забором, отгороженный от других косо падающими крупными снежинками. Белое и черное, тихое и звонкое, глубокая зима и запах весны — вот что осталось у Тани от этого дня.

То, что бабушки нет больше и никогда не будет, Таня поняла не сразу и не на кладбище, а когда вернулась домой. Перед глазами все еще падал снег, стояли черные березы. И вдруг, как вспыхнувший огонь, увиделась ярко-рыжая в отвале земля у вырытой могилы. И желтый гроб, и бумажные блеклые цветы, и бабушкино лицо, но не живое, каким знала его Таня всю свою жизнь, а застывшее и бледное.

— Прощай, бабушка,— сказала Таня, войдя в дом, и заплакала.

И вот она осталась одна с матерью. Отец третий уже год был в отъезде. Он работал в Москве, он был архитектором. Таня никак не могла понять, отчего отец все не ехал к ним и не ехал. Она соглашалась, что проектировать дома — дело нешуточное, но ведь месяц-то в году полагается людям отдыхать. Взял бы в этот месяц да и приехал. Мама объяснила: отец работает без отпуска. Проектировать дома сейчас нужно очень спешно: их ведь сейчас строят превеликое множество. Да, это так. Таня не пропускала ни одной заметки в газетах, где писалось о строительстве новых домов, она пять раз ходила на документальный фильм, рассказывающий, как создается в Москве огромный жилой район с морским каким-то названием — Юго-Запад. И дома в этой совсем новой Москве были точно океанские корабли, громадные и легкие. Они будто плыли по своим широким улицам, уходившим до горизонта. Сердце замирало от удивления и гордости, когда возникали на экране эти дома-великаны, такие светлые, добрые, ясноглазые. И один, уже хотя бы один из этих домов, построен по проекту ее отца. В нем поселились сейчас сотни семей. И все они счастли-

вы. Да, конечно, быть архитектором — дело нешуточное. И, пожалуй, архитекторы иногда и вовсе не берут себе отпусков. Может быть, так оно и есть, так оно и нужно, но... но все же хоть на недельку-то отец мог бы приехать. А если не он к ним, то они к нему. Отчего они-то к нему не едут в мамин отпуск? Мать объясняла и это. Ведь дочь не знает, что быть судьей — дело тоже нешуточное. А ее избрали совсем недавно, она еще и опыта настоящего не имеет. «Подумай-ка, легко ли судить людей! Понимаешь, судить! Тут уж не до отдыха: надо учиться всякий свободный час, надо столько всего узнать, доченька, столько всего...»

Таня понимала, конечно: судьей быть нелегко. Но все же, все же хоть на недельку взяли бы да поехали...

— Нельзя,— отвечала мать тихо и печально и вся угасала, как вот сейчас у окна.

Так они и жили одни — дочь да мать. После смерти бабушки Таня научилась сама растапливать печь, сама разогревала себе обед, если не было матери, сама прибирала в комнатах. И даже сама с собой вслух разговаривать научилась, когда управлялась с кастрюлями и сковородками: «А вот я вас сейчас на огонек... А вот и будет с вас...»

Хоть и редко, но отец все же писал. Таню огорчало, что его письма были всегда очень короткими и почти об одном и том же: «Здоров... Много работаю... Здорова ли дочь?.. Как учится?..» Вот и все. Иногда от него приходили денежные переводы. Таня радовалась им. Она знала, все деньги, которые присылал отец, мать до копеечки истратит на нее, на Таню, и станет покупать не какие-нибудь скучные нужные вещи, а что-то совсем неожиданное, что только Таня ни попросит. Один раз купила фигурные коньки с белыми ботинками, потом огромную готовальню, совсем такую, какая была у отца, потом фотоаппарат «Киев» — очень дорогой и сложный. На фигурных коньках Таня не каталась: ей больше подходили ее старенькие снегурки,— готовальня ей была не нужна, фотоаппарат слишком уж был сложен. И все же это были любимые Танины вещи, на которые почему-то было всегда грустно смотреть, хотя они были совсем новые и красивые. В них жила какая-то тайна, в этих вещах, тайна, связанная с отцом, и с тем, что он так долго не едет домой, так редко и коротко пишет им, и с тем, что деньги, которые он присылает, мать всегда тратит на подарки Тане.

Смутная тревога, как до поры притаившаяся боль, давно уже жила в Тане. Она разгоралась всякий раз, когда в доме появлялся дядя Гриша — старый мамин друг. Он был другом и отца. Они все были друзьями еще со школьных лет. Таня хорошо помнила, как они вспоминали втроем, когда еще жил дома отец, свои школьные годы. И кто как напроказничал и кто что смешное сказал в те давние-предавние времена. Ничего особенно смешного в этих воспоминаниях Таня не находила, но мать, и отец, и дядя Гриша, что бы им ни вспомнилось, тотчас принимались хохотать, и так молодели и добрели их лица, что и Таня невольно улыбалась. Смешной народ эти взрослые: вспомнят, как провалился кто-то из них на экзаменах, и смеются. И громче всех дядя Гриша. Таня тогда очень любила его, всегда радовалась, когда он приходил к ним,— рыжий, веселый, громкоголосый. А теперь не радуется. Теперь, когда он приходит, Таня спешит придумать какую-нибудь причину, чтобы уйти из дому. Да и дядя Гриша не удерживает ее, и вовсе не такой он теперь веселый, как прежде. Все больше молчит. Курит и молчит.

При нем и мать на себя непохожа. То слишком уж весела, а то вдруг загрустит, забьется в уголок, как вот сейчас, и тоже молчит весь вечер, глядя за окно на дорогу.

— О чем ты, мама? — Таня подошла к матери, присела возле нее на валик дивана, пристально глянула туда же, куда и мать,— на укрытую сумерками дорогу. Она показалась ей синей, как речка холодным утром, и незнакомой, таинственной, точно это была не та самая дорога, по которой всю свою жизнь бегала Таня, а какая-то совсем новая, нехоженая.

— Странно! — проговорила вслух Таня.

— Что ж тут странного? — сказала мать.— Вот вспомнилась бабушка, подумалось, что одни мы теперь с тобой...

— А я не о бабушке подумала,— сказала Таня.— Я про дорогу. Смотри, какая она незнакомая. И синяя какая. Как река, верно? И кажется, если пойти этой дорогой, то попадешь не в наш город, а в какой-нибудь совсем незнакомый. В нем будут высокие дома, легкие и белые, как океанские корабли. Я даже знаю, как этот город называется. Сказать?

— Скажи.

— Юго-Запад. Мамуся, возьми на недельку отпуск, поедем к папе!

— Нельзя...

— Прошу тебя, ну, прошу тебя!

— Нельзя, дочка. Да, о чем ты меня просила?.. Краски тебе купить?

— Да, краски.

— Настоящие?

— Настоящие.

— Хорошо, завтра же пойдем с тобой в магазин и купим. А теперь мне идти пора. Не скучай, займись чем-нибудь.

Мать быстро поднялась, торопливо прикоснулась губами к щеке дочери, распрямилась, замерла на миг, точно заколебавшись, не решаясь сделать первый шаг, и порывисто шагнула к двери. С порога обернулась.

— Только вот не нравится мне этот твой учитель. Скверный старик.

— А ты его и не знаешь совсем! — сказала Таня, отчего-то вдруг страшно рассердившись на мать.

— Встречались...

Мать переступила порог и притворила за собою дверь.

— Ну и что же?!. Ну и что же?!. Ну и что же, что встречались! — крикнула ей вслед Таня и тихонько позвала: — Мама, вернись...

Подождала, вытянувшись, не откроется ли дверь, потом обернулась к окну и жадно глянула на дорогу.

По синей-синей в сумерках дороге странно высокая на тоненьких каблуках, странно переменившаяся на лунном свете, будто продрогшая вся, шла мать. Торопливо и робко, торопливо и робко. Вот-вот оглянется, вот-вот повернет назад. Но нет, не оглянулась даже.

— Дорога, дорога...— горестно шепнула девочка.— Куда ты?..

3

Уже и лето, и жара пришла, и тянет на речку, к ребятам, и множество еще надо переделать дел, а Тане все недосуг. Тенью бродит она за Черепановым, и не устает дивиться ему, дивиться чуду, которое творит он своими кисточками на полотне, и не устает

мысленно спорить со стариком. Так, почти совсем так, а все-таки что-то не получилось.

С Черепановым было трудно. Резок на слово, нетерпелив, насмешлив. Никто никогда так с Таней не разговаривал: «Держи! Неси! Жди!» А то и хуже: «Девчонка! Бестолочь! Увалень!» Какой же она «увалень»! И если бы не его умение творить из красок совсем похожий на правду мир, будто брал он на кончики кисточек крохотные волокна самой жизни и клал их потом одно к одному на холст, если бы не это волшебство, каким владел он, Таня ни за что на свете не стала бы дружить с ним. Дружил ли с ней Черепанов, она не знала. А она, конечно, дружила. Раз целыми днями все с ним да с ним,— значит, дружит.

Была и еще одна причина, которая удерживала Таню возле Черепанова. Старик умел рассказывать. Он знал такое, о чем Таня никогда и не слышала, хотя порой совсем рядом с этим неведомым шла ее жизнь. Рассказывая, Черепанов всегда обращался к Тане, как к равной, наперед полагая, что она все поймет из того, что он говорит. Таня была благодарна ему за это. Она ненавидела сюсюкающий тон, каким разговаривали с ней иные взрослые, думая, что она еще ребенок, совсем несмышленыш. А ведь она понимала, она все понимала. Иногда она просто не решалась сказать об этом — о том, что все понимает: боялась обидеть человека, который говорил с ней. Ей вдруг становилось жаль этого человека с его взрослой слепотой и простоватостью. И она покорно кивала головой и послушно и кротко соглашалась со всем, что ей говорили, не умея только прямо смотреть в эти минуты в глаза собеседнику.

То, что Черепанов говорил с Таней, как с равной, очень нравилось ей. Но ее пугала неизменная раздраженность, с которой вел свои беседы старик. И мрачнел солнечный мир вокруг Тани, лукавыми и недобрыми становились люди, даже те, что всегда казались ей славными и открытыми. Будто бы и умно говорил старик, и занятно, и зорко, а все-таки, все-таки до конца его словам не верилось. Слушая его, Таня и соглашалась и не соглашалась с ним, как соглашалась и не соглашалась с тем, что изображал он на своих картинах. Но не всегда хватало решимости сказать ему об этом. Таня убедилась, что Черепанов не терпел возражений. Того и гляди, если начнешь с ним спорить, рассердится и прогонит. А Тане теперь было бы очень трудно расстаться с Черепановым, с его наукой, с его рассказами и с его холстами и красками, с помощью которых, что там ни говори, он все же умел творить чудеса. Вот и приходилось ей учиться терпеть да помалкивать, не ведая того, что это тоже наука — терпеть да помалкивать, и наука не из малых.

В солнечные утра Черепанов отправлялся по обыкновению писать этюды в недалекий лес. Но он никогда заранее не предупреждал Таню о своих планах. Приходилось подолгу караулить минуту, когда старик выйдет из дому, чтобы потом, как бы невзначай, выбежать ему навстречу.

— Дмитрий Иванович, можно, я с вами!

Старик не отказывал. И Таня уже знала: если он лишь молча кивал на ее просьбу, значит, не в духе и с ним лучше помалкивать. Если же коротко отвечал или даже здоровался, чуть прищурив глаза, что заменяло ему улыбку, стало быть, настроение у него хорошее и он, пожалуй, ей нынче что-нибудь преподаст.

Сегодня старик был явно в духе.

— Здравствуй, здравствуй, Татьяна Николаевна,— поприветствовал он Таню хрипловатым, прокуренным голосом и даже чуть-чуть покривил в улыбке сухие губы, полагая, что просиял на все лицо.

— Здравствуйте, Дмитрий Иванович! — обрадованно воскликнула Таня, усмотрев в кратком приветствии старика столько всего для себя хорошего, обещающего, что так и засветилась счастьем.— Значит, в лес!

— Туда.

— На этюды!

— Как сладится.

— Маслом будем или акварелью!

— Мы-то! — В блекловатых, зорко-твердых глазах старика искоркой пробежала усмешка.

Таня смутилась.

— Не я, конечно, а вы, Дмитрий Иванович.

— Поглядим. Натура подскажет. Ну, двинулись.

Путь в лес шел мимо Торговой площади, через единственный в городе мост на Заречную лесную сторону.

Возле самого моста, на высоком холме, стояло приземистое кирпичное здание, с окнами-бойницами, с могучими стенами и крепостными башнями по углам. Глубокой стариной веяло от этого строения с закаменелыми в кладке кирпичами. Некогда в этом доме-крепости жил воевода. Несколько столетий тому назад. Сто лет, сколько это! Сколько это, если тебе всего тринадцатый год! Прикрыв ладонью глаза, Таня попыталась представить дом воеводы в те сказочно далекие дни, когда там жили люди в кольчугах и шлемах, когда по стенам ходили копьеносцы, а у дверей стояли часовые с алебардами. О чем думали тогда люди, о чем мечтали! Много раз бывала Таня в доме воеводы. Теперь там был городской музей. И Таня почти наизусть знала каждую надпись в этом музее под каждым экспонатом. Их не так-то уж было и много. Старинная утварь очень бедная. Неужели люди когда-то ели из этих кривобоких чашек, пили из этих темных узкогорлых кувшинов! Неужели из года в год, из века в век такой тяжкой была их жизнь! Все давалось им ценой невероятных усилий. Мир вокруг был враждебен и суров.

В музее повсюду были развешаны печатные предупреждения: «Экспонаты руками не трогать!» Но Таня все же трогала. Иначе она не могла до конца понять и до конца ощутить странное, и горькое, и радостное сразу чувство, которое охватывало ее уже на пороге дома воеводы. Такое странное чувство, будто она входит к живым людям, она одна из них, и вот сейчас кто-то окликнет ее громким, властным голосом и что-то велит ей делать, что-то самое простое, что делается тут каждый день. И Таня готова, все силы ее души напряжены, сердце замирает от радости и страха. Она готова. Она только боится, что ей не совладать даже с самым малым делом, которое велят ей сделать. Она ничего не умеет, у нее очень мало сил. А здесь вокруг ходят сильные люди, статные и суровые, в негнущихся одеждах, с голубыми, как небо родное, глазами. Родные люди...

Это отец научил Таню ходить по музею не как по музею, а словно в своем собственном доме. Только в давнишнем, в давнишнем. Он умел так. Он делался тихим, сосредоточенным, со стороны даже смешным, будто глухим и слепым, если не догадаться, что он теперь где-то очень далеко. Иногда только вдруг взглядывал он на дочь, тоже будто издалека, и проговаривал одно какое-нибудь слово, тоже будто издалека. Необычное какое-нибудь слово, протяжное и звонкое. Наверное, одно из тех, что звучали здесь тогда, в те давние времена. Жаль, Та-

ня забыла эти отцовы слова. Мала была да и не думала, что отец вскоре так надолго уедет. Потому и не берегла эти слова, не запомнила, помня лишь их звонкий и протяжный звук.

Отец, отец, где ты теперь?.. Вот и ты тоже далеко-далеко. Вот и тебя тоже надо вспоминать, прикрыв ладонью глаза. Хорошо ли так? Зачем же так?..

— Ты это о чем задумалась? — заглянув в Танины печальные глаза, ворчливо спросил Черепанов.— Идешь на этюды — поглядывай, а не жмурься. Шире, шире мир глазами хватай и слушай, жадно до всего прислушивайся.

— Я и смотрю, я и слушаю,— печально проговорила Таня.

— Что-то не похоже,— сказал старик.— Грустишь. Какие такие в твои годы могут быть печали?

Таня собралась было ответить, собралась было рассказать старику, что вспомнилось ей, как ходила она в крепость-музей с отцом, а вот теперь он уехал и нет его и год, и другой, и третий, но Черепанов равнодушно отвернулся от нее и пошел вперед еще быстрее, будто побежал от ее слов. Ему неинтересно было ее слушать. Так всегда: сам говорит, а ее не слушает, а если и слушает, то нетерпеливо и вдруг прервет какой-нибудь фразой вроде этой вот: «Какие такие в твои годы могут быть печали?»

«А вот и могут! — горько подумалось Тане.— Ничего-то ты, дед, не понимаешь!»

Она всерьез обиделась на него и понурилась, готовая, скажи он ей еще хоть одно обидное слово, повернуться и пойти прочь.

Но Черепанов такого слова не сказал. Догадался, что и так не на шутку ее обидел. И решил мириться. На свой лад, конечно: не стал просить у нее прощения, не протянул ей руку и не улыбнулся даже, а просто заговорил своим глуховато-скрипучим голосом, начав один из своих рассказов, за которые Таня многое ему прощала.

Вот прошли они дом воеводы и идут мимо церкви, и Таня знает, что церковь очень старая. И даже как ее отстраивали после пожара, обложив налогом всех жителей города,— и про это знает. А вот то, что в церкви этой во время революции шел бой,— про это она не знала. Да, был бой. Белые засели в алтаре и отстреливались из пулемета. А красный партизан Чижов, отец ее большого друга Саши Чижова (он теперь уже умер), схватил гранату и бросился к алтарю: «Сдавайтесь, гады!» Ну, белые и сдались.

Таня видела фотографию Чижова, Сашиного отца, на стене в музее. Совсем молоденький, только немного постарше Саши. Так вот он какой был, оказывается, Сашин отец! А он бы, Саша, такое мог? Спроси его, так скажет, что мог бы. А на самом деле? Как проверить? Белых теперь нет, в церкви давно, сколько Таня себя помнит, помещается какой-то склад, и пимокатная мастерская, и еще фотоателье. Как проверить?

Таня думала, что все знает о церкви: стоит и стоит, старая и старая, и вот еще валенки в ней катают, и вот еще снимают на карточки, и всегда, когда идешь мимо, пахнет от нее солеными огурцами и прелой картошкой.

Но Черепанов взял да и рассказал ей то, чего она никогда не слышала. Оказывается, в церкви-то был бой. И Сашин отец, совсем тогда почти такой же, как Саша теперь, кинулся на белых с гранатой: «Сдавайтесь, гады!»

А старик все продолжал рассказывать. Оказывается, церковь эта — сестра-близнец московской, что недавно еще стояла в Москве у Красных Ворот,— есть там такая площадь. Ключевские-то градоправители в те поры, когда церковь строилась, нешутя решили потягаться с Первопрестольной. Как там, мол, так и у нас. И церковь такая, как в Москве, и вот летний собор, что стоит на холме, единственный в городе, где еще молятся, тоже такой, как в столице. Черепанов сам видел в Москве совсем такой же.

Тут старик хитро прищурился и даже приостановился, чтобы подбить итог своему рассказу:

— Да и дешевле оно — по готовому-то проекту строить. Отцы города в старину копеечку считать умели. Не то, что нынешние...

— А что такое отцы города? — спросила Таня.

— Не знаешь? — усмехнулся старик, снова пускаясь в путь.— Да вот взять хотя бы твоего собственного папашу. Как же, городской архитектор!

— Бывший, ведь он уехал,— сказала Таня.

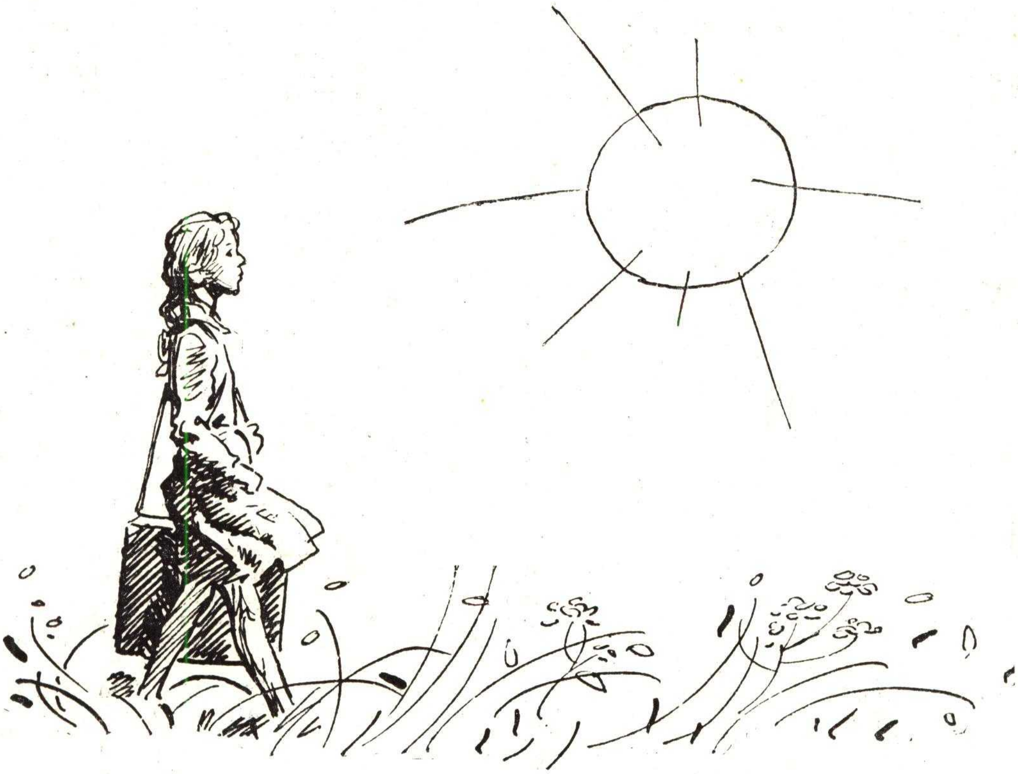
— Ну, вот и отец, стало быть, бывший.

Тане почудилось, что последние слова старик проговорил как-то не просто, будто прихмыкнул. Она быстро наклонилась и заглянула ему в лицо. Нет, не улыбается, но вот глаза все же отвел: что-то вдруг приметил под ногами и уперся глазами в землю. А потом тихо так, миролюбиво заговорил дальше:

— А вот его дружок закадычный, уважаемый наш Григорий Петрович, тот и ныне в отцах.

И опять Тане почудилось, что в словах старика прозвучал тихонько смешок. И опять глянула она в его лицо. Нет, старик не улыбался, и в глазах его, которые он теперь не стал прятать, тоже ничего такого подозрительного Таня не приметила.

— Это потому, что дядя Гриша секретарь райкома? — спросила Таня.— Потому он и отец?

— Потому, потому.

— Но ведь он второй секретарь.

— Стало быть, и отец второй.

Тане не захотелось больше заглядывать в стариковское лицо. Все равно он такой хитрый, этот старик, что его врасплох не застанешь.

— А мама! Кто же тогда моя мама! — спросила она, вдруг почему-то вспомнив, как очень давно, теперь уже очень давно, когда еще жил отец дома, сидели они все трое, мама, отец и милый, веселый, рыжий дядя Гриша — тогда она его очень любила,— у них в доме за столом и громко, перебивая друг друга, спорили. О чем спорили, Таня уже забыла. Помнилось только, что голоса у них были веселые и что отец часто смеялся в тот вечер. По-своему, негромко, больше глазами, чем голосом.

— Да и мама твоя — тоже отец,— услышала Таня теперь уже с явной ехидцей произнесенные Черепановым слова.

Она и забыла про него. Вспомнившееся так живо встало перед глазами, что даже будто жило в звуках. И вот вдруг скрипучий, усмешливый голос старика.

— Как же, судья! В прежние времена мировой судья в большой силе был. Назначался из самых уважаемых, из самых почтенных. А вот теперь...

Таня быстро повернулась и вот наконец встретилась глазами с глазами старика. Ей показалось, что в глазах у него двигались, плыли куда-то маленькие колючие льдинки.

— Что ж, правду сказать, властная женщина...— услышала она незнакомо отрывистый голос Черепанова. Это он так говорил про ее маму!

— Она справедливая! — сказала Таня, гневно вскинув голову.— Все говорят, она справедливая.

— Знаю, встречались!..

Старик внезапно остановился и стал раскладывать мольберт, далеко еще не дойдя до леса, куда держал в этот день с Таней путь.

— Попишу-ка я речку, не тянет меня что-то сегодня в лес. Видишь! — И он указал девочке изогнувшуюся вдали и много ниже того места, где они стояли, неширокую ленту реки.— Видишь, как она тут петляет! Коварная, с норовом. То вот такая вот, то вдруг прямиться начнет. Лет тридцать назад так разлилась, что всю Заречную залила. А помню, был год, чуть вовсе не высохла. Коварная, с норовом,— повторил он.

— Я не согласна! — сказала Таня, сама себе изумившись: так запальчиво прозвучали ее слова.— И вовсе она не коварная! Это вы так на нее смотрите. А она веселая, вся в ключах. Ведь недаром же ее Ключевкой зовут. Вода в ней прозрачная, как в роднике, и дно все до единого камушка видать. И мою маму вы не смеете ругать: мою маму все любят!

— Вон оно что! — усмехнулся Черепанов.— Обиделась! Да я разве ее ругал! Наслышан да и встречались, а ругать не ругал.

— Я по глазам догадалась,— сказала Таня.

— По глазам! Ишь ты! Ну, хватит болтать: солнце нас с тобой дожидаться не станет.

Долго не заговаривал Черепанов со своей ученицей, вычерчивая углем на холсте речные изгибы. И только когда кончил набросок и, отойдя, начал, прищурившись, рассматривать сделанное, он вдруг обернулся к Тане и резко проговорил:

— Бери краски, пиши.

— Мне!! Самой!! — встрепенулась девочка.

— Тебе, тебе.

Старик достал из ящика с красками самодельную — просто кусок фанеры с дыркой для пальца — палитру и протянул ее Тане.

Она же, выбросив вперед обе руки, приняла эту испятнанную, бугристую от засохшей краски фанеру, как принимают великий дар — хлеб с солью на рушнике.

— Действуй,— кивнул Черепанов на ящик с красками.— Добывай тут свои прозрачные ключи.

И отошел, уселся на пенек, нарочно отвернувшись от Тани и мольберта, закурил, отчего-то злой и пасмурный больше обычного.

Таня, склонившись над ящиком, разгоревшимися глазами разглядывала тюбики с красками — цветастых уродцев, пузатых и тощих, совсем как крошечные человечки.

У иных уже не было сил, они были плоские, выжатые, с уроненными на грудь головками. Иные же полнились живыми соками. А были и такие, что еще и вовсе не работали, не растратили ни капельки своих сил. Эти были чистые, сытые, самодовольные. Но Тане больше нравились тюбики со следами жизни. Краска сверкала на них и в них, как кровь,— синяя, зеленая, красная. И все это, вся эта цветастая и будто даже гомонливая толпа смешных человечков была сейчас отдана Тане. Владей! Командуй! Бери их в руки и выпускай на волю их живую, сверкающую на солнце силу!

Отгороженные от тюбиков с красками, чинно лежали кисточки, кисти, какие-то скребки и лопаточки. Это были Танины солдатики — усатые, бравые, в удивительно пестрых, красивых мундирах. Один такой солдатик откатился к стенке и сам будто сунулся Тане в пальцы. Таня сжала его, высоко подняла над головой и, как это делал Черепанов, глянула поверх мольберта на реку, туда, где жил мир, который надо было ей перенести на холст.

Работа началась.

До этого дня Таня не писала маслом. Черепанов и близко не подпускал ее к краскам.

— Рисуй! Карандашиком, угольком, хоть пальцем, но рисуй. Объем, пропорция, линия — набивай руку. Ясно!

— Ясно,— кивала Таня и набивала руку с утра до позднего вечера: карандашом — на бумаге, углем и мелом — на стенах, пальцем — на отпотевших оконных стеклах.

Черепанов никогда не хвалил ее, хотя Тане иногда казалось, что у нее получается. Зато высмеивал Черепанов ее охотно и часто. Вот тогда-то и звучали его: «Девчонка! Бестолочь! Увалень!» Куда уж там думать о работе маслом! И вдруг: «Бери краски, пиши».

Чудной старик!..

Там, внизу, бежала изгибаясь неширокая Ключевка. Коварная! Нет! Веселая — вот это верней. Будто все ей нипочем. Молодая, вот-вот рассмеется, брызнув во все стороны бурливыми ключами. Как написать ее такую! Какие краски нужны для этого! Таня беспомощно оглянулась на Черепанова. Старик по-прежнему сидел к ней спиной.

«Нарочно! — подумала Таня.— Чтобы потом высмеять!»

Она с надеждой перевела взгляд на ящик с красками. «Миленькие, помогите!» Но что это! Минутой назад все краски казались ей и яркими, и веселыми, и добрыми, а сейчас они все разом потускнели или, нет, не потускнели, а словно даже похолодели, отвернулись от Тани.

Тогда она посмотрела на холст. Река на нем уже была прочерчена твердыми — Дмитрий Иванович водил углем твердо, кроша его,— угловатыми линиями. Точно ли сделал это Черепанов! Тане показалось, что не точно. Ну, конечно же, не точно. У Дмитрия Ивановича получилось совсем похоже и все-таки не так, как на самом деле. На холсте река ломала свои берега, а там, внизу, где была сама река, берега будто текли за ней следом, плавные в своих изгибах.

Таня положила кисточку и схватила кусок угля.

— Вот так, вот так! — шептала она, а рука с углем легонько касалась черепановских линий, мягко их округляя.— Вот так, вот так! И вовсе ты не коварная и не злая. Ты веселая, ты ловкая, как моя мама...

Таня оглянулась. За спиной стоял Черепанов. Самодельная папироска дымила в плотно сжатых губах, заволакивая дымом колючий взгляд. Если бы Таня не была уверена в своей правоте, она бы испугалась этого взгляда. Но она была уверена и не испугалась.

— Что ж, пусть так,— не вынимая папироски, процедил Черепанов.— Ну, а краски!

— А краски...— Таня с сожалением взглянула на ящик. Дивное дело,— краски снова обрели свою яркость, потеплели.— А с красками мне еще не управиться,— сказала Таня.— Я их еще не знаю...

— То-то,— удовлетворенно кивнул Черепанов.— А берешься судить.

Он не спеша сложил мольберт, закрыл ящик, кряхтя закинул мольберт на плечо, а ящик отдал Тане.

— Пошли.

Молча двинулись они назад к городу. Но теперь уже другой дорогой, которая повела их сначала в сторону от реки, а потом круто покатилась вниз, к самому берегу. И что ни шаг — река менялась. Теперь Таня на память знала норовистый ход ее берегов от той вон колокольни до синеющего вдали леса: она сама прочертила на холсте каждую речную извилину. И все же, что ни шаг, река открывалась ей совсем по-новому. А когда спустились к берегу, Таня не узнала ни мостков для полоскания белья, ни пологого песчаного пляжа, ни давным-давно валявшихся здесь старых лодок. Все не так, все по-новому представилось глазам девочки. Наверное, оттого, что никогда прежде не думала она о реке, как о чем-то живом, как подумала, когда рисовала ее берега. Веселая! Молодая! Разве можно так думать о реке — ведь это всего-навсего вода, холодная, прозрачная, обыкновенная! Оказывается, можно. И хотя только малая часть реки видна Тане, она сумела сейчас заглянуть и туда, в глубь далекого синего леса, и туда, где разлилась широкая Кама, в которую несла свои прозрачные воды Ключевка. А дальше была Волга, а еще дальше начиналось море. Танина Волга и Танино море, сказочно прекрасные края, какие только могла она вообразить. Вот почему совсем по-новому смотрела Таня на свой ма-

ленький здешний мир. Он был лишь частицей огромного мира, который вдруг открылся ей. Многоцветный, пронизанный солнцем мир. Увидеть его собственными глазами, побывать всюду вот с этим ящиком, который несла Таня, научиться владеть всеми его сокровищами-красками — как вдруг захватила девочку эта мысль! Смешными, крошечными показались ей ее недавние мечты, недавние радости.

Возле лодок Таня увидела своих школьных друзей. Кто смолил и конопатил старые днища, кто просто прыгал с лодки на лодку, раскачивал их, воображая, должно быть, морскую бурю. В воде никого: холодно. В бурлящей ключами речке можно было купаться только в очень жаркие дни. Сегодня же часто налетал ветер, заволакивая солнце тучами. И все же Танины друзья и сегодня были здесь. На реке хорошо в любую погоду. С Камы сюда залетают чайки. А Саша Чижов говорит, что прилетают они с самого Каспийского моря. Раньше Таня считала, что он выдумывает. Кто знает, может быть, и не выдумывает. Саша тоже был сейчас здесь. Вон стоит — белая рубаха, как парус, и руками размахивает, вот-вот улетит. Кому он машет? Издали донесся звонкий и озорной, будто подхваченный ветром голос:

— Эй, художница, покрась байдарку!

Таня остановилась, готовая броситься на зов, но ее удержал осуждающий взгляд Черепанова.

— Ящик давай,— отрывисто сказал он, протянул руку.— А то, чего доброго, начнешь этими красками байдарку малевать. Художница!

Таня поспешно наклонилась и поставила у ног старика ящик.

— Завтра-то отправимся? — спросил Черепанов.

Таня молчала, не зная, что ответить. Уж очень ей было с ним трудно. А там, где были ребята, где ее ждали, там ей всегда было легко и радостно. И потом Черепанов не смел подшучивать над ней, обзывать ее всякими обидными словами. И он не смел плохо думать о ее маме!

Налетел, закружив песок, ветер и донес до Тани сочившийся из ящика с красками живой, маслянистый запах. На миг ящик словно открылся, сверкнув всеми своими красками, и они вновь властно поманили Таню: «Владей нами, девочка!» И вновь увиделись Тане далекий синий лес, и далекое море, и ярко сверкающее над ним солнце. «Владей нами, девочка!»

— Отправимся,— тихо проговорила она и бегом бросилась к ребятам.

4

Сашу Чижова хорошо было бы нарисовать цветными карандашами. Волосы у него русые и чуть-чуть медные там, где не выцвели, а глаза голубые или даже зеленые. Когда смеется — голубые, когда злится — зеленые. Сейчас Саша и сам не знал, как ему быть с Таней: злиться на нее или встретить миром. Он глядел хмуро, но глаза все-таки высветились голубизной. И оттого все Сашино задиристое лицо сделалось добрым и мягким, как в те редкие минуты, когда он утихал, о чем-то задумавшись. Об этих минутах Таня говорила:

— Саша новую игру изобретает.

Верно, задумавшись, он изобретал, что бы еще такое сотворить, чтобы уж совсем интересно стало жить на белом свете. У него было любимое слово «айдате!».

— Айдате, ребята, на Каму, угоним лодку, доплывем до Перми, а потом...

Но далеко уплыть ему не удавалось. У Саши были две старших сестры — вечная помеха его смелым замыслам. Эти сестры всегда обо всем узнавали — и, глядь, они уже на берегу, уже ухватились за цепь и держат лодку.

«Айдате!» Стало быть, двинем-ка, ребята, куда-нибудь в неведомые края, где живет все самое удивительное. Сашины голубые ли, зеленые ли глаза всегда смотрели на мир с таким жадным любопытством и такой готовностью к изумлению, что, глядя на него, и другим ребятам хотелось изумиться. Чему? Их маленькому городку, их улице, их дому? Да, всему этому, привычному и самому обыкновенному. Саша любил искать, открывать хоть старую залежь железного лома — лишь бы открыть эту залежь в каком-нибудь всеми забытом углу.

Он встретил Таню сурово.

— Что, в носильщики к старику подрядилась?

— Я учусь рисовать,— сказала Таня, оглядываясь, всматриваясь в лица своих школьных приятелей.

С ними ей было хорошо, привычно. И вдруг на реке, по берегам, все будто выровнялось, встав на свои места, знакомые глазу.

— Странно,— проговорила Таня.— Опять все как прежде.

— Что странно? — заинтересовался Саша.

Таня не ответила. Она отошла от него и остановилась возле двух маленьких девочек, копошившихся в песке. Она присела подле них на корточки.

— Хотите, я вам помогу построить ваш домик?

— Это не домик,— сказала одна из девочек.— Это целый город.

— Верно, город,— согласилась Таня.

— Нет, это не город,— сказала другая девочка.— Это городской парк с качелями, а вот это забор, через который нельзя лазить.— И девочка смахнула пальцем ползшего по песку муравья.— Не смей лазить через забор!

— Верно,— согласилась Таня,— это не город, а парк.

Обе девочки были правы. Таня вдруг поняла это: обе девочки были правы, увидев каждая в том, что лепила из песка, свой собственный мир. Видеть по-своему и все время по-новому: то ясно, то словно в тумане, то широко, от горизонта до горизонта, то остановившись глазами на каком-нибудь крошечном предмете,— видеть так было совсем внове Тане, но она уже догадалась, что видеть все так замечательно интересно.

И вдруг на девочкин город или парк наступили два огромных башмака. Девочки сразу заплакали, а Таня гневно вскинула голову и поднялась. Перед ней стоял Саша, хмурый, задумчивый.

— Зачем ты это сделал? — гневно спросила Таня.

— Что? — не понял Чижов.

— Зачем ты наступил на их город?

— Это город? — пошевелил в песке башмаками Саша.

— Ну, парк!

— Парк! — усмехнулся парень.— А ну, марш отсюда! — прикрикнул он на девочек.— Тоже мне, раскричались из-за кучки песка.

— Чудак, для них это не кучка песка, а целая картина,— сказала Таня.— Ничего-то ты не понимаешь, как я погляжу.

— Зато ты понимаешь,— обиделся Саша.— Выучилась уже! Художница!

— Чтобы быть художницей, Саша, надо учиться много, много лет,— насмешливо заметила Таня.

— Много, много лет? — повторил Саша.— А терпения хватит?

— Не знаю.

— Не знаешь! А я про себя все знаю.

— Что же это!

— Ну, кем буду, какую буду работу работать.

— Какую же! — спросила Таня, хотя ей хорошо было известно, кем собирается стать ее друг Саша Чижов. Совсем недавно, еще когда Таня не проводила целые дни с Черепановым, Саша охотно делился с ней своими планами.

— Решил, буду военным,— объявил он ей с месяц назад.— Это окончательно. Как отец.

Правда, месяцем раньше Саша говорил, что будет учиться на шахтера, шахта — это ведь целый город под землей; а еще раньше, — что хочет стать капитаном дальнего плавания.

— Когда вырасту, конечно, — рассудительно добавлял он.— И подучиться еще надо, с семилеткой к теперешней технике не подступишься.

Таня соглашалась: не подступишься, но про себя-то думала, что семилетка — это очень много. В пятом классе седьмой кажется далекой вершиной, а ведь Саша был уже на этой вершине. И все же ему этого мало. Таня всегда очень терпеливо и уважительно выслушивала планы своего друга. Наверное, потому-то он так и любил делиться с ней, хотя она на целых два года была моложе его. И Таня никогда не спорила с ним, чего Саша и не потерпел бы. Капитан так капитан, шахтер так шахтер, военный так военный. Решительность, с какой говорил он о своем будущем, подкупала девочку. Она так не могла бы. Она вот совсем еще ничего про себя не знает. Она какая-то робкая. Может быть, она еще маленькая! С этим трудно было согласиться. Конечно, Саша почти уже взрослый, но ведь и она не малыш. Смешно, когда настоящие взрослые считают ее маленькой. Она все понимает. Они думают, что она не понимает, а она понимает. Но тут уж ничего не поделаешь: взрослые очень самонадеянный народ. Неужели и она будет такой, когда окончательно вырастет!

— Ты меня не слушаешь! — недовольно спросил Саша. Он привык к тому, что Таня слушала его, чуть ли не затаив дыхание.

— Слушаю,— сказала Таня.— Только я ведь знаю: ты решил стать военным.

— Передумал.

— Правда!

— Я буду ученым. Не сразу, конечно, но буду. Я решил изучить наш край. Буду производить раскопки, находить старинную утварь, оружие, старинные книги или даже рукописи; я тебе объясню потом, что это такое — обрабатывать всякие народные сказания и легенды. А еще я буду геологом. Буду искать полезные ископаемые. Представляешь, как все это интересно!!

— Представляю,— сказала Таня.— А как же быть с твоим недавним окончательным решением стать военным!

— Чудная, ну, передумал.

— Опять?

— Что ж тут такого! Человек вообще не может сразу все про себя решить. Дел очень много, а ты один. Тебе, конечно, не понять еще, но запомни: главное — это найти в жизни свое призвание.

—Призвание, — повторила Таня. — Нет, я понимаю. Призвание — это когда человек находит для себя дело, без которого не может жить. Ни денечка!

— Ну, приблизительно так.

— Ни даже часа одного! И все про это, все про это!

— Что — все про это!

— Думаешь,— тихо проговорила Таня.

Ей и самой странным показался ее взволнованный голос, и она смущенно опустила голову, но Саша ничего не заметил.

— Разбираешься,— одобрительно сказал он.— Не совсем, конечно, но все-таки молодец. Призвание — это когда что-то тебя так зовет, что нельзя не пойти. Вот такое и со мной. Но только меня разные голоса зовут. То туда, то сюда. Это хорошо, как думаешь!

— Не знаю. Меня ведь еще никто не позвал. Разве вот только...— Таня умолкла и посмотрела на крошечную капельку краски, приставшую к ее ладони. Она давно заметила эту синюю точку и про себя решила не стирать ее и даже как-нибудь так мыть руки, чтобы капелька не смывалась. Долго-долго. Поймет ли ее Саша, если она расскажет ему, как вдруг дорог стал ей этот цветной, яркий мир, из которого прилетела к ней на ладошку синяя капелька!

Но Саша не мог слушать сейчас Таню. Ему надо было выговориться самому.

— Я думаю, что хорошо,— сам же ответил он на свой вопрос.— Пускай будет много этих голосов. Не страшно. Сестра Лиза говорит, что это многогранность. Понимаешь!

— Нет,— грустно призналась Таня.

— А сестра Оля с ней не согласна. Это, говорит, просто поиски. Талант, говорит, всегда ищет, прежде чем найти себя. Понимаешь!

— Нет,— еще печальнее ответила Таня.

«Капелька, капелька,— тихонько пошевелила она губами, поднеся ладошку к лицу.— Отчего я такая непонятливая!»

Побросав свои лодки, к ним подошли ребята — все закадычные Сашины друзья: Егор Кузнецов, Вася Ларионов и Мишка Котов.

Егор Кузнецов был самым рослым и самым сильным из всего седьмого класса. Только Саша и мог с ним сладить. Конечно, не просто так, а приемами самбо или в боксерских перчатках. Он умел и это. Вася Ларионов был одноклассник Тани. Это был тихий, застенчивый мальчик. Таня его любила. Он был надежным товарищем. Никогда за все школьные годы — а ведь они уже шестиклассники! — он ни на кого не пожаловался, хотя ему часто доставалось. Он был не очень-то сильный. «Безответный» — называла его Таня. Но в трудные минуты он всегда выручал. Их и не запомнишь, столько их было — этих трудных минут. И не счесть, сколько раз Вася помогал Тане то в одном, то в другом. Он даже подсказывал ей, хотя делал это всегда хуже всех в классе. А один раз подрался из-за нее с восьмиклассником, который мимоходом толкнул ее в коридоре. И восьмиклассник отступил. Вот какой Вася, если его рассердить!

Мишку Котова Таня не любила. Этот всегда только и делал, что смеялся. Но не потому, что был веселый, а просто так, чтобы вышутить других. Он был старше даже Саши. Длинный, нескладный, глаза какие-то разные — один побольше и карий, а другой всегда прищуренный и не поймешь, какого цвета. Бурый!

Впрочем, Таня довольно миролюбиво сносила насмешки Котова: ведь он же был другом Саши. Она, правда, не понимала и того, почему тихий и «безответный» Вася тоже прилепился к этой шумной компании. Из девочек с ними дружила она одна. Другие девочки считали Сашу зазнайкой, Егора — увальнем, а Мишку — грубияном. О Васе же всерьез никто и говорить не хотел.

Конечно, если смотреть поверхностно, то все правильно: Саша — зазнайка. Но Таня-то знала, что это не так. Он был добрый, он был великодушный — вот каким он был, ее друг Саша Чижов.

— Об чем разговор? — спросил Мишка Котов, привычно ухмыляясь.— Привет художнице! Слышишь, сделай с меня портрет. А?

— Здравствуй, Мишенька,— ласково проговорила Таня. Так повелось: на все Мишкины шуточки Таня отвечала кротким голосом и тоже шутя, покуда хватало у нее на это терпения. Часто терпения не хватало.— Погоди лет десять, обязательно нарисую.

— Не могу. Через десять лет и художников-то не будет. Зачем? Изобретут такую машину, сунул в окошко голову — и пожалуйста!

— Что — пожалуйста?

— Твой портрет.

— Нет,— серьезно сказала Таня.— Всякие еще машины будут через десять лет, но такой, чтобы вместо художника,— такой не будет.

— А я говорю, будет! Как думаешь, Саша?

Таня с надеждой взглянула на своего друга. Но он не захотел поддержать ее. То ли потому, что не придал значения ее спору с Мишкой, то ли оттого, что был сердит на нее. Ведь она и с ним вдруг начала спорить, отбилась от компании.

— Цветная фотография и теперь есть,— равнодушно произнес он.

— Разве это одно и то же: картина и фотография?

— Смотря какая картина.

— Я и говорю! — подхватил Мишка.— Смотря какая! Взять, к примеру, твоего Черепанова! Шлеп — и лесок, шлеп — и цветок. На фотографии хоть похоже выходит, а у него...

— Молчи, если не понимаешь! — быстро проговорила Таня. Она гневно сжала руку в кулак.— Вот как стукну по башке!

— И испортишь мой портрет! — миролюбиво рассмеялся Мишка.— Эх, художница! Вот ты отбилась от нас, таскаешься по целым дням за своим стариком, а мы тут, знаешь, какое дело начали? Сашка, сказать?

— Да стоит ли? — повел плечами Саша.— Ей теперь не интересно будет.

— Нет, мне интересно,— сказала Таня.

— Было бы интересно, была бы с нами.

— Но я же учусь.

— Это у Черепанова-то? — усмехнулся Саша.— Чему он тебя может научить? Злобный старик. С ним никто из взрослых и не здоровается. А уж про картины его и говорить нечего.

— Он не злобный,— упавшим голосом проговорила Таня: ведь верно же, верно, Черепанов был совсем не добрым стариком, а может быть, даже и злобным.— А как он пишет, об этом ты судить не можешь.

— Пишет? — спросил Мишка.— Чего это он еще там пишет?

— Ну, вот... вы не понимаете. Пишет — это когда рисуют картины маслом.

— Уморила! Маслом! — захохотал Мишка.

— Да, маслом, масляными красками. Это такое специальное выражение. А смеешься ты, Миша, зря. Только свое невежество показываешь.

— Вот у тебя и характер хуже стал,— как бы невзначай заметил Саша.— Всех ты ругаешь, все у тебя ничего не понимают.

— Это неправда! — Таня зажмурилась, почувствовав, как откуда-то издалека, оттуда, кажется, где было сердце, устремились к ее глазам слезы.

Нельзя было, чтобы Саша их увидел. Таня порывисто отвернулась и пошла прочь от своих друзей, с которыми совсем еще недавно было ей так легко и радостно. Что же случилось? Отчего все вдруг стало сложным? С Черепановым тяжко, с Сашей и ребятами — тоже. И сама себе порой кажешься незнакомой. Чужая девочка в незнакомом городе...

Таню нагнал Вася и молча пошел рядом, стараясь идти с ней в ногу. Но Таня то делала широкий шаг, то коротенький, то приостанавливалась: так ей было легче думать. Вася терпел, хотя все время сбивался с ноги и спотыкался.

— Рассказывай, что это вы такое надумали! — наконец заметила его Таня.

— Ничего особенного,— встрепенулся мальчик.— Скажи, ты не можешь идти поровнее?

— Не могу. Саша придумал?

— Саша.

— Интересное что-нибудь?

— Вообще-то интересно, но...

— Не тяни, рассказывай.

— Так ведь это же пока тайна.

— И от меня?

— Раз Саша не стал говорить тебе...

— Эх, Вася, Вася, а еще моим другом считаешься!

— Так ведь и Саша твой друг. Понимаешь, мы все дали слово, что будем молчать. А уж потом, когда все наладим,— вот тогда и смотрите.

— Что — смотрите?

— Не могу,— понурился Вася.— Ну пойми же: слово дал!

— И не нужно! — вконец обиделась Таня.— Обойдусь без ваших глупых секретов. А сейчас, пожалуйста, уходи. Ты мне мешаешь сосредоточиться.

— Что? — не понял Вася, но все же остановился.

Тут как раз начиналась улица, и Таня тоже остановилась, чтобы оглянуться с бугорка на реку. Она

увидела Сашу. Снова парусом пузырилась его белая рубаха, и он снова возбужденно размахивал руками, точно вот-вот готовый куда-то полететь.

5

Чужая девочка в незнакомом городе...

Таня медленно брела по круто уходившей вверх улице и все оглядывалась по сторонам, наперед зная, что увидится ей знакомый дом, или знакомая излучина реки с далекой кромкой леса, или просто дерево, которому куда больше лет, чем Тане. Но виделось все незнакомое. Дом будто бы новый — так высветило его на закат подавшееся солнце, излучина реки от солнца же слепит глаза и кажется, что на реке начался пожар, а дерево так молодо позеленело смолянистыми листочками, что даже не верится: оно ли еще недавно стояло здесь, стуча на ветру своими голыми, покривленными ветвями!

И так все кругом. Все незнакомо. Даже не по себе как-то делается. И думается тоже по-незнакомому. На душе смутно и обидно. Нешуточная обида пришла да и забралась во все твои мысли. Как быть с Черепановым — с этим противным, злым стариком! И что теперь будет у нее с Сашей! Вот они и поссорились.

И снова Таня оглядывается на еще недавно такой привычный ей мир в надежде, что он все тот же самый. И снова все кажется ей вокруг незнакомым.

«Что это! Что же это со мной приключилось!» — недоуменно спрашивает себя Таня.

А дома ее ждала новость: приезжает отец. Три года не ехал — и вот приезжает. Когда мать сказала ей об этом, Таня сперва даже не поняла, про что это ей толкуют. Голос у матери был будничный, слова звучали как обыкновенные, и радостный, громадный смысл их сперва укрылся для Тани за этой будничностью маминого голоса. Но вот Таня повторила вслед за матерью сказанные ею слова и вдруг услышала какой-то звонкий звон внутри себя, будто множество заливистых школьных звонков объявили громадную счастливую перемену. Приезжает отец! Они возьмутся за руки и, как тогда, три далеких года тому назад, медленно пойдут куда-то через город. Приезжает отец! Она услышит снова негромкий его голос и увидит желтенькие искорки в его прищуренных глазах и дождется нечастой, странно медленной его улыбки. Приезжает отец! И теперь все, все станет как прежде у них, и мама не будет куда-то уходить под вечер, чуждо разряженная и в будничные дни, и не будет возвращаться совсем уже поздно, почти ночью, и ходить по комнате украдкой, на цыпочках. Приезжает отец! И теперь дядя Гриша снова станет таким, каким был. Станет веселым, шумным, откровенным.

Все эти мысли точно взорвались в девочке, и она кинулась к маме, готовая сразу обо всем рассказать ей, прокричать ей про свою радость. Кинулась и остановилась, так и не добежав. Будничный голос, будто в себя устремленный взгляд, будто понурившиеся вдруг плечи матери — все это остановило Таню.

— Ты не рада!

Они были в комнате не одни. Только теперь Таня разглядела в углу на диване двух Сашиных сестер, подруг ее мамы, подруг еще со школьных лет, двух зеленоглазых Сашиных сестер, строгих-престрогих, которые всегда вставали на пути всех Сашиных затей. Таня не очень-то любила их и удивлялась, почему мама их так любит. Старшая, тетя Лиза, была врачом-хирургом. Это она разрезала Тане большой палец на ноге, когда он вдруг так раздулся и так начал болеть, что дышать было страшно. Втянешь воздух, а палец еще больше болит, выдохнешь — и еще, еще больше болит. А тетя Лиза чиркнула по пальцу ножом — Таня знала, он называется ланцетом — и сказала: «Вот и все! А теперь убирайся!» Прыгая на одной ноге, Таня «убралась», затаив страшную обиду на тетю Лизу. Она даже сказала тогда матери: «Твоя тетя Лиза хоть и врач, но очень грубая». «Хирург»,— пояснила мать.

Младшая сестра Саши, тетя Оля, кончила такой же юридический институт, как и Танина мама. Но Танина мама была судьей, и Таня хорошо понимала, что это за такая работа — быть судьей. А тетя Оля была следователем прокуратуры. Что это за работа — следователь,— вот этого Таня, как мама и Саша ей ни объясняли, понять не могла. И слово-то какое-то странное: следователь. За кем это зеленоглазая тетя Оля все следует и следует! Что она, следопыт, что ли! И верно, Саша шагу не может сделать, чтобы она его не преследовала.

А вот мама с ними дружила. Они дружили все вчетвером: мама, тетя Лиза, тетя Оля и дядя Гриша. А когда-то они дружили больше с ее отцом, чем с дядей Гришей. Но отец уехал, а дядя Гриша остался.

— Почему вы все не радуетесь! — спросила Таня теперь уже всех троих сразу.— Ведь приезжает отец! Он так давно не ехал и вот приезжает!

— А мы радуемся,— сказала тетя Лиза мужским своим и властным голосом.— Не измышляй, пожалуйста, ерунду.

— Вот именно,— сказала тетя Оля. У нее был голос мягкий и будто ласковый, но Тане он всегда казался ехидным.

— Разве так радуются! — сказала Таня.

— Ты неправа.— Мать положила Тане руку на плечо и медленно потянула ее к себе.

Сердце у Тани вздрогнуло, слезы рванулись и брызнули из глаз, и ей вдруг стало так горько и так больно, так диковинно горько и больно рядом с мамой, ее любимой мамой, что она задохнулась на миг, так совсем, как под водой, когда пересидишь там из озорства дольше, чем можно. И стало Тане страшно, как там, под водой, по-серьезному страшно и хмуро, как там, под водой. Она вырвалась из-под маминой руки, вскинувшись вся, трепетно напрягшись, как там, под водой, и опрометью, ослабевшими ногами побежала прочь из дому. И только уже на улице, будто вынырнув, перевела дух. Куда идти! Вечер уже, куда идти!

Напротив, стоит только пересечь неширокую их улицу, светилось на втором этаже окно в доме Черепанова. Одно-единственное во всем двухэтажном доме. В освещенном окне горбилась фигура старика. Таня знала, он один там сейчас одинешенек. Старший сын его, тоже уже совсем старик, давно уехал из их города, из этого дома. Рассказывали, поссорился с отцом и уехал. А потом уехала от отца и дочь. Молчаливая такая, сутулая, много старше Таниной мамы. И она тоже поссорилась с отцом, прежде чем уехать. Все на Таниной улице знали о ссоре старика Черепанова со своими детьми. Таня только забыла, из-за чего они между собой ссорились. Да это и неважно сейчас. Вот он один, старый, совсем один. Ему, наверное, очень сейчас грустно. Наверное, так же грустно и хмуро, как и ей сейчас. Странно, приезжает отец, а ей грустно и хмуро...

Таня перешла улицу, перепрыгнула неширокую канаву, переступила три дощатых полоски тротуара, глянула еще раз на сгорбившуюся в окне фигуру старика и решила: «Он мне обрадуется». Но едва только стукнула негромко кулаком в запертые ворота, едва только услышала злобную возню в сенях единственного сожителя Черепанова, страшного, хуже пса цепного, бойцового петуха Альфреда, как усомнилась в правильности своего решения. Но отступать уже было поздно, уже заскрипели в доме ступеньки — Черепанов шел отворять.

(Продолжение в следующем номере.)

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

В ПОДАРОК ПОЧТАЛЬОНАМ

Сейчас нам кажется обычным, что все дома на улицах перенумерованы. А ведь первый номер на доме появился сравнительно недавно — всего полтораста лет назад. Это было в конце XVIII века в Англии, и ввели нумерацию для того, чтобы облегчить работу почтальонов.

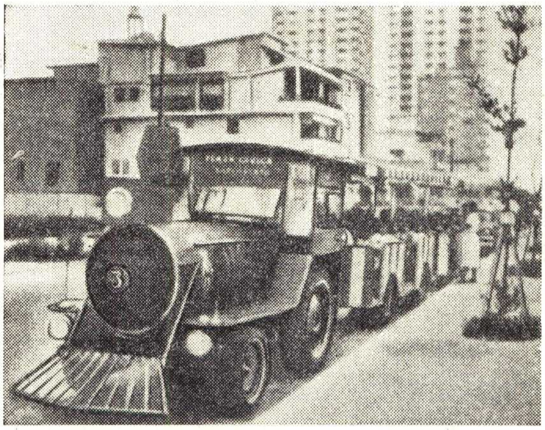
ЗВЕРИ И ТЕХНИКА

Есть в Третьяковке картина, написанная больше чем полстолетия назад: за пахарем с сохой по свежей борозде стаей следуют грачи, собирая личинок и червяков в развороченной земле.

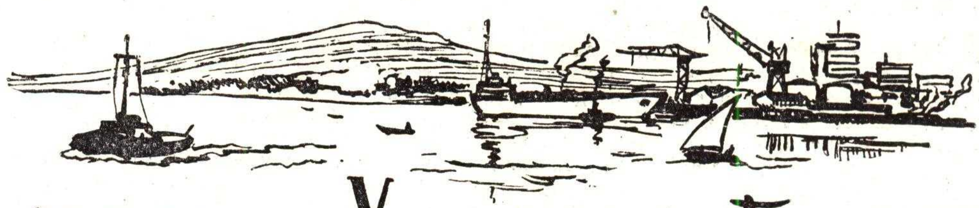
На колхозных полях не увидишь ни сохи, ни худой, заморенной лошаденки. Тракторные моторы оглушительно ревут на пахоте, но это не пугает птиц. Скворцы и грачи невозмутимо шагают по широкой полосе, распаханной многолемешными плугами, слетаясь на басовитый голос трактора. Он стал для них сигналом к пище. Оказывается, и лисички-хитрички приспособляются к машинной технике. Крестьяне одного немецкого сельскохозяйственного кооператива в округе Лейпцига не раз отмечали, что во время пахоты лисы на протяжении многих часов неотступно следуют за трактором и ловят мышей в перевернутых пластах земли. Прежде им приходилось либо «собственноручно» раскапывать норы, либо подстерегать, пока неосторожная мышка покинет свое жилище. Вот оно, приспособление к окружающей среде!

ВЕСЕЛЫЙ ПОЕЗД

Он курсирует по улицам Гаваны, ежедневно делая несколько рейсов между центральной площадью города и детским городком, выстроенным

на бульваре Малекон. Ничего, что вместо паровоза ведет вагоны старый трактор, «загримированный» под паровоз! Ребятам Гаваны очень нравится этот поезд. Они терпеливо дожидаются его на своей улице, зная, что водитель обязательно остановится и возьмет их. По вечерам он развозит из городка всех детей по домам.

В порту Уолфиш-Бей

Александр ИВАНЧЕНКО

Фото автора.

Рисунки В. Цельмера.

Есть на юго-западе Африки портовый город Уолфиш-Бей. Город небольшой, в его «белой» части, где живут европейцы, всего три с половиной тысячи населения.

Похожие на длинные казармы шлакобетонные и дощатые дома. Камень, пыль. Ни деревца, ни цветочка, ни травинки. Редко перед каким домом увидишь одинокий куст акации. И все же это город. И не такой уж забытый.

Кого тут только не встретишь! Бывшие эсэсовцы, гитлеровцы — их тут более пятисот; бывшие чернорубашечники из Италии. Террористы-оасовцы, испанские и португальские фашисты, почему-то не поладившие со своими фюрерами. Всем им покровительствуют фашисты, управляющие Южно-Африканской Республикой.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ИМЕНИ

Пивной бар в центре Уолфиш-Бея. Белым посетителям прислуживает черный карлик. Вся его одежда — меховая набедренная повязка и ремень из шкуры антилопы. На руках карлика, выше локтей,— медные браслеты. В ноздри вдето костяное кольцо. Лицо и тело ярко раскрашены.

Положив на колени полотенце, карлик сидит на рогожке у буфетной стойки в ожидании, что его кто-нибудь позовет. Подхожу к нему, здороваюсь и спрашиваю имя. Карлик вскакивает очень удивленный. С поклоном говорит:

— Бушмен, мой господин.

— Бушмен? Это же национальность.

— Да, мой господин, но другого имени у меня нет.

— Как же так? У всех людей есть имена.

— Да, мой господин, но меня поймали младенцем, я не помню своего имени.

— Поймали? Кто, где?

В это время за столиком крикнули:

— Эй, ты, обезьяна!

Карлик торопливо засеменил на зов. Двое пьяных успели, однако, разгневаться:

— Как ползешь, каракатица?

Я не сразу понял, чего от него требовали. Потом вижу: карлик вернулся к своей рогожке, бросил полотенце и снова направился к столику. Но теперь он шел на руках, вниз головой. Быстро перебирая руками, он болтал в воздухе босыми пятками и, вытянув, как утка, шею, крякал. Раздался хохот. Я невольно потянулся за фотоаппаратом, но не спускавший с меня глаз бармен истерично завопил:

— Найн! Найн!

Хохочущий зал притих. Все угрожающе уставились на мой фотоаппарат.

Я вынужден был уйти.

Потом мне рассказали историю карлика.

Племя бушменов-карликов живет, точнее, жило, в пустыне Калахари. Южноафриканские миссионеры пытались обратить их в католичество, но карлики убегали или стреляли в миссионеров отравленными стрелами. И вот в Претории — столице Южно-Африканской Республики — расисты приняли решение истребить племя. Еще недавно многочисленное, сейчас оно почти уничтожено. Бушменов осталось меньше ста человек.

Карлика, которого я видел, расчетливый «охотник» взял ребенком, вырастил и продал столичному бармену. За свою жизнь карлик сменил много городов. Едва он перестает привлекать посетителей, его продают в другой бар. Продают открыто, как вещь.

Вспоминаю его глаза, немного выпуклые, большие, грустные. Сколько в них страдания, невысказанной человеческой боли! Он хорошо знает три языка: «африкаанс» (государствен-

Центральная улица в Уолфиш-Бее.

ный язык Южно-Африканской Республики), английский и немецкий. Он чудесный гимнаст и неплохой художник. Заплатите бармену десять шиллингов, и через пятнадцать — двадцать минут вы получите свой портрет, написанный «дикарем». Рисует он тут же, у буфетной стойки. Возле его рогожки стоят мольберт и ящичек с акварельными красками.

За полтора шиллинга, заплаченные тому же бармену, карлику можно приказать подняться по тоненькой веревочке к люстре. Он ухватится за ее бамбуковые рожки и будет проделывать в воздухе гимнастические упражнения.

Посетителю бара может в карлике что-то не понравиться. Что ж, он волен наказать его, пнуть ногой. Если, конечно, у посетителя белая кожа и есть чем заплатить бармену!

Он очень послушный, этот карлик. И очень доходный.

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Сразу за домами Уолфиш-Бея вздымаются желтые барханы пустыни. Если пересечь центральную площадь и выйти в пустыню, справа в песках увидишь военный городок и танковый полигон, слева — резерват. Он, как тюремный лагерь, обнесен колючей проволокой.

В резервате живут негры.

Метрах в двухстах от поселка — покосившиеся ворота. За воротами будка, в будке — полицейский. Выходить из резервата африканцам можно только по пропускам.

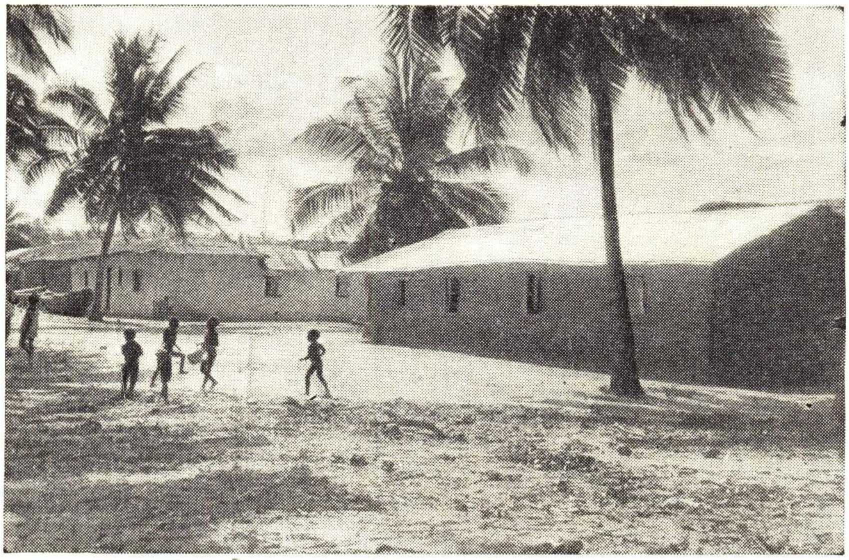
Вхожу в поселок. На площади стайка голой детворы с тамтамом — африканским барабаном. Один малыш колотит в него, другие скачут вокруг. Едва я приблизился — они врассыпную кинулись кто куда. Белого тут боятся, как чумы.

Дома здесь глинобитные, крытые рогожей. Черные проемы окон, на некоторых грубые ставни. Стекол нигде нет. Как я потом узнал, в резерватах за них платят налог. Окна со стеклами позволяют себе иметь только «богачи».

За глинобитными постройками — невообразимое нагромождение лачуг. Множество ларьков, маленьких базарчиков. Торгуют какими-то побрякушками, лоскутками, ношеной обувью, глиняной посудой, вязанками дров, древесным углем, который, как овощи, продают на килограммы. Мало кто торгует съестным, а если и торгуют, то лишь фруктами или сладостями.

Маленький уличный торговец. Он зарабатывает в день два-три шиллинга. На эти деньги можно купить лишь несколько горстей кукурузы.

Эти пальмы не дают плодов, они — для радости.

Баас — хозяин. От африканцев требуют, чтобы они так обращались ко всем белым.

Спрашиваю старика, как это они умудрились вырастить пальмы в пустыне. Не понимает. Слова «пальма» в Африке не знают.

— Ну, — говорю, — эти деревья!

— А-а, деревья...— Старик испугался.— Но, баас, они не дают плодов, они только для радости. Если баас прикажет платить за них налог, мы их срубим.

Говорю, что я иностранец, а не налоговый агент, пришел посмотреть резерват. Старик оживился было, но, пососав трубку, вяло вздохнул.

— Раньше мы жили в деревне. Там было хорошее озеро и большие деревья. Потом нас заставили переселиться сюда. Здесь нет воды, женщинам приходится ходить за ней в белый город. Раз в неделю деревья надо поливать.

— Неужели вы поливаете все деревья?

— Нет, сэр, только эти. В том конце резервата растут другие, у них глубокие корни. Но мы любим эти. В деревне из таких деревьев мы делали хижины. Когда нас сюда переселяли, полиция все наши хижины сожгла.

Хлеба, мясных или молочных продуктов здесь не увидишь. Оказывается, хлеб и мясо африканцам покупать запрещено.

После серого Уолфиш-Бея и горячих голых барханов меня удивили пальмы. Зелени в резервате, не в пример городу белых, довольно много.

У одного из домов на перевернутом ящике сидит старик. Седой, бородатый, с умными глазами. Курит трубку, думает свою думу. При виде меня он с трудом встал, поклонился.

— Здравствуйте, баас.

Уголь в резервате продают килограммами, словно овощи.

Я зашел к старику в дом. Длинное полутемное помещение. Не называю его комнатой, потому что на комнату оно не похоже, скорее напоминает хлев. Сумрак, духота. По земляному полу разбросаны циновки и лохмотья — постели. Никакой мебели. За нее тоже нужно платить налог. У входа топится каменная печка.

Невестка папаши Нкози (так зовут старика) варит в чугунке бобы.

— Это ваш обед?..

— Да, сэр.

У нее было двенадцать детей. За последние два года пятеро умерли. Смертность среди детей в этой стране самая высокая в мире: из тысячи умирают семьсот, не дожив до пяти лет. Причина одна: недоедание.

В резервате нет ни больницы, ни школы. Из ста ребят научиться читать и писать могут только трое — те, кому удается попасть в миссионерскую школу при церкви. Учатся там всего два года. Но и таких школ очень и очень мало. Одна школа на округ.

«ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ...»

Я еще не рассказал, как в Уолфиш-Бее встретили наш корабль. Раньше советские суда здесь не бывали. Дипломатических отношений с этой фашистской страной у Советского Союза нет. Наш корабль пришел сюда по приглашению английской морской фирмы, которая работает в Уолфиш-Бее.

В порт входили в шесть часов утра. Несмотря на ранний час, встречающих на причале было много. На пирсе — толпа европейцев. Крыши портовых пакгаузов облепили африканцы. У европейцев — транспарант: на длинном черном полотнище нарисована белая свастика и кисть руки, поднятая в нацистском приветствии. Пока корабль швартовался, стояла тишина. Но вот спущен трап. На борт поднимаются представители английской фирмы, те, кто нас сюда пригласил. И тут же толпа заволновалась.

— Хайль Гитлер! — заорали фашисты.

И вдруг знакомый мотив:

«Хотят ли русские войны,
Спросите вы у тишины...»

Это запели на крышах пакгаузов, без слов, один мотив, запели не совсем верно, вразнобой, но так, что защемило сердце. Русская песня... Откуда?

Толпа фашистов ринулась к пакгаузам. В поющих полетели камни.

— Эй, кафры, заткнитесь!

На крышах продолжали петь.

Не прошло и минуты, как в порту взвыли сирены. На мотоциклах примчалась полиция. И тотчас же с соседнего танкера со свастикой на форштевне по крышам ударили две мощные струи неочищенной нефти. Сначала мне показалось, что африканцев пытаются разогнать грязной балластной водой. Но нет, это была нефть, густая, как расплавленная смола.

За моей спиной кто-то из наших глухо выдавил:

— Гады, что делают!

— Знают, что нефть выжигает глаза.

— Это же миллионы!

— А им что? Смотри, смотри!..

Толпа на пирсе ревела в диком, сумасшедшем восторге.

— Клаус, Клаус, сильней, Клаус!

Им было мало напора мотопомп, они жаждали большего, жаждали до скрежета зубов.

— Клаус, Клаус, Клаус!

Африканцы начали было соскакивать на землю и вдруг остановились. Припав к крышам, закрыв руками лица, они ожесточенно запели вновь.

Рев толпы перешел в неистовый свист. Топот, вопли, град камней. Но африканцы держались с немыслимым упорством.

И неожиданно — тишина. Это на танкере выключили помпы. Но через минуту толпа шарахнулась к танкеру. Клаусу орали, что, если он снова не включит нефть, его «коробку» разнесут, а самого отправят к акулам.

Клаусом звали, по-видимому, капитана танкера. Тощий и долговязый, он стоял на мостике судна и невозмутимо смотрел на все происходящее. Когда фашисты, давя друг друга, бросились к трапу, матросы танкера из нескольких шлангов хлестнули по ним водой. Ошалелые фашисты отпрянули назад. «Душ» сработал не напрасно. Толпа понемногу стала утихать.

Мы считали, что все закончилось. Но тут опять завыли сирены. На причал вкатили три грузовика с полицейскими. Спрыгнув на землю, они окружили пакгаузы и цепью стали вдоль нашего борта.

Из кабины головной машины грузно вывалился человек в штатском, наверное, полицейский комиссар.

— Убирайтесь с крыши, слышите, я предупреждаю! — крикнул он африканцам.

Несколько человек нехотя слезли. Остальные, как по команде, разом легли, прикрыв руками лица. Тогда по приказу комиссара на крыши полезли полицейские с дубинками. Увидев, что мы фотографируем, комиссар поднялся к нам на борт и с холодной вежливостью сказал:

— Прошу прощения, здесь фотографировать не рекомендуется. Засветите пленки и разойдитесь по каютам.

Пришлось подчиниться.

В порт нам разрешили выйти в двенадцатом

Докеры Уолфиш-Бея. Это они пели на крышах пакгаузов русскую песню.

часу дня. Там было тихо. О недавнем побоище напоминали только лужи нефти у пакгаузов.

Потом портовые рабочие рассказали о том, что происходило накануне. Узнав, что в Уолфиш-Бей прибывает советский корабль, фашисты зашевелились: для них нашелся повод устроить антисоветскую демонстрацию. Чтобы придать ей большую «солидность», собрали докеров-негров. Условились, чтобы докеры выкрикивали фашистские лозунги. Африканцы для вида согласились. Дальнейшее мы видели сами.

Я спросил докеров, почему они рискнули, пошли на такой шаг.

— Нам известно, как вы относитесь к африканцам. Но дело не только в этом,— сказали они.— В других странах должны знать, что мы боремся. Мы рассчитываем на поддержку честных людей за рубежом.

Любопытна судьба нашей песни. В далекий Уолфиш-Бей ее завезли японские моряки. Спасибо им, нашим незнакомым друзьям! Спасибо за веру в русских!

Б.

ФЕСТИВАЛЬ РАЗНОЦВЕТНЫХ ГАЛСТУКОВ

НА СТРАНИЦАХ «ПИОНЕРА» СОСТОИТСЯ В ИЮНЕ.

Почта с пометкой «Фестиваль» заполнила столы редакции.

РЕБЯТА! Вы помните, конечно, наш уговор: присылать на фестиваль самые интересные письма зарубежных друзей, рассказы о работе интернациональных клубов, коллекции пионерских значков...

Посмотрите на фотографию. Это почта одного дня. Только разберут ее юнкоры, а уже опять выросла гора писем и посылок с пометкой «Фестиваль».

Но мы знаем, что не все письма еще пришли. Рассказы и сообщения многих ребят еще в пути.

Мы решили подождать их — перенести наш фестиваль в июньский номер журнала.

Итак, до встречи на страницах следующего номера!

МОЖНО ЛИ В ЭТО ВЕРИТЬ?

А. ДОРОХОВ

Рисунки П. Кирпичева.

Каждое воскресенье верующие христиане собираются в церквах и в самый торжественный момент богослужения «причащаются» — по очереди съедают по небольшому кусочку тела Христа и запивают глотком его крови.

Конечно, никто не позволил бы в наши дни заниматься людоедством взаправду. Да и откуда было бы попам каждую неделю доставать настоящее тело Христа и его кровь? Поэтому в церквах обходятся кусочками по-особому выпеченных булочек — просфор — и обыкновенным красным вином. Для большего сходства с теплой кровью вино разводят горячей водой.

Но тем не менее попы уверяют прихожан, что после того, как они попоют над чашей с вином разные молитвы, помашут над ней шелковым платочком и сделают несколько колдовских жестов руками, наподобие фокусников, налитое в чашу вино всякий раз превращается в подлинную кровь, а накрошенные кусочки просфоры — в кусочки живого тела самого Христа.

И пока верующие причащаются, поп и дьякон все время настойчиво напоминают: имейте в виду, сейчас вы все по-настоящему едите тело вашего бога и пьете его кровь. А тот, кто в этом усомнится, совершит самый тяжелый грех. Кстати, за такой грех еще двести лет назад во многих христианских государствах сжигали живьем на костре.

Откуда же появился у христиан страшный людоедский обряд поедания бога?

Основатели христианской религии — апостолы не придумали ничего нового. Они воспользовались отголосками самых древних верований и смешали в один несколько различных религиозных обрядов, существовавших когда-то у многих народов.

На заре человечества, когда люди еще только придумывали первых всесильных богов, они больше всего опасались их рассердить. Но как уберечься от гнева могучих и жестоких владык жизни? Как сделать их добрыми и милостивыми? Как завоевать их расположение?

Способ один — накормить посытнее и повкусней.

И люди приносили в жертву богам свою лучшую пищу: рыбу и дичь, ягнят и коз, хлеб и масло, вино и фрукты.

Но когда и это не помогало и на страну надвигалось несчастье, когда разгневанные боги насылали засуху, наводнение или страшные повальные болезни, люди пытались умилостивить разбушевавшихся небо-

жителей, отдавая им самое ценное, самое любимое. А что может быть человеку дороже, чем его ребенок?

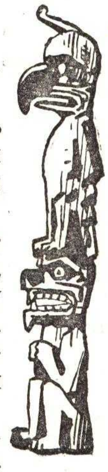
Так у многих народов появились человеческие жертвоприношения. Совершались они и у древних евреев, из религии которых христианские апостолы позаимствовали особенно много различных легенд и обрядов.

В главной еврейской религиозной книге «Библии» описано, как бог потребовал от одного из еврейских старейшин, Авраама, принести в жертву его сына и тот, не задумываясь, положил на жертвенник связанного мальчика. Авраам уже наточил было нож и приготовил дрова, чтобы убить и сжечь своего ребенка, но сам бог в последнюю минуту сжалился и разрешил заменить мальчика ягненком.

В древности человеческие жертвоприношения существовали и у других народов.

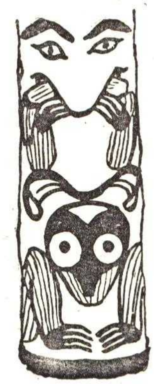
Еще четыреста лет назад, когда испанцы впервые попали в Южную Америку, жители Перу инки каждую весну устраивали «Великий праздник сотворения».

В этот день из храмов выносили на площадь огромных идолов — изображения главных перуанских богов. Сюда же приводили несколько маленьких мальчиков и девочек, украшенных цветами.

Начиналось пение молитв. И вдруг несколько жрецов бросались к испуганным детям, хватали двоих-троих, душили их, рассекали им грудь, вырывали дымящееся сердце и приносили его в жертву своим кровожадным богам.

С ростом культуры нравы людей смягчались. Человеческие жертвы стали приносить все реже. Детей заменяли ягнятами, телятами, голубями, которых убивали здесь же, перед алтарем. Но по-прежнему считалось, что самая приятная для богов пища — это свежая кровь.

У первых христиан тоже существовали человеческие жертвоприношения. Их совершали по ночам, в пещерах, в глубокой тайне и называли «тайные вечери».

Но слухи об этих кровавых обрядах все же доходили, и просвещенные римляне презрительно называли первых христиан «трупоедами».

Постепенно руководители христианских общин перестали, однако, пользоваться настоящей кровью. Зачем рисковать обвинением в убийстве? Гораздо проще слегка обманывать бога.

В жертву стали приносить не настоящего мальчика, а выпеченную из теста человеческую фигурку с ножками и ручками. Постепенно эту фигурку все упрощали и упрощали, и теперь вместо нее в церквах выпекают просфоры (богомольцы называют их «просвирками»). Это обыкновенные круглые булочки из пресного теста. От человека осталась лишь маленькая головка сверху.

Но почему сегодня христиане не приносят жертву богу, а, наоборот, сами съедают то, что, по словам попов, превращается в бога? Этому есть объяснение.

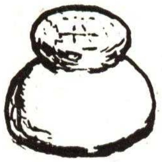

Корни такого обряда лежат в глубокой древности.

У многих первобытных народов, кормившихся охотой, существовала вера в тотемы. Племя выбирало своим покровителем сильного зверя — медведя, волка, вепря, бизона, считало его своим предком и надеялось на его помощь в охоте. Такое животное-предок ученые называют тотемом.

Тотем нельзя было убивать и есть, чтобы не разгневать духа — покровителя племени.

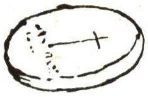
Но раз в году, обычно накануне большой охоты, назначал-

ся особый день. В этот день, после различных магических обрядов, жрецы торжественно убивали животное-тотем и каждый охотник съедал по кусочку его сердца или печени. После этого племя умоляло духа-покровителя не сердиться на людей за нарушение закона.

А нарушали его потому, что считали лучшим способом соединиться с божеством — принять внутрь себя его мясо и кровь. Кроме того, первобытные люди были уверены, что достаточно съесть кусочек львиного или медвежьего сердца, и к тебе перейдет сила и мужество льва или медведя.

Это суеверие сохранилось во многих древних религиях. Но поскольку достать хотя бы крохотный кусочек самого бога было невозможно, то обходились различными заменами.

Сначала обряд поедания бога бывал кровавым. В древней Мексике, например, выбирали сильного и красивого юношу, воздавали ему почести, словно живому богу, а затем клали связанного на жертвенник и убивали. Тело убитого разрезали на кусочки и съедали.

Но постепенно эти кровавые жертвы богам в большинстве стран стали заменять бескровными.

В древней Персии, например, верующие соединялись со своим богом — Митрой, съедая по кусочку особо испеченного хлеба и запивая его вином. В древней Индии жрецы выпекали из теста изображение Брамы, и верующие с трепетом съедали по кусочку такого фигурного пряника, веря, что съедают тело бога.

Из всех этих древних суеверий, существовавших за тысячи лет до христианства, и возник христианский обряд причастия. Этот древний обряд сохранился у православных и католиков до нашего времени с той лишь разницей, что православные попы размачивают в чаше с теплым вином кусочки просфоры, а католические — дают верующим по отдельности специально приготовленную облатку и подогретое вино.

Конечно, даже среди тех, кто ходит по воскресеньям в церковь, немногие верят всерьез, что размоченная в вине булка действительно превратилась в кусочек сырого мяса. Иначе большинство причащающихся не смогло бы, наверно, проглотить такое угощение. Да и не всякий станет пить теплую кровь, хотя бы и божью.

Не верят в это и сами попы. Ведь они всякий раз обязаны доедать оставшееся в чаше причастие и отлично видят, что никакого превращения не совершилось.

В Риме произошел однажды случай, показавший, как мало верят в то, что проповедуют простым людям, сами руководители христианской церкви.

Верховным главой церкви, полномочным представителем бога на земле, католики считают римского папу. Как только его выберут из числа кардиналов — высших сановников католической церкви, он сразу же зачисляется в состав святых.

Так вот, один из римских пап решил уничтожить строптивого французского короля, который не посчитался с его властью. Но как убить короля, окруженного стражей?

Папа был хитер и коварен. Он назначил торжественную службу в римском соборе. Все было чин по чину, и король первым подошел к причастию.

Но в облатке, которую с благоговением во взоре протянул ему на золотой ложечке сам папа, был... смертельный яд. Король его проглотил и упал мертвым.

Так верховный глава церкви использовал самый священный обряд для подлого убийства своего противника.

БОЙЦЫ, ВООРУЖЕННЫЕ ВОДОЙ

Интересно тебе узнать, как работают пожарники? Ну, конечно, интересно. И многим ребятам тоже. Вот редакция «Пионерских известий» и направила специальных корреспондентов пионеров Сашу Жужгова, Андрея Коровина и фотокорреспондента Сашу Виленского в одну из московских пожарных частей. Мы печатаем рассказ наших спецкоров.

●

Серая каланча рядом со станцией метро «Сокол» нам знакома с детства. Сколько раз мы ходили мимо и думали: «И в дождь и в холод стоит там, в вышине, зоркий наблюдатель и смотрит во все стороны, нет ли где огня».

Оказалось, что там давно уже никто не стоит. А если бы стоял, то, во-первых, ничего бы не увидел. Рядом выросли дома чуть ли не в два раза выше старой каланчи. А во-вторых, зачем там стоять наблюдателю в холод и в дождь, если у пожарников теперь новая, современная связь по радио. Об этом нам рассказал командир пожарников капитан Яковлев.

В большом зале на втором этаже, похожем на комнату отдыха, человек двадцать пожарников как будто беспечно отдыхают: кто-то играет в шахматы, кто-то смотрит телевизор, кто-то читает. Но так только кажется. В этом мы скоро убедились.

Во дворе стоят начеку пожарные машины. Со второго

этажа по специальным трубам можно в одно мгновение спуститься к машинам.

— Хотите попробовать? — спрашивает капитан.

Посмотрели вниз — страшновато. Но разве можно признаться в этом?

— Хотим, конечно! — Обхватываем трубы руками и ногами — и вниз.

Здорово! Напрасно боялись.

Вдруг мы слышим тревожный звонок.

— Садитесь вот в эту машину, быстрее! — сказал капитан.

Мы проносимся мимо знакомых домов и магазинов. Заслышав сирену, нам уступают дорогу машины и люди. Мы торопимся на пожар. Через сорок секунд машины уже мчатся по шоссе, завывая сиренами.

Тушить пожар нам не разрешили.

— Смотрите, запоминайте, — сказал капитан Яковлев. — Потом спросите, что непонятно. Пожар — это бой, схватка со злым и опасным врагом!

Мы видели, как под напором воды отступало пламя, слышали его злобное, бешеное шипение. Через десять минут пожар был потушен. Вскоре мы вернулись домой, но все еще вспоминали о случившемся, так как были очень рады, что нас взяли на пожар.

●

Советуем штабам пионерских зон, советам отрядов провести:

1. Рейд «Преграда огню» по чердакам и чуланам своей зоны.

2. Конкурс самодельных плакатов на тему «Пожара не будет!».

3. Экскурсию в ближайшую пожарную часть.

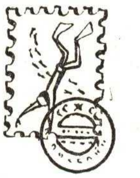
Звено дружных

Я и мои товарищи Ольков Саша, Игнатенков Гена учимся в четвертом классе.

Мы подружились осенью. Ходили в лес и однажды нашли птичку пищуху. Принесли домой и еле ее отогрели. А потом мы отнесли ее в лес и выпустили. Так и подружились.

Мы уже помогли пилить дрова инвалидам. Наши планы состоят в том, чтобы помогать взрослым. Летом все вместе мы будем ходить в походы.

Юра Токарев
пос. Хромик,
Свердловская область.

В подводном царстве

В журнале «Пионер» я прочел статью «Тем, кто мечтает о подводном плавании». Для меня это уже не мечта. Я выписал через «Посылторг» комплект № 1, хотя и не весь. Я накопил денег, вернее, не накопил, а заработал. Денег хватило только на маску и трубку, а на ласты пока не хватило.

Мой друг Коля занимался в секции подводного плавания. Он мне объяснил, как пользоваться комплектом. Вообще-то пловец я неплохой, плаванием занимаюсь с шести лет.

Наше село находится близ небольшой речки. В ширину река — метров двадцать, а в глубину — как где, но есть места до десяти метров глубины.

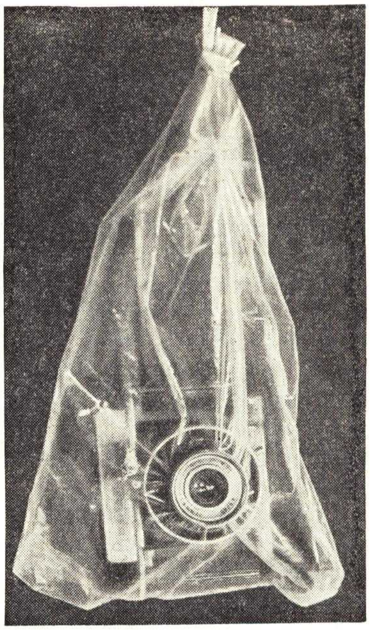
Сначала я плавал там, где обычно ребята наши купаются. Вода там мутная, и я подумал, что это только в кино под водой красиво. А Коля посоветовал:

— Ты попробуй к тому берегу доплыть! Там много водорослей, я уже туда плавал.

Я доплыл до того берега. И когда огляделся, такое вдруг увидел! Прямо надо мной стаи рыбок плавали между стеблями водяных лилий, сверху сквозь огромные листья пробивался солнечный свет, вода переливалась, как драгоценные камни. Этого не рассказать никакими словами. Я теперь мечтаю о подводных фотосъемках. У меня есть фотоаппарат «Смена», но я не знаю, можно ли его приспособить для подводных съемок.

Александр Бирючков
с. Поселки, Саратовская область.

Фотоаппарат «Смена» под водой

Для подводных съемок можно приспособить и фотоаппарат «Смена» и любой другой. И ты сам, Саша, наверно, понимаешь, в чем тут главная задача.

Надо «отгородить» аппарат от воды, сохранив возможность управлять им.

Как же это сделать? Поместить фотоаппарат хотя бы в хирургическую перчатку или в целлофановый мешочек, как показано на фотографии. А чтобы рычаг не прорвал мешочек, на спуск затвора надеть кусочек резиновой или хлорвиниловой трубки.

Конечно, Саша, когда возьмешься за дело, появится много вопросов. Немало полезного ты узнаешь из книги Ольги Жуковой «Подводная охота». Поройся в комплектах журналов «Советское фото», «Юный техник», «Техника молодежи», «Знание сила», «Наука и жизнь», там тоже найдешь много интересного.

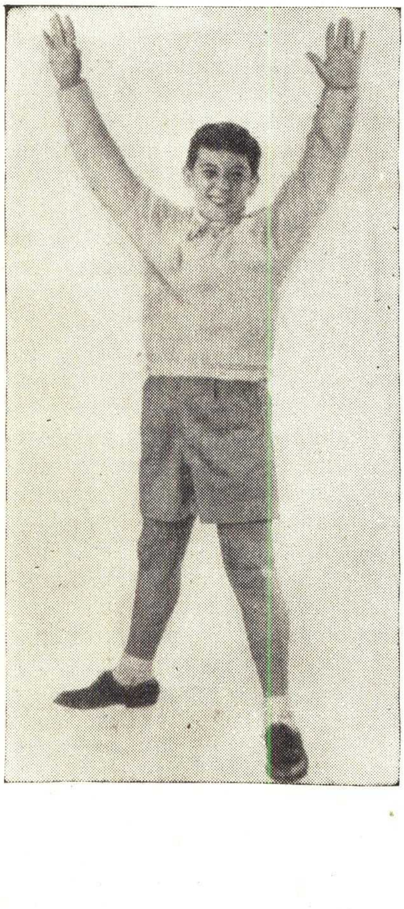
Робертино Лоретти

Дорогая редакция!

Все мы очень любим юного итальянского певца Робертино Лоретти. Мы бы очень хотели увидеть его портрет, больше узнать о нем. Если можно, напишите о нем в журнале «Пионер».

С пионерским приветом

ученики восьмых классов, школа № 139. Москва.

Робертино Лоретти родился 22 октября 1947 года на окраине города Рима в семье рабочего-штукатура Орландо Лоретти. Петь Робертино начал очень рано. В три года он знал и напевал все услышанные мелодии. А еще через два-три года он с успехом участвует в разных конкурсах.

Все понимали, что Робертино необходимо учиться петь, что мальчик необыкновенно талантлив, но большая семья синьора Орландо не имела средств, чтобы учить Робертино. Робертино должен был работать. По воскресеньям и в праздничные дни мальчик пел в кафе и ресторанах, чтобы заработать несколько лир.

В кафе «Гранд-Италия» в конце 1960 года его и услышал датский музыкальный критик Вольмер Соренсен. Он записал голос Робертино на магнитофон, а вскоре маленький итальянский певец выступил по датскому телевидению.

В Дании Робертино выступал с успехом, его пригласили на гастроли во многие страны мира.

Гастроли, концерты, учеба и опять гастроли...

Огромный успех и очень большая нагрузка — и организм, еще не окрепший, не выдержал. Робертино простудился и заболел.

Во время болезни у маленького итальянского певца началась мутация (ломка) голоса. Но по всем странам мира продолжал звучать его голос, его песни, записанные на пленку.

Сейчас Робертино начинает петь снова, у него лирический тенор.

В праздничном новогоднем концерте телезрители Дании услышали его первую после ломки голоса песню. А сам Робертино на Новый год был дома, в Риме, среди родных.

А потом опять гастроли — Робертино отправляется в Париж, где его записывают в студии грамзаписи.

В Рим к Робертино приходит большая корреспонденция из многих стран мира, в том числе и из СССР.

— Мне очень хочется побывать в вашей замечательной стране,— говорит Робертино,— и ответить на письма песнями.

А. ОВЧИННИКОВ

Вчера или сегодня?

ЧНЧ
Что нам читать?

С. СОЛОВЕЙЧИК

Поразительное дело. Вроде бы давно все это происходило и никак не может пригодиться в сегодняшних наших делах. Давным-давно «партия свободных ребят» стала пионерским отрядом; давным-давно нет никаких кулаков, подкулачников, батраков; никто не наскакивает с кнутами, нагайками на ребят в красных галстуках, да и самые галстуки эти никому не придет в голову шить из «мумуаровой» (то есть муаровой) бабкиной юбки... А почему же повести писателя Николая Владимировича Богданова, рассказывающие о пионерах двадцатых — тридцатых годов, да и написанные в большинстве своем тогда же, читаешь так, будто они про сегодняшних ребят? Почему, когда читаешь их, хочется взять блокнот и выписать из книжки: «операция «ПИЛ» — поиск интересных людей (надо будет провести такую!). Газета «Постегайка» — стоит запомнить и при случае выпустить листок с таким смешным названием.

Секрет простой. Николай Богданов сам долгое время был пионерским вожатым, пионерским работником. И когда он писал свою первую повесть, он и не думал, что пишет художественное произведение. Ведь ему поручили простое дело: создать инструкцию о работе пионеров в деревне. А талант писателя, изобретательность вожатого и любовь к ребятам, свойственная каждому хорошему человеку, сделали чудо: вместо сухой инструкции получилась повесть; когда ее читали работники Центрального Бюро пионеров, они «хохотали чуть ли не до слез». В этой повести много смешного и много трагического. В ней появляются «привидения». Главный герой ее рискует жизнью, пытаясь создать пионерский отряд. Ее читаешь — не оторвешься. И в то же время, если читаешь ее с умом, ты находишь в ней много полезных практических советов о том, как организовать работу отряда в селе. Так что Николай Богданов и сегодня остается не только писателем, но и вожатым — организатором пионеров.

В те далекие годы, когда создавались отряды, ребята объединялись, как тогда говорили, «по классовому признаку». Колхозов тогда еще не было, каждый вел свое хозяйство сам, и были в деревне бедняки, кулаки, середняки. В отряды собирались дети тех, кто победнее, и помогали отцам воевать с кулаками.

Мы с вами узнаем все это из истории. Но, пожалуй, только прочитав повести Н. Богданова, понимаешь, как оно все было на самом деле, с каким трудом создавались первые пионерские отряды. И думаешь: какая это все-таки сила, пионерская организация! Ведь если б не было ее, если б ребята в селе, в городе, на улице жили каждый сам по себе, плохо бы им пришлось.

Сейчас время совсем другое, сейчас отряд, красный галстук, само слово «пионер» — все это обычно и привычно. Но почему иногда получается так, что вот в деревне все ребята в пионерах, а дружбы, сплоченности нет? Почему верх берут всякие там хулиганишки? Они, бывает, держатся дружнее пионеров, и некоторые пионеры даже стыдятся галстук носить, боятся, как бы их не стали дразнить. Что случилось? Ведь кулаков давно уже нет, и кулацких сынков никаких нет...

А ведь есть и теперь враги у пионеров, и, пожалуй, еще более хитрые, чем прежде, чем Гришка Чашкин, Мишка Алдохин, Федька Салин, с которыми вы познакомитесь, если прочтете книжку Николая Богданова. Эти враги — Скука, Безделье, Неорганизованность.

Вот посмотрите на ребят из повести «Партия свободных ребят». У них поначалу и вожатого не было. Но они сообразили, что надо объединиться в отряд, и недолго пришлось им думать, чем заняться. Обижают где-нибудь паренька — пионеры тут как тут, готовы встать на защиту. Просит Советское правительство помочь голодающим крестьянам Поволжья — пионеры по колоску собирают на поле мешок зерна. Все, что на пользу Советской власти, — все это дело пионеров.

А разве сейчас не бывает, что кто-то из ребят нуждается в защите? Вот недавно я слышал историю про то, как один жестокий человек держал у себя девчонку в няньках и не пускал ее учиться. Пятнадцать лет девочке, а она еще и первый класс не окончила. Чуть что — ее бьют да колотят. Было в том селе немало пионеров, но никто не пришел ей на помощь...

А разве сейчас стране не нужна пионерская помощь? Ребята во многих селах стали выращивать у себя по домам зеленую подкормку для колхозных ферм. Хорошее дело, и таких дел можно очень много найти. Вешки на зимней дороге поставить, чтоб никто не сбился с пути. Глиняный «замок» у колодца сделать, чтоб грязная вода не стекала в сруб. Мосток починить. Вот чем интересны, в частности, повести Н. Богданова. Они показывают, что ребята, если они настоящие пионеры, не придумывают какие-то особые, мудреные дела, а ведут себя как маленькие хозяева в деревне: все их касается, до всего им есть дело — и тогда это самое «дело» долго искать не приходится, оно на каждом шагу.

Когда читаешь интересную книгу, всегда примеряешь ее на себя, задумываешься о теперешней жизни, о том, что окружает именно тебя. Одни книги вызывают таких размышлений больше, другие — меньше. Повести **Николая Богданова** как будто про вчерашний день, как будто воспоминания. А на самом деле они все время, каждой страницей своей заставляют думать о дне сегодняшнем.

Почитайте их — не пожалеете. Пять повестей собраны теперь в одну толстую книгу под названием **«Чудесники»**, выпущенную издательством «Молодая гвардия». Кстати, обратите, пожалуйста, внимание на очень хорошие рисунки художника С. Забалуева. Видно, он, как и автор книги, очень полюбил чумазых, в рванье одетых, но таких славных ребят, населяющих книгу. И вы их полюбите.

Советую прочитать

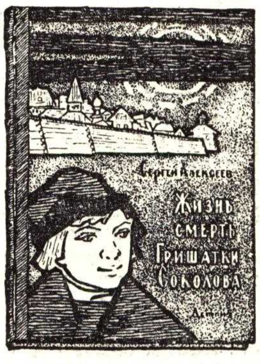
Поэму Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки»

Многие ребята не любят стихи и читают только прозу. По-моему, это совсем неправильно. Я очень люблю стихи и особенно эту поэму Эдуарда Багрицкого.

Мне очень нравится смелая пионерка Валя. Она осуждала верующих и не хотела покориться воле родителей. Когда Валя заболела, мать принесла ей крест. Но Валя отказалась от него и, умирая, подняла руку и отдала салют.

Эту поэму я знаю наизусть и не раз читала ее на сборах и концертах. И мне кажется, что всегда ее слушали с большим волнением.

Катя Гиневская, 6-й класс.

Повесть С. Алексеева «Жизнь и смерть Гришатки Соколова»

Мне она понравилась своим содержанием и еще простотой языка, которым она написана. Читаешь повесть и как будто вместе с Гришаткой испытываешь разные приключения. Я узнал о тяжелой жизни людей в крепостное время, о восстании под предводительством Пугачева. Мне очень понравился Гришатка своей смелостью. Он вместе со взрослыми отстаивал свободу и погиб за нее.

Валера Быченков, 6-й класс.

Книгу М. Бременера «Чур, не игра!»

Я люблю книги про дружбу, про школьные дела.

Совсем недавно я прочла новые рассказы М. Бременера «Чур, не игра!».

Мне понравился Рома Афанасьев. Сначала он какой-то сухой и официальный, а потом понимаешь, что он вполне хороший парень и с ним можно дружить.

Писатель, наверное, много времени проводит среди ребят. Он пишет так, как бывает в жизни. Поэтому на страницах книги можно встретить героя, похожего на тебя самого и на твоего друга.

Жаль только, что М. Бременер больше пишет про мальчиков, а про девочек совсем мало.

Черняк Аня, 6-й класс.

ППТВ

РАКЕТА-ЧЕМПИОН

«Твоя ракета, дорогой Саша, может послужить науке, а не только спорту. С ее помощью мы хотим организовать наблюдение за штормовыми воздушными течениями в прибрежной зоне моря. Будь другом: пришли, пожалуйста, чертежи».

Вот какое письмо получил от латвийских ученых-метеорологов восьмиклассник подмосковной школы Саша Касьян. Тот самый Саша, который, как вы, может быть, помните, стал победителем первых московских областных соревнований по ракетному моделизму. Проходили эти соревнования 12 апреля 1962 года, в День космонавтов.

Сашина одноступенчатая ракета полетела выше всех, точнее всех и продержалась в воздухе дольше всех — 1 минуту 53 секунды. Ракета-чемпион оказалась и самой прочной. Маленький шелковый парашютик благополучно вернул ее на землю. А сейчас она навсегда «приземлилась» — как экспонат — на выставке Центральной детской технической станции.

Сашина ракета...

Впрочем, нельзя сказать, что она только Сашина. В поселке Чкаловское, Московской области, взлетели в «космос» десятки других моделей, прежде чем родилась ракета-чемпион.

СТО РАЗ ОТМЕРЬ

Наверное, не всегда у вас, ребята, хватает терпения выполнять хорошее правило: семь раз отмерь — один отрежь. А вот для ребят из команды ракетчиков Чкаловской станции юных техников важнее его, пожалуй, нет...

Нелегко было начинать Саше Касьяну и его друзьям: трудно было доставать чертежи и описания моделей, негде было купить стандартные детали. Но ребята не стали ждать готового. Решили все делать сами.

Для начала дотошно изучили законы, по которым двигается ракета, разобрались в механизме реактивного двигателя.

Потом стали думать, из чего делать ракету и как. Каким будет корпус: бумажным или картонным? Каким передний колпачок? А стабилизаторы из чего: алюминиевые или фанерные?

Первая модель напоминала толстую круглую ножку старинного стула. Казалось, она не полетит никогда. Но все-таки решили ее испытать.

«Космодром» — во дворе. Нажат контакт, по проводу от аккумулятора побежал ток, сверкнула искра, поджигая топливо. Сейчас ракета пулей рванется в небо...

Вместо этого она штопором завертелась по площадке, а спустя секунду во все стороны полетели хлопья бумаги.

А ведь, кажется, совсем нетрудно заставить ракету взлететь и не кувыркаться в небе—ведь на

Саша Касьян с товарищем рассматривают приз имени Гагарина, завоеванный Сашей.

А это ракеты, сделанные чкаловцами: одноступенчатая, двухступенчатая с несколькими двигателями и трехступенчатая.

то она и ракета, чтобы стоять свечой. Почему же она не послушалась ребят?

Оказалось, что эта первая модель и не могла взлететь. Она была слишком тяжелой, неуклюжей — многого еще не знали тогда ребята: не учли пропорции отдельных частей, неправильно расположили центр тяжести.

...Работали ребята, как настоящие конструкторы. Искали для игрушечного тела ракеты наиболее удачные пропорции, лучшую форму стабилизаторов, учились правильно крепить двигатели, парашют. А главное, испытывали, испытывали... После каждого контрольного запуска что-нибудь переделывали, отбрасывали одно, пробовали другое. Со временем фанерные стабилизаторы заменили алюминиевыми. Корпус ракеты вытянулся. Она перестала быть похожей на ножку стула. И лучше вела себя в воздухе.

Но свеча еще не получалась. Модель швыряло из стороны в сторону. Ребята выяснили, что верхняя часть корпуса недостаточно устойчива. Она была слишком легкой и не могла противостоять силе ветра.

Пришлось постепенно сдвигать центр тяжести. Сантиметр за сантиметром поднимался он вверх. Вытягивалась и ракета. Вот найдена лучшая точка — и ракета наконец встала свечой.

Теперь нужно было «учить» ракету не только высоко «прыгать», но и как можно дольше удерживаться в воздухе.

Казалось бы, это легко сделать, поставив на каждую ступень не один, а два, три или больше двигателей. Ведь чем больше мощность двигателей, тем выше летит ракета и тем дольше держится в воздухе.

И в то же время каждый новый двигатель делает ракету тяжелее: ведь патрон для двигателя весит тридцать пять граммов (а вся ракета не больше двухсот). И хотя такая ракета подъем начинает стремительно, летит она невысоко и быстро падает на землю. Ребята поняли: выше других поднимется самая легкая конструкция.

Но и это еще не все: чтобы ракета дольше держалась в воздухе, нужно хорошо наладить работу парашюта. То есть добиться, чтобы купол раскрывался в самой высокой точке полета.

Это очень важное правило. Ведь если парашют раскроется раньше, он затормозит подъем ракеты и заставит ее слишком быстро спуститься. А если позднее,— тоже неудача. Какую-то часть обратного пути ракета, не поддерживаемая куполом парашюта, будет просто падать вниз. И в том и в другом случае потеря времени.

Решение оказалось несложным: все зависит от порохового пыжа, который освобождает парашют. Главное, чтобы он не был ни слишком слабым, ни слишком тугим. Тугой выскочит с опозданием, позже самой высокой точки, а слабый пропустит газы между стенками и не выстрелит совсем.

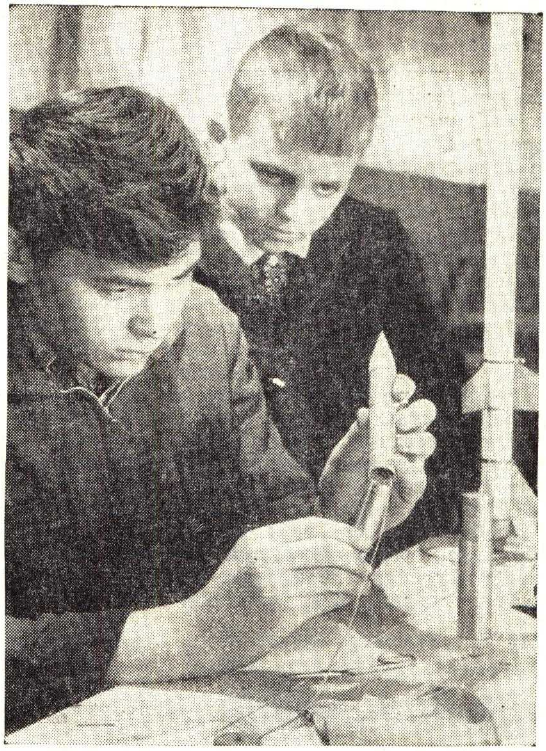
Так чкаловцы подготавливали рождение будущего чемпиона — «учили» ракету и учились сами.

ПРИБОРЫ ВМЕСТО ЛЯГУШКИ

Но вот ракета хорошо поднимается. Достаточно долго находится в воздухе.

Что же дальше? Каким наукам она еще научится?

Конечно, очень хочется отправить на ней «космонавта». Лягушонка, например, или жучка, муху. Многие ребята-ракетчики часто так и делают. А вот юные техники из Чкаловского поступили иначе. Почему?

Володя Кутиков осторожно вставляет контейнер с приборами в головку ракеты.

Белка и Стрелка летели в космос, чтобы потом рассказать, как они там себя чувствовали, как переносили особенности неземных условий. Неземных...

Наша с вами ракета поднимается на триста — четыреста метров. Воздух здесь не перестает быть воздухом, в котором превосходно живут любые организмы. Правда, наша ракета испытывает десятикратное ускорение. Но в основном условия, в которых находится контейнер с насекомыми или животными, не изменяются.

Путешествие будет совершено ради путешествия. А ребятам интересно поставить перед собой настоящую «научную» цель: например, получить полезные сведения при помощи приборов. Поэтому Саша Касьян и его друзья посылают вместо «космонавтов» несложные приборы. Приборы ребята тоже делают сами. Например, они придумали и сделали прибор для определения силы встречных потоков воздуха. А зная ее, можно определить скорость движения ракеты, «потолок» ее высоты и многое другое.

ЗЕМЛЯ — ВОЗДУХ — ЗЕМЛЯ

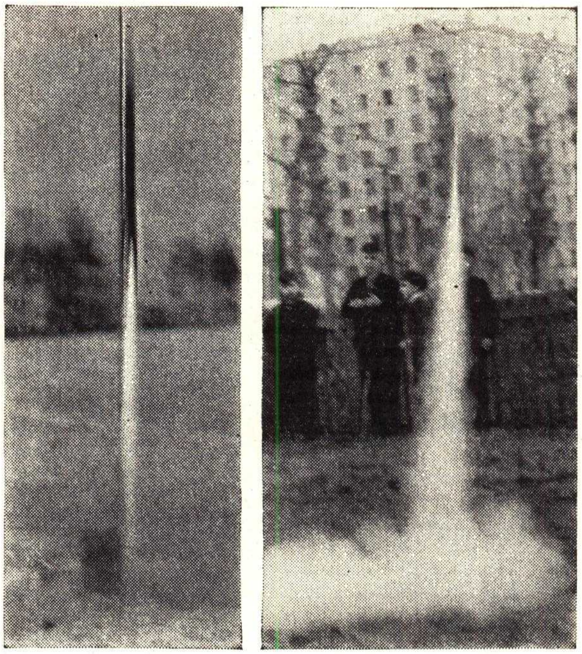
Стартовая площадка. К двигателю ракеты тянется шнур пускового устройства. Подающий энергию шестивольтовый аккумулятор для безопасности удален на пятнадцать метров.

— Внимание, старт!

Ракета отрывается от земли, набирает «космическую» скорость и уходит ввысь.

Вот отделяется первая ступень, вторая. Нако-

Справа — старт ракеты-чемпиона на соревнованиях 12 апреля 1962 года, слева — старт одной из последних моделей чкаловцев 23 марта 1963 года.

нец, отделилась и третья. Над контейнером забелело облачко парашюта.

Испытывается сто тридцатая модель. Да-да! Не двадцатая, не тридцатая — сто тридцатая! А всего за два года существования группы испытано двести двадцать моделей.

Вот откуда пришло к чкаловским ребятам большое умение. Вот почему Сашина модель не только была лучшей на первых областных соревнованиях, но и заинтересовала ученых.

Ребята теперь умеют делать ракеты, у которых скорость — шестьсот километров в час. Как у настоящего пассажирского лайнера.

Чкаловцы первыми подняли на своих ракетах новые, сложные приборы: барограф, измеряющий высоту полета ракеты, и прибор, который фиксирует перегрузки во время полета. Сконструировали и сделали приборы ребята сами.

Сейчас ракетным моделизмом занимается гораздо больше ребят, чем год назад. У чкаловцев появились новые соперники. Значит, еще интереснее и напряженнее будет спортивная борьба, еще больше почета и уважения победителям!

Г. СОРОКИНА

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Письма, письма... Очень доволен Пешкин. Много у него появилось новых друзей!

Прежде всего хочет Пешкин поблагодарить ребят, решивших его загадки из первого номера журнала. Больше тысячи юных шахматистов нашли правильные ответы. «Благодаря этим загадкам я понял, какое большое значение в игре имеют пешки»,— пишет Андрюша Болибрух, ученик 19-й школы Таллина.

Теперь давайте проверим наши решения:

Загадка. № 1. 1. e7 Kpb7 2e8C
Загадка № 2. 1. f8Л.
Загадка № 4. 1. g7!

А вот о третьей загадке пойдет особый разговор. Ведь недаром предупреждал вас, друзья, Пешкин, что это хитрая загадка. Мат в три хода достигается в ней двумя путями. Пешку g7 можно превратить в ферзя, а можно играть и так: 1. e8K Kpg8 2. Kpg6 h5 3. Kf6 мат.

Многих ребят награждает грамотами «ферзя и ладьи» Пешкин, и прежде всего тех, кто верно разобрался в третьей загадке. Среди получивших грамоты Игорь Потапов (г. Валуйки), Саша Азарченко (Ленинград), Виталий Ланский (г. Борисов), Вова Карпов (г. Полоцк), Саша Калиниченко (г. Шостка), Коля Притчин (Архангельская обл.), Лариса Минина (Московская обл.), Женя Приседский (г. Донецк), москвичи Саша Иванов, Володя Востриков, Сережа Черняк, Саша Хрусталев и другие любители шахмат.

НАУЧИЛСЯ САМ — НАУЧИ ТОВАРИЩЕЙ

Приятно получать хорошие письма. Вот, например, что пишет Юра Хлебников (Дебальцево):

«У нас в школе есть шахматный кружок. В кружке много ребят. Председатель у нас Слава Грачев. Проводим интересные турниры, учим новичков. У себя в седьмом классе я научил играть в шахматы Вову Островко, Толю Новаковского и Вову Турта».

А Володя Лисовских из города Карпинска (Свердловская обл.) рассказывает:

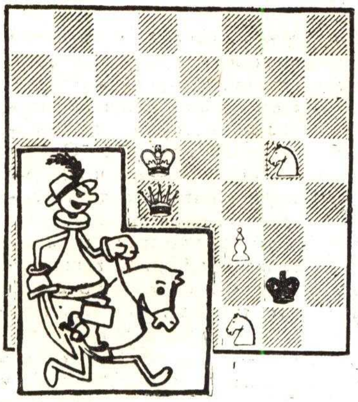
«Осенью у нас на улице Тельмана мы организовали турнир шахматистов. Многие ребята хотели играть, но плохо знали правила. У одного мальчика был шахматный учебник. Мы вместе читали эту книгу. С этого и начал работу наш кружок шахматистов. Теперь у нас есть уже свои разрядники».

«И у нас в школе много разрядников». Это пишет Женя Бурлаков из Мурома. Женя научил пятерых своих товарищей играть в шахматы.

«Совсем недавно у нас почти не было шахматистов,— сообщает Толя Родионов (ст. Родничек, Саратовская обл.), — а теперь школьная секция объединила много любителей. Команда нашей школы выезжала в Балашов, где мы соревновались с другими школами и заняли второе место».

Такие добрые вести приносят нам письма из разных городов и сел. Принимаю в свои оруженосцы Юру Хлебникова, Славу Грачева, Володю Лисовских, Женю Бурлакова, Мишу Матренина из Евпатории, Юру Румянцева (г. Прокопьевск), Сашу Теребилова (г. Донецк), Толю Родионова.

СНОВА ЗАГАДКИ ПЕШКИНА

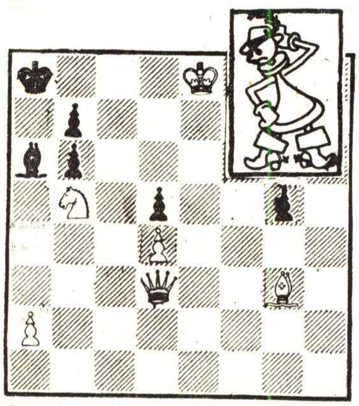

Кто это на коне! Ты, Пешкин!

Три загадки привез он вам, ребята. И во всех трех главная фигура сражения — конь; игру, как обычно, начинают белые.

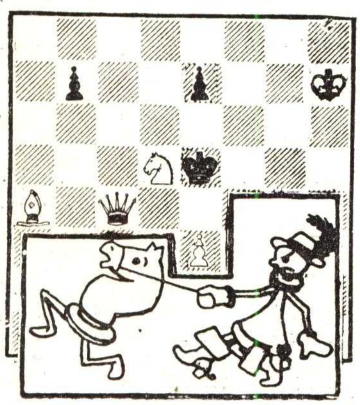
Здесь они дают мат в два хода черному королю.

А в следующей загадке мат достигается уже в три хода. И хотя черный король оттеснен в самый

угол доски, нелегко добраться до его резиденции.

И, наконец, последняя загадка.

Даже Пешкин, ветеран шахматных поединков, удивлен. Как дать здесь мат в три хода черному королю! Ведь у черных много возможностей для защиты.

Пешкин советует всем ребятам решать загадки вместе на занятиях шахматных секций. Легче будет общими усилиями найти решения, проверить все варианты.

И еще одно. Победителям нового заочного соревнования приготовил Пешкин грамоты «ферзя и ладьи». Есть у него грамоты и для школьных шахматных кружков, которые пришлют коллективные решения загадок.

УПОРСТВО ИЛИ УПРЯМСТВО!

Вот какое письмо прислал Толя Щукин из Волгограда:

«У нас во дворе ребята любят играть в шахматы. Но только обязательно играют до мата. У тебя много фигур и пешек, а противник остался с одним королем и все не сдается. А потом ребята говорят, была упорная борьба. Разве в этом упорство!»

Нет, это не упорство, Толя, а скорее упрямство. Какой смысл продолжать игру в совершенно безнадежном положении! Настоящие шахматисты обычно не играют до мата, они привыкли уважать своих противников и признают себя побежденными, когда исчерпаны все возможности обороны.

Упорно бороться — значит искать и находить шансы даже в трудных положениях, а вовсе не тянуть бесполезное сопротивление.

Смотрите, как утешает здесь Пешкин белого короля. Бедняга король совсем расстроился. Можно понять его переживания: ведь черные пешки неудержимо прорываются в ферзи.

И все же Пешкин нашел спасение для белых. Попробуйте и вы, ребята, найти, как белые могут здесь при своем ходе избежать поражения.

Владимир ОРЛОВ

Утро в Артеке

Тучи небо заклубили,
И сейчас же по горам
Ветры в горны затрубили,
Гром ударил в барабан.

Рассыпая дождь по
крышам,
Тучи скрылись налегке.
Барабан уже не слышен,
Горны смолкли вдалеке.

Прояснилась вышина,
Наступила тишина.

И тогда блеснуло пламя,
Море искрами зажглось:
Солнце алое, как знамя,
Над Артеком поднялось.

Костер

Аю-Даг смыкает веки,
Ночь спускается с горы,
Зажигаются в Артеке
Пионерские костры.

Искры в небе тают, тают,
Тают, пламя затая,
Улетают, улетают
В неизвестные края.

Дремлют горные отроги,
Пионерский лагерь спит,
По неведомой дороге
Искра каждая летит.

Может, где-то пролетая
Через черный небосвод,
Эта искра золотая
В чьи-то руки упадет.

Над морями,
Над горами
Пронесли ее ветра,
Чтоб запело где-то пламя
Пионерского костра.

НА СТАРТЕ — ПЛАВАЮЩИЕ МОДЕЛИ

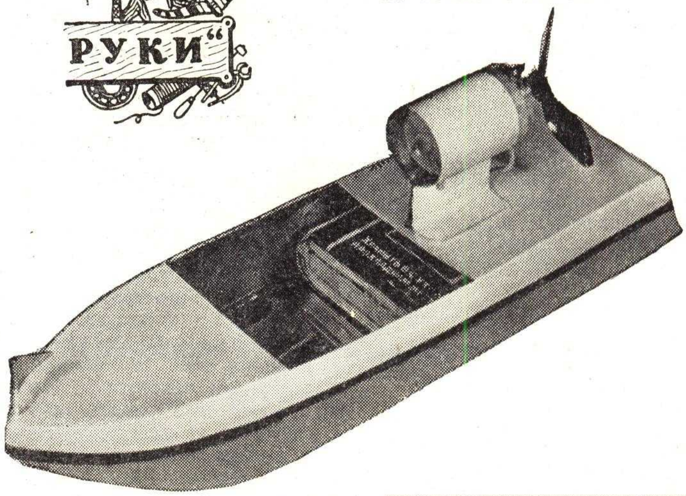
Сегодня наша мастерская работает в пионерском лагере. Строим новую модель — катер с воздушным винтом — и подвесной мотор, который можно поставить на любую лодочку или кораблик.

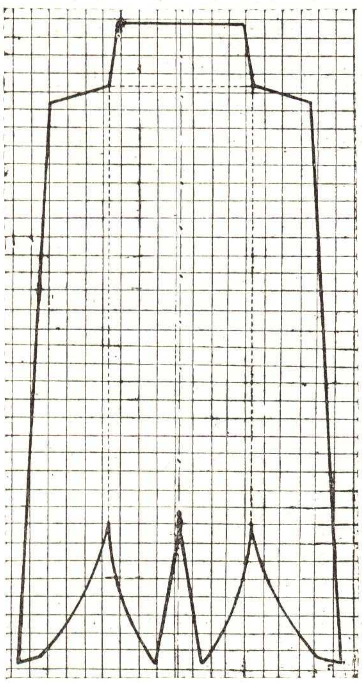
Модели простые, сделать их может каждый. Советуем построить несколько таких моделей, а потом провести соревнования.

Победителем в соревновании будет тот, чья модель пройдет строго по прямой от линии старта до финиша. Можно провести соревнования на дальность, на скорость и на грузоподъемность моделей. Модель с грузом тоже должна пройти точно по заданному курсу.

Чтобы победить в этом соревновании, надо не просто скопировать чертежи. Каждому из вас придется самостоятельно решить небольшие конструкторские задачи. Например, чтобы добиться быстроходности модели, вам придется найти нужный диаметр винта, определить угол поворота лопастей и решить, сколько должно быть лопастей у винта. Возможно, вам не сразу удастся найти лучшее решение. Не забудьте подумать и над конструкцией руля: от этого зависит устойчивость модели на курсе.

МОДЕЛЬ СПОРТИВНОГО КАТЕРА С ВОЗДУШНЫМ ВИНТОМ

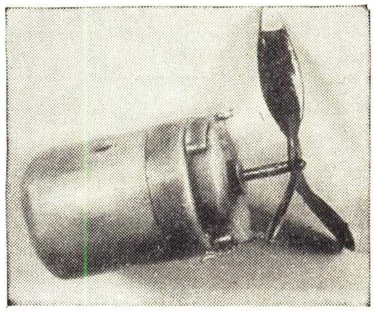
Сначала сделайте из бумаги выкройку корпуса катера. Затем наложите выкройку на жесть, из которой будете делать корпус. По пунктирным линиям, которые вы видите на чертеже, согните форму, а в местах стыков пропаяйте.

После этого корпус накройте палубой. Ее нужно вырезать из двух отдельных частей так, чтобы осталось место для кабины. Прежде чем припаивать палубу, корпус нужно выкрасить внутри масляной или нитрокраской и дать ей высохнуть.

Двигатель устанавливается в кормовой части корпуса на подмоторной раме из жести, которая жестко припаивается к палубе. Расстояние от оси двигателя до палубы — не менее 50 миллиметров.

На нашем катере установлен электрический микродвигатель. Этот двигатель надежен в работе, питается он от батарейки карманного фонаря, которая устанавливается внутри корпуса. Одним проводником от батареи к мотору служит корпус катера, а другим — изолированный провод.

На вал микродвигателя насаживается толкающий винт, вырезанный из жести. Винт хорошо виден на наших снимках.

Руль тоже вырезается из жести и припаивается к подводной части кормы.

Чтобы изготовить сиденье, нужно вырезать из жести прямоугольную пластинку по ширине корпуса, выгнуть ее по форме сиденья и подогнать по месту.

После этого займитесь отделкой модели. Места стыков нужно обработать напильником и наждачной бумагой. Щели и все повреждения корпуса тщательно зашпаклюйте. Когда шпаклевка подсохнет, весь корпус нужно зачистить наждачной бумагой. Краску кладите не густо, тонким слоем.

Теперь все готово, и модель можно испытывать.

В. ЕМАНИН

ПОДВЕСНОЙ ЛОДОЧНЫЙ МОТОРЧИК

Наш мотор можно поставить на любую лодочку. От размеров лодки будут зависеть и размеры мотора.

Рама мотора состоит из горизонтальной площадки и вертикальной стойки, похожей на букву Г.

Площадка и стойка выпиливаются из листа железа или латуни 1 — 1,5 мм толщиной. Стойку к площадке можно припаять, а можно и прикрепить маленькими угольниками и болтиками, как на верхнем фото слева.

Если стойка припаивается, то в площадке заранее сверлится отверстие для вала.

От ровного стального прутка диаметром 3 — 4 мм отпилите два вала — вертикальный и горизонтальный. Оба вала помещены в трубки — кожухи. Трубки сделайте из белой жести, а еще лучше — подберите готовые медные. Внутренний диаметр их должен быть несколько больше диаметра валов. Чтобы валы не болтались, в концы трубок вставьте и припаяйте подшипники.

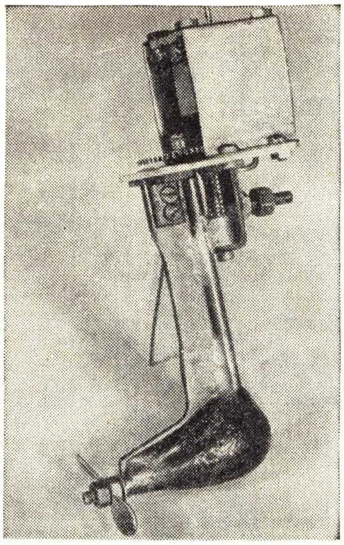
Делаются подшипники так.

Отрежьте полоску белой жести шириной 5 мм и оберните ею один из валов так, чтобы подшипник свободно входил в трубку. Вал в подшипниках должен легко вращаться. Перекос или излишнее трение могут снизить быстроходность модели катера: часть мощности двигателя пойдет на преодоление трения.

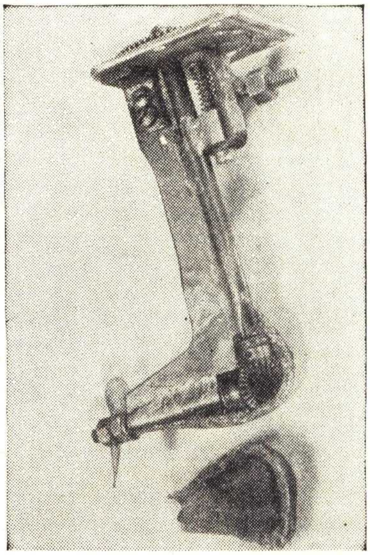
Чтобы передать вращение вертикального вала горизонтальному, подберите две конические шестерни, желательно одинакового диаметра. Шестерни насадите на концы валов, выступающие из трубок-кожухов, но пока не закрепляйте: вам еще придется вынимать меньший по длине вал.

Теперь припаяйте кожухи к стойке, выньте меньший вал и на том его конце, где будет находиться гребной винт, нарежьте резьбу. Если не сумеете этого сделать сами, попросите помочь взрослых. Вал с резьбой поставьте на место и закрепите на нем и на другом валу конические шестерни.

У настоящего подвесного мотора тоже есть коническая передача, но ее не видно: она закрыта обтекателем, снижающим сопротивление воды и предохраняющим шестерни от загрязнения. Такой обтекатель (верхнее фото справа) надо сделать и вам.

Видите, какой он маленький, этот моторчик.

Внутри обтекателя находится коническая передача.

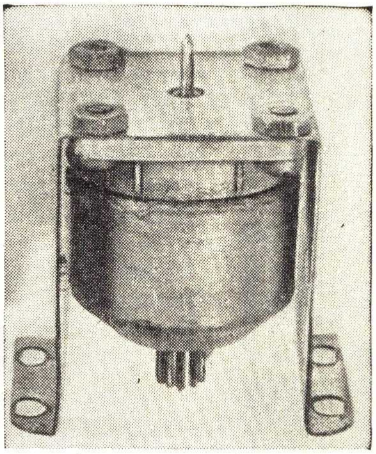
Нарежьте мелкими кусочками целлулоид и высыпьте в баночку. Если нет целлулоида, используйте бывшую уже в употреблении фотопленку. Обрезки целлулоида залейте ацетоном и помешивайте, пока не получится вязкая масса. Затем облепите пластилином шестерни и придайте массе каплеобразную форму. Сделать это нетрудно, уминая и подрезая лезвием безопасной бритвы лишний материал.

Закончив формовку, покройте сверху пластилин равномерным слоем вязкого целлулоида. Ацетон довольно быстро испарится, и целлулоид опять станет твердым. Когда он совсем затвердеет, разрежьте обтекатель вдоль снизу и разделите на две половинки. Пластилин удалите, а половинки, промазав срез ацетоном, сложите вместе и немного подержите, пока они склеятся.

Для подвесного мотора использован электрический микродвигатель. Крепить его к площадке проще всего жестяным хомутиком. Якорь двигателя вращает вертикальный вал посредством двух часовых шестерен. Большая из них припаивается к вертикальному валу, меньшая — к валу якоря.

Гребной винт вырежьте из белой жести. Он может быть двухлопастный, а может иметь три-четыре лопасти. В центре винта — в ступице — просверлите отверстие и, надев на вал, закрепите двумя гайками.

Чтобы модель двигалась по кругу, подвесной мотор надо повернуть под некоторым углом и тем самым направить отбрасываемую винтом струю воды в сторону. Для этого есть специальное приспособление. Вы поймете, как оно действует, внимательно рассмотрев фотографии. На этом приспособлении есть припаянный винт, которым мотор крепится к корме. Вы можете обойтись и без такого приспособления, но тогда вам придется винт припаять к кожуху вертикального вала.

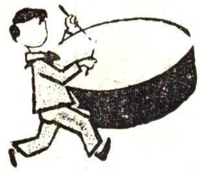

Микродвигатель прикрепляется к жестяному хомутику.

Подумайте, как проще и надежней установить подвесной мотор. Напишите нам, как он работает. Какие соревнования вы провели с моделями, и какая модель победила?

Е. РЯБЧИКОВ

ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАНЩИК

Ю. ВРОНСКИЙ

Завести велели мне
Новые привычки:
Никогда девчонок НЕ
Дергать за косички!

Никогда с братишкой НЕ
Драться за обедом!
На уроках больше НЕ
Говорить с соседом!

Я согласен даже НЕ
Рисовать на карте!
И согласен даже НЕ
Танцевать на парте!

Но не смейте делать мне
Никаких упреков,
Если даже я и НЕ
Выучу уроков!

ОШИБКИ

— Опять ты делаешь ошибки!
Когда ж ты их исправишь, Рыбкин?
— А как без них я обойдусь?
Ведь на ошибках я... учусь.

СКРОМНОСТЬ

— Кто всех скромнее в вашем классе?
— Я... Да еще дружок мой, Вася!

А. Чистяков

ТРУС

Овсей ДРИЗ

Сверкает
Яркий луг
Росой,
Карась —
Боками гладкими,
Мудрец — умом,
Лицо — красой,
А трус —
Своими
Пятками.

Перевела Р. Сеер.

●

— Почему тебе папа всегда решает задачи?

— А что же мне делать, если маме некогда?

●

— Опять учительница на тебя жалуется.

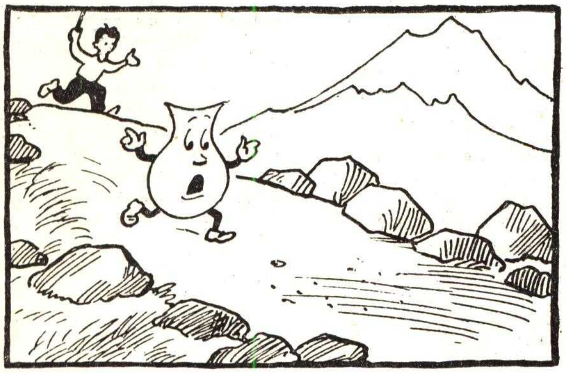
— Не может быть, мама. Ведь сегодня я не был в школе...

В. Голявкин

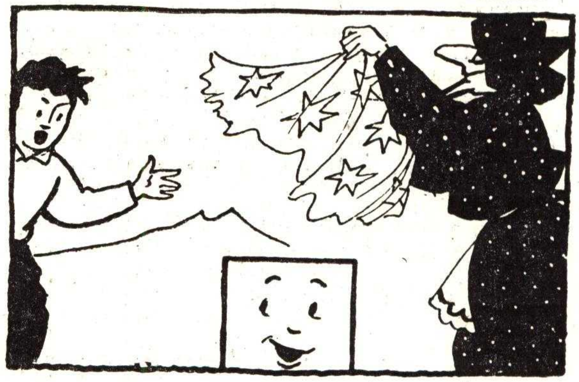
Рисунки Б. Жаринова.

ВОЛШЕБНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

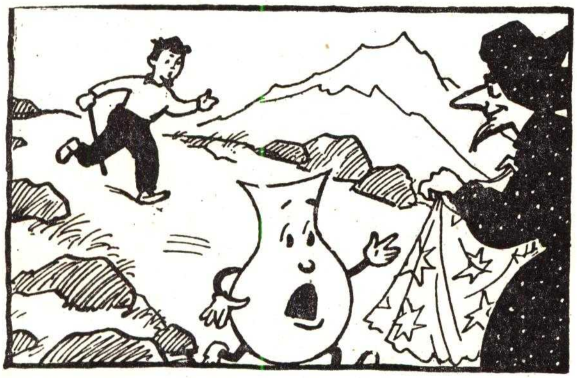
В ЧАСЫ ДОСУГА

Кувшин: Беда! За мной гонится мальчишка с палкой. Он разобьет меня вдребезги!..

Мальчишка: А куда же делся Кувшин?

Волшебник: Не бойся, Кувшин, я спасу тебя. Накрою этим волшебным платком, и ты превратишься в другую фигуру. Не шевелись! Иркис-фыркис, заковыркис!.. Чиндрах!.. Раз! Два! Три!..

Теперь, когда опасность миновала, Кувшин снова хочет принять свой прежний вид. Но Волшебника и след простыл, должно быть, он решил подшутить над беднягой. Заменить Волшебника придется тебе, дорогой читатель. Смело принимайся за работу — линейка, циркуль и ножницы помогут тебе в этом деле. Попробуй разделить квадрат на три такие части, чтобы из них можно было вновь собрать Кувшин. Кстати сказать, сделать это не так уж трудно.

ОТВЕТЫ *на задачи,* ПОМЕЩЕННЫЕ В №№ 2, 3, 4

ВОВА-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Э — кран, М — ель, Б — арка, А — том. Из начальных букв новых слов составляется название реки в Западном Казахстане — Эмба. Место, где через Эмбу проходит 54-й меридиан, расположено невдалеке от Каспийского моря.

ПРОВЕРЬ СВОЮ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ

В комнате: 1) пол, 2) половик, 3) портьеры, 4) полочки, 5) приемник, 6) провод, 7) патрон, 8) патефон, 9) пластинки, 10) пианино, 11) почтальон, 12) пуговицы, 13) пудель, 14) поднос, 15) посуда, 16) платье, 17) полотенце, 18) передник, 19) пиджак, 20) портрет, 21) пейзаж, 22) пузырек, 23) пароход, 24) парус, 25) перо, 26) пресс-папье, 27) переключатель, 28) пионер, 29) пояс, 30) пряжка, 31) подстаканник, 32) подушки, 33) портфель, 34) пешки, 35) подставка под цветы, 36) письмо, 37) подоконник.

За окном: 38) птицы, 39) паровоз, 40) палатка, 41) продавец, 42) покупательница, 43) прохожий, 44) палка, 45) пальто.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ

«Звездный космодром». Поскольку в условии задачи сказано, что 19-й блок остается на месте, а последняя сумма попарно взятых смежных номеров после перестановки их должна быть равна числу 28, то легко установить (28—19), что рядом с 19-м блоком должен находиться блок № 9. А рядом с блоком № 9 может находиться только блок № 18, чтобы сумма этих двух номеров составила предпоследнее число в заданном ряду последовательных чисел — 27. Так, приступая к решению задачи с конца, мы переставим все блоки в том порядке, который требуется: 10—1—11—2—12—3—13—4—14—5——15—6—16—7—17—8—18—9—19.

После перестановки всех блоков по буквам, написанным на них, можно прочитать две начальные строчки зашифрованного текста.

Встреча в космосе. Вспомогательные слова на закрытые буквы «плетенки»: 1) Андромеда, 2) невесомость, 3) зенит, 4) Крым. Числа в шифре вспомогательных слов указывают номера горизонтальной и вертикальной полосок, на скрещивании которых находится закрытая буква.

В «плетенке» загаданы очередные три строки зашифрованного текста.

Знаки на метеорите. Ребусом записаны последние строки стихотворного напутствия юным путешественникам.

Приводим этот текст полностью:

Скоро ты услышишь снова
Перезвоны позывных.
Скоро ты увидишь снова
Лица «братьев неземных».
Вырастает с каждым годом
Эта дружная семья...
Будь готов служить народу!
Завтра очередь твоя!

(Из стихотворения В. Вологдина «Про космонавта»)

НЕОБЫЧНЫЙ РЕБУС

В ребусе зашифрован текст: «Скоро лето, готовься к походам!»

СО СТУПЕНЬКИ НА СТУПЕНЬКУ

Один из возможных вариантов решения задачи на заданную букву «С». 2. Си (нота). 3. Сон. 4. Снег. 5. Сталь. 6. Сестра. 7. Суббота. 8. Садовник. 9. Секретарь. 10. Собеседник. 11. Сенокосилка. 12. Соревнование. 13. Стихотворение. 14. Стандартизация. 15. Старшеклассница. 16. Самодеятельность. 17. Совершенствование. 18. Слабохарактерность. 19. Семидесятипятилетие.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28, комната 11. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00080. Подписано к печати 8/V 1963 г. Тираж 603 000 экз. Изд. № 881. Заказ № 903.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В ПРОДАЖЕ ЕСТЬ КНИГИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

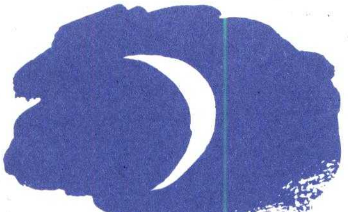
Баталов В. НЕХОЖЕНОЙ ТРОПОЙ. Перевод с коми-пермяцкого. Рассказы о детях коми-пермяцкого края, об их любви к родному краю, любознательности, сметливости. В поисках редких и нужных пород деревьев ребята совершают поход к Адову озеру, они разбирают затор на реке во время сплава леса спасают от гибели птиц. 1962 г., 80 стр., 24 к.

Джангазиев М. БЕСПОКОЙНЫЕ ПИТОМЦЫ. Повесть посвящена киргизским пионерам, которые взяли шефство над колхозной птицефермой. 1962 г., 192 стр., ц. 33 к.

Леся Украинка «СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ». Перевод с украинского. Школьная библиотека для семилетних и средних нерусских школ. 1958 г., 160 стр., ц. 31 к.

Чискан Н. БАТЫР С МАЛЕНЬКОЙ ФЕРМЫ. Повесть о якутском мальчике, который отправился в тайгу с бывалым охотником дедушкой Кононом и собакой Мохсахолом. Они встречают медведя, убивают лисицу-огневку. Дедушка Конон учит мальчика мужеству и находчивости, рассказывает поэтические истории о легендарном охотнике Джеллике. 1962 г., 80 стр., 24 к.

Юрмин Г. О ЧЕМ ПОЮТ ТОПОР С ПИЛОЙ. Книга с цветными иллюстрациями о том, что услышал мастер Столяр Мтолярыч Молотков от своих помощников и друзей — столярных инструментов. Топор рассказал ему занимательные истории о своих далеких предках; сверло поведало о том, как оно когда-то добывало огонь; молоток познакомил мастера с волшебником огненного царства — кузнецом и тремя богатырями. Каждый из рассказов кончается стихотворением — песней инструмента. 1962 г., 64 стр., ц. 29 к.

Сборник. ЧЕЛОВЕК-ВЕЛИКАН. В книгу входят произведения для классного и внеклассного чтения в начальной школе. 1962 г. 96 стр., ц. 25 к.

Сборник. НАШЕ ИМЯ — ОКТЯБРЯТА. Рассказы, веселые сценки, песни, сатирические стихи, скороговорки для октябрят. 1962 г., 202 стр., ц. 70 к.

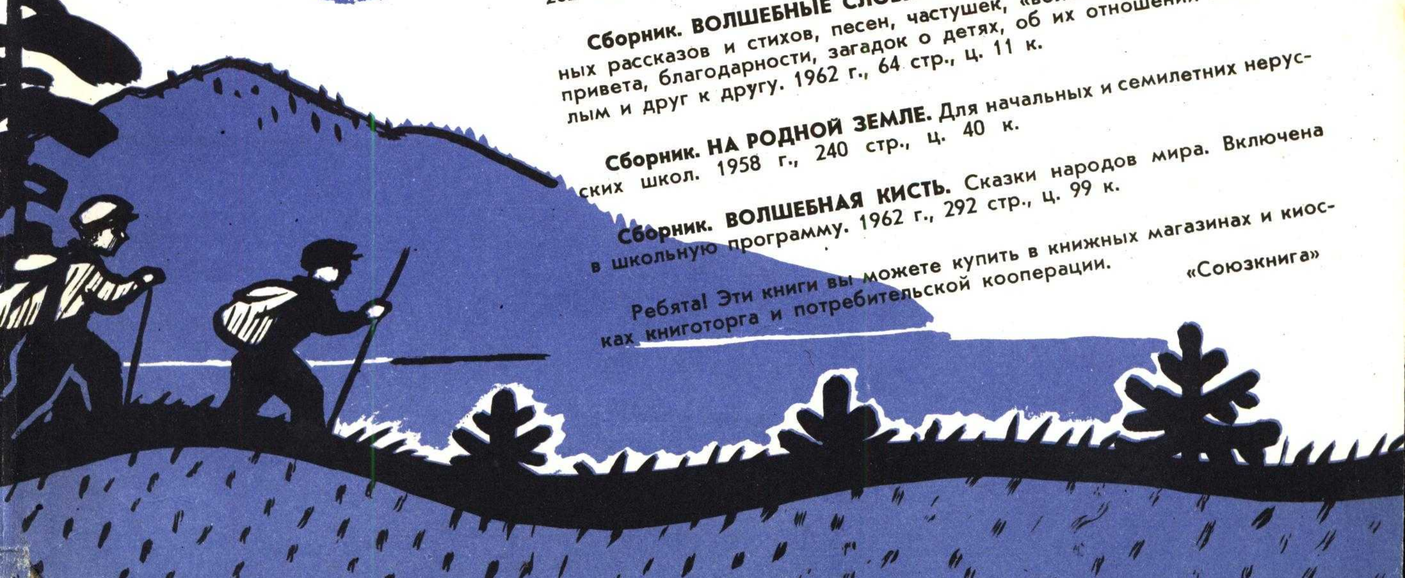
Сборник. ВОЛШЕБНЫЕ СЛОВА. В книге много веселых и серьезных рассказов и стихов, песен, частушек, «волшебных слов» — слов привета, благодарности, загадок о детях, об их отношении к взрослым и друг к другу. 1962 г., 64 стр., ц. 11 к.

Сборник. НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ. Для начальных и семилетних нерусских школ. 1958 г., 240 стр., ц. 40 к.

Сборник. ВОЛШЕБНАЯ КИСТЬ. Сказки народов мира. Включена в школьную программу. 1962 г., 292 стр., ц. 99 к.

Ребята! Эти книги вы можете купить в книжных магазинах и киосках книготорга и потребительской кооперации.

«Союзкнига»

Цена 25 коп.
Индекс 70694

